

ЭНН РАЙС

КРОВЬ И ЗОЛОТО

Энн Райс
Кровь и золото
Серия «Вампирские хроники», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154613
Энн Райс. Кровь и золото: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22753-2

Аннотация

Дети Тысячелетий...

Они были свидетелями рождения и краха мировых цивилизаций и участниками событий, запечатленных в анналах, они видели, как пал Вавилон и возвысился Рим...

Их объединили Кровь и Тьма, но каждый прошел собственный путь к бессмертию.

Хранитель Матери и Отца всех вампиров, обладатель тайн, известных лишь избранным, великий и могущественный Мариус рассказывает свою историю.

Содержание

СЛУШАТЕЛЬ	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	28
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ МАРИУСА	41
Глава 5	41
Глава 6	59
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Энн Райс

Кровь и золото

Моему любимому мужу Стэну Райсу и обожаемой сестре Карен О'Брайен

СЛУШАТЕЛЬ

Глава 1

Его имя Торн. На древнем языке рун имя звучало длиннее: Торнвальд. Но, превратившись в того, кто пьет кровь, он стал называть себя Торном. И вот теперь, много веков спустя, Торн лежал в ледяной пещере и грезил.

Давным-давно, только попав на землю вечных льдов, он надеялся заснуть навсегда. Однако его то и дело начинала будоражить жажда крови – и тогда с помощью Заоблачного дара он поднимался в воздух и отправлялся на поиски Снежных Охотников.

Они служили ему пищей, но он всегда был очень осторожен и пил понемногу, чтобы ненароком не убить. В случае необходимости он прихватывал с собой меха и обувь и возвращался в убежище.

Снежные Охотники не принадлежали к его народу. Темнокожие, с раскосыми глазами, они говорили на другом языке. Но он был знаком с ними с давних пор – с тех далеких дней, когда вместе с дядей ездил торговать на Восток. Торговля Торна не привлекала: он предпочитал воевать. Но те путешествия многому его научили.

Покой его ледяного сна нарушали только видения, от которых никак не удавалось избавиться. Мысленный дар доносил до него голоса тех, кто пьет кровь.

Сам того не желая, Торн видел мир их глазами, и иногда это даже доставляло ему удовольствие. В современном мире было много интересного и забавного – электронная музыка, например, звуки которой нередко доносились откуда-то издалека. Мысленный дар помог ему узнать о появлении паровых моторов и железных дорог и даже понять, что такое компьютеры и автомобили. Города, в которых он когда-то бывал, и теперь казались ему знакомыми, хотя с тех пор, как он покинул их, прошли века.

Со временем пришло осознание, что он не умрет. Одиночество само по себе не убивает. Забвения тоже недостаточно. И Торн просто погрузился в сон.

Но однажды случилось нечто странное. На тех, кто пьет кровь, внезапно обрушилась беда.

Появился некий юный певец, сказитель, по имени Лестат, и в своих песнях под звуки электронной музыки поведал всему миру древние легенды, раскрыл тайны, о существовании которых Торн даже не подозревал.

А потом воскресла темная царица – злое, жестокое и честолюбивое создание. Она утверждала, что носит в себе Священную Сущность тех, кто пьет кровь, и с ее смертью погибнет вся их раса.

Торн пришел в изумление.

Он понятия не имел, что о его народе сложены подобные предания. И не знал, верить им или нет.

Но пока он дремал, грезил и наблюдал за миром из глубины своего сна, царица с помощью своего Огненного дара уничтожала тех, кто пьет кровь, – повсюду, не пропуская на земле ни одного уголка. Торн слышал крики соплеменников, отчаянно пытавшихся спастись бегством; глазами других видел, как они погибают.

Скитаясь по миру, царица однажды подошла очень близко к Торну, но проследовала мимо, не заметив его, затаившегося в пещере. Возможно, она не почувствовала его присутствия. Но Торн всем существом ощутил ее силу – впервые он столкнулся со столь древним существом, если не считать ту, что дала ему Кровь.

И он погрузился в воспоминания о ней – о своей создательнице, рыжеволосой ведьме с кровоточащими глазами.

Его народ постигло страшное несчастье, и положение становилось все ужаснее. Соплеменники погибали один за другим.

И тогда Торн увидел, как из своих убежищ вышли древнейшие, по возрасту и силам равные царице.

Последней появилась его рыжеволосая создательница – Торн увидел ее глазами других. В первое мгновение он отказывался верить, что это действительно она. Столько воды утекло с тех пор, как они расстались в той пещере далеко на юге, что он не смел и надеяться на новую встречу. Но чужие глаза и уши предоставили неоспоримые доказательства. И глядя на нее в своих видениях, Торн испытывал смешанное чувство нежности и злости.

Та, что дала ему Кровь, выжила и стала еще прекраснее. Она ненавидела жестокую царицу и хотела ее остановить. Их взаимная ненависть уходила корнями в тысячелетия.

Наконец все собрались в одном доме: древнейшие – Первое Поколение тех, кто пьет кровь, и близкие Лестата – те, кого он любил и кого пощадила темная царица.

Они разместились вокруг стола, словно отважные благородные рыцари, однако на этом совете женщин слушали наравне с мужчинами. До Торна, недвижимо лежавшего подо льдом и снегом, смутно доносились их странные речи.

Они спорили с царицей, пытались убедить ее отказаться от коварных планов правления миром, положить конец жестокосердию и злу.

Торн внимательно слушал, но многие слова тех, кто пьет кровь, оказались выше его понимания. Ясно было только одно: темную царицу нужно остановить.

Даже молодому кровопийце Лестату, которого полюбила царица, не удалось отвлечь ее от злодеяний и безрассудных планов – столь глубоко помутился разум могущественной прародительницы.

Но неужели царица воистину хранит в себе Священную Сущность всех пьющих кровь? Если это правда, то как же ее уничтожить?

Ах, если бы его Мысленный дар был посильнее! Торн жалел, что пользовался им слишком редко и не сумел достаточно развить. За долгие века покоя мощь и способности его возросли, но не настолько, чтобы с легкостью преодолевать такое большое расстояние, – сейчас он чувствовал это особенно остро.

Торн наблюдал за происходящим с открытыми глазами, словно так мог видеть яснее. И тут в комнате появилась еще одна рыжеволосая женщина – сестра-близнец той, что когда-то любила его. Их сходство было поистине необыкновенным.

Оказывается, две тысячи лет тому назад сестры потеряли друг друга и с тех пор не виделись.

А виновницей их несчастий была темная царица, из ненависти разлучившая близнецов. И вот теперь пропавшая сестра вернулась, чтобы исполнить древнее проклятие, наложенное ею на ту, которая стала источником столь многих бед. Она думала только о мести, не намереваясь садиться за стол совета, не желая сдерживать кипевший внутри гнев и внимать доводам рассудка.

Лежа в сонном оцепенении среди снегов и льдов, в холодных объятиях вечной арктической ночи, Торн наблюдал, как рыжеволосая приближается к царице.

– Мы все умрем... – прошептал он.

Однако ему не пришлось в голову встать и присоединиться к своим бессмертным спутникам. Нет. Он просто смотрел. И слушал. Он дослушает до конца. Ничего другого не остается.

Наконец сестра его создательницы добралась до цели и напала на царицу. Остальные в ужасе наблюдали, как две женщины, сойдясь в жестокой схватке, сражались, словно два воина на поле битвы.

И вдруг перед мысленным взором Торна поплыло странное видение – будто он лежал на снегу и смотрел в небо.

Он увидел огромную, замысловато сплетенную сеть, растянувшуюся во всех направлениях, и внутри ее множество пульсирующих огоньков. В самом центре этой сети трепетал один-единственный язык пламени. Торн знал, что это пламя и есть царица, а остальные огоньки – все прочие кровопийцы, в числе которых и он сам. Легенда о Священной Сущности оказалась правдой – теперь он убедился в этом собственными глазами. И понял, что наступает момент, когда ему вместе с соплеменниками предстоит погрузиться во тьму и покой. Еще немного – и все будет кончено.

Раскинувшаяся вдалеке запутанная сеть ярко засверкала, центральное пламя вспыхнуло и будто взорвалось... В следующее мгновение все потускнело...

Торн почувствовал приятную вибрацию в конечностях – такое же ощущение он нередко испытывал во сне.

«Что ж, значит, мы умираем, – подумал он. – Оказывается, это совсем не больно».

На память пришла ассоциация с днем Рагнарок – днем, когда великий бог Геймдал, Освещающий Мир, подует в свой рог, созывая асов¹ на последнюю битву между богами и чудовищами, во время которой погибнет существующий мир.

– И наша война подходит к концу, – прошептал в своей пещере Торн.

Но сознание его не покидало – напротив, в голове множились и роились мысли.

До недавнего времени истинная смерть представлялась Торну наилучшим выходом. Но теперь, когда он вспомнил о своей рыжеволосой создательнице, ему страстно захотелось встретиться с ней вновь.

Почему она никогда не рассказывала ему, что потеряла сестру? Почему не поверяла ему предания, о которых в своих песнях поведал миру Лестат? А ведь она, несомненно, знала тайну царицы и Священной Сущности.

Торн вздрогнул и пошевелился во сне. Огромная, раскинувшаяся над всей землей сеть потускнела, и он с поразительной ясностью увидел двух изумительных женщин – рыжеволосых сестер-близнецов.

Они стояли рука об руку, одна – в лохмотьях, другая – в блистательном наряде, но обе великолепные и величественные в своей красоте. Чужие разумы сообщили Торну, что сестра его возлюбленной убила царицу и вобрала в себя Священную Сущность.

– Перед вами Царица Проклятых, – сказала создательница, представляя остальным вторую рыжеволосую.

Торн увидел, как исказилось лицо возлюбленной, и понял, что она страдает.

А лицо Царицы Проклятых оставалось совершенно бесстрастным.

Те, кому посчастливилось пережить катастрофу, провели вместе еще несколько ночей. Они рассказывали друг другу о себе, и их голоса звенели в воздухе, как голоса древних бардов, звучавшие в пиршественном зале. А Лестат, забыв на время об электроинструментах и музыке, снова превратился в летописца и сочинил повествование, дабы беспрепятственно поведать о состоявшейся битве миру смертных.

Вскоре рыжеволосые сестры скрылись в поисках убежища, и Торн потерял их из виду: слишком велико было расстояние.

¹ Асы (азы) – в германо-скандинавской мифологии боги, живущие в Асгарде во главе с Одином. К их числу относится и Геймдал – великий и святой ас, называемый обычно «белым асом».

«Не двигайся, – приказал он себе. – Забудь все, что видел. Ничего не изменилось, и нет причин подниматься из льда. Сон – твой друг. Видения – незванные гости.

Лежи смирно – и покой возвратится к тебе. Уподобься богу Геймдалу перед призывом к битве: веди себя так тихо, чтобы слышать, как шерсть растет на спинах овец и как вдалеке, там, где растаял снег, пробивается из земли трава».

Но видения продолжались.

Лестат опять нарушил покой смертного мира. Он принес с собой из христианского прошлого удивительную тайну и доверил ее смертной девушке.

Да, этот Лестат, похоже, никогда не успокоится. Такое впечатление, что он родом из страны Торна, что он один из воинов той древней эпохи, которую так хорошо помнит сам Торн.

Его рыжеволосая создательница вернулась – обворожительно оживленная, властная и могущественная, с покрасневшими от смертной крови глазами. На сей раз она заковала в цепи несчастного Лестата.

Какие цепи способны удержать существо, обладающее подобной мощью?

Торн задумался. Действительно – какие? Казалось, еще немного – и он найдет ответ на этот вопрос.

А пока он смотрел на рыжеволосую красавицу, терпеливо сидевшую рядом со скованным Лестатом, и видел, как тот беснуется, отчаянно пытаясь вырваться из плена, и как все усилия молодого кровопийцы пропадают даром.

Из чего же они все-таки сделаны, эти мягкие на вид звенья, если до сих пор удерживают столь сильное существо? Этот вопрос не давал Торну покоя. А почему его рыжеволосая создательница любит Лестата, почему оставляет ему жизнь? Почему она так спокойна, когда он рвет и мечет от бешенства? Каково это – быть закованным ею в цепи и находиться рядом с ней?

К Торну вернулись воспоминания – беспокойные грезы о создательнице, о том, как он, смертный воин, впервые обнаружил ее в пещере северной страны – своей родины.

Это случилось ночью. Сидя за прялкой, она вырывала один волосок за другим из своих длинных рыжих локонов и наматывала их на веретено, сплетая в нить. Она работала молча и быстро, словно не замечая его приближения. Торна поразили ее кровоточащие глаза.

Стояла суровая зима, огонь за ее спиной казался необыкновенно ярким, а он, стоя в снегу, наблюдал, как она вьет тонкую нить – точь-в-точь как любая из знакомых ему смертных женщин.

«Ведьма», – громко сказал он в тот момент.

Торн стер эту сцену из памяти.

И увидел создательницу такой, какой она стала сейчас, по-прежнему сидящей возле Лестата, который, несмотря на то что почти сравнялся с ней по силе и могуществу, смирился и уже не пытался сбросить с себя странные цепи.

Наконец Лестат вновь обрел свободу. Собрав волшебные цепи, рыжеволосая создательница удалилась.

Торн все еще видел остальных, но она исчезла из поля их зрения и тем самым исчезла из поля зрения Торна.

Он еще раз клятвенно пообещал себе не выходить из дремотного состояния и постарался заснуть крепче. Но, по мере того как сменялись ночи в ледяной пещере, беспорядочный шум окружающего мира становился все более оглушительным.

Шло время, но он никак не мог забыть лицо той, которую давно потерял, не мог забыть, что она все так же полна энергии и бесконечно прекрасна.

К нему с обостренной горечью вернулись былые мысли.

Почему же они поссорились? Разве она отвернулась от него? Почему он так ненавидел других ее спутников? Почему таил на нее зло из-за бродяг, которые, однажды встретив ее, впоследствии с восхищением вспоминали и рассказывали друг другу о своих странствиях во Крови?

А легенды? Мифические истории о царице и Священной Сущности – так ли уж важно ему было бы их услышать? Ответа Торн не знал. Легенды его не интересовали. Он окончательно запутался. И не мог выбросить из головы Лестата, скованного загадочными цепями.

Воспоминания не давали ему покоя.

И в середине зимы, когда северное солнце окончательно перестало озарять льды, Торн понял, что сон оставил его и покоя больше не будет.

Тогда он вышел из пещеры и отправился в долгий путь сквозь снега к югу. Он двигался неспешно, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться к голосам и звукам смертного мира и попытаться хотя бы приблизительно понять, где именно вскоре окажется.

Ветер развеивал его длинные густые рыжие волосы. Торн почти до глаз поднял меховой воротник и стряхнул лед с бровей. Сапоги скоро промокли. Он вытянул руки, безмолвно концентрируя силы, чтобы обрести Заоблачный дар, и начал подниматься кверху, стараясь не взлетать слишком высоко.

Торн плыл над землей в поисках себе подобных, особенно таких же древних, как он сам, надеясь, что кто-то примет его и будет рад его появлению.

Ему надоело пользоваться Мысленным даром, ловить обрывки чужих впечатлений и захотелось услышать наконец живую речь.

Глава 2

Торн странствовал несколько суток, не останавливаясь ни ночью, ни днем – ведь зимой солнце не показывалось, – и наконец услышал зов своего соплеменника. Один из тех, кто пьет кровь, значительно старше Торна во Крови, ожидал его в знакомом испокон веку городе.

Даже долгое забытие в ледяной тьме не смогло стереть из его памяти это место. Когда-то здесь стоял большой торговый город с красивым собором. Однако много лет назад, направляясь на север, Торн обнаружил, что город охвачен страшной чумой, и решил, что людям не выжить.

Тогда Торн даже подумал, что все народы мира падут жертвой кошмарной болезни – ужасной, не щадившей никого на своем пути.

На него снова нахлынули воспоминания.

Словно воочию предстала перед ним чума, повеяло запахом тех времен, когда по улицам растерянно бродили осиротевшие дети, то тут, то там вырастали горы трупов и повсюду воняло разлагающейся плотью. Торн не знал, как выразить и объяснить другим ту жалость ко всему человечеству, которую он испытывал при виде обрушившегося на людей несчастья.

Он не хотел видеть, как умирают города, пусть даже совсем ему чужие. Даже питаясь зараженной кровью, он не заболел. Но и исцелить никого не мог. Удаляясь на север, он был почти уверен, что все прекрасные творения человечества вскоре будут преданы забвению и погребены под снегом, сорной травой или мягкой землей.

Но его опасения не оправдались: погибли далеко не все. Многие обитатели этого города выжили, и их потомки до сих пор селились на узеньких средневековых улочках. Ступая по чистым, вымощенным кирпичом тротуарам, Торн неожиданно для себя испытал радостное чувство умиротворения.

Что и говорить, приятно оказаться в городе, где царит порядок и жизнь бьет ключом.

В прочных и основательных старых деревянных домах гудят и пощелкивают современные механизмы. Наконец-то ему представится возможность собственными глазами увидеть и даже потрогать руками чудесные вещи, прежде лишь мелькавшие в неясных картинах, нарисованных Мысленным даром. На экранах телевизоров словно наяву оживали разноцветные сновидения. Люди научились строить невиданные укрытия от снега и льда и чувствовали себя в такой безопасности, о какой в прежние времена приходилось только мечтать.

Как ни удивительно, но Торну захотелось побольше узнать об этих чудесах: о железных дорогах и поездах, о морских судах и самолетах, об автомобилях, компьютерах, радиотелефонах.

Может быть, ему это удастся, ведь спешить некуда. Он вернулся к жизни с другой целью, но стоит ли торопиться? Никто даже не подозревает о его существовании, за исключением того соплеменника, чей голос он слышал, того, кто с готовностью открыл ему свой разум.

Где же он – тот, кто мысленно позвал Торна всего несколько часов назад, не сообщив своего имени и лишь предложив свою дружбу?

Ответ последовал почти мгновенно. Мысленный дар явил Торну незнакомого блондина, сидевшего в задней комнате какого-то бара – в тайном убежище тех, кто пьет кровь.

«Иди ко мне».

Получив столь четкое указание, Торн поспешил на зов. За последние сто лет он много слышал о подобных местах. В своих разговорах те, кто пьет кровь, часто упоминали о вампирских барах и клубах. Они составляли своего рода вампирскую сеть.

Возникшая ассоциация заставила Торна улыбнуться.

Перед его мысленным взором снова появилась волнующая галлюцинация – огромная сеть со множеством крохотных, пульсирующих огоньков. Все пьющие кровь соединены со Священной Сущностью зловещей царицы. И вампирская сеть – бледное подобие той паутины.

Может быть, современные кровопийцы полностью отказались от Мысленного дара и теперь связываются друг с другом с помощью компьютеров? Торн запретил себе чрезмерно удивляться чему бы то ни было.

Однако смутные воспоминания о недавнем несчастье заставили его содрогнуться, и он почувствовал, как по коже побежали мурашки.

Оставалось только надеяться, что новый друг окажется существом воистину древним, а не юным незрелым неумехой и подтвердит истинность видений, посетивших Торна во сне.

Он молился, чтобы призвавший его соплеменник обладал словесным даром, ибо больше всего на свете жаждал услышать человеческую речь. Самому Торну редко удавалось подобрать нужные слова. А сейчас ему как никогда прежде хотелось стать слушателем.

Падал легкий снег, когда он, добравшись почти до конца круто уходящей вниз улочки, увидел название бара: «Оборотень».

Смешно.

Значит, теперь кровопийцы вот так беспечно, безрассудно развлекаются, подумал он. В его времена все было иначе. Разве нашелся бы среди его народа хоть один человек, кто не поверил бы, что можно превратиться в волка? Люди были готовы на все, лишь бы отворотить от себя такую напасть.

И вот вам пожалуйста: игра, забава, размалеванная вывеска, болтающаяся на холодном ветру, ярко горящие огни в зарешеченных окнах.

Он потянул на себя ручку тяжелой двери и оказался в битком набитом жарком помещении, пропитанном запахами вина, пива и человеческой крови.

Потрясающе! По правде говоря, ему еще никогда не приходилось испытывать подобные ощущения. Жар разливался повсюду – ровный, восхитительный. Торну вдруг пришло в голову, что ни один смертный даже не представляет, как это на самом деле приятно.

Ибо в древние времена люди страдали от холода, а лютые зимы становились всеобщим проклятием.

Но предаваться размышлениям некогда.

«Ты не должен ничему удивляться», – напомнил себе Торн.

Однако не мог сдвинуться с места, парализованный присутствием неустанно болтающих смертных, запахом их крови. На мгновение все, кроме жажды, отошло на второй план. Окруженный шумной толпой равнодушных, ни о чем не подозревающих людей, он боялся, что вот-вот потеряет контроль над собой, схватит одного, потом другого – и тогда посетители бара, обнаружив присутствие монстра, набросятся на него и уничтожат.

Торн нашел свободное место в уголке и, прислонившись к стене, закрыл глаза.

Его вновь охватили воспоминания. На этот раз о том, как члены его клана тщетно носились по горам в поисках рыжеволосой ведьмы. Они не могли ее найти, ибо только он, Торн, знал, как выглядит ведьма. Только он видел, как она, вырвав глаза у мертвого воина, вложила их в собственные глазницы и как потом, едва различимая в неплотной снежной мгле, вернулась в свою пещеру, а там вновь села перед прялкой, взяла в руки веретено и принялась скручивать тонкую золотисто-рыжую нить.

Члены клана твердо решили ее уничтожить, и Торн, взяв топор, последовал за ними.

Теперь-то он понимал, каким оказался дураком. Ведь рыжеволосая красавица показала ему по собственной воле, ибо специально пришла на север, чтобы найти себе такого могучего воина. Она выбрала Торна, полюбив его за молодость, за силу, за несгибаемое мужество.

Он открыл глаза.

Смертные не обращали на него внимания, не замечали изношенную одежду. Но долго ли будет так продолжаться? Денег у него нет – не на что купить место за столом или стакан вина.

Но тут снова зазвучал голос того, кто пьет кровь, – вкрадчивый, успокаивающий:

«Не обращай внимания на толпу. Они ничего не понимают, не подозревают ни о нашем существовании, ни о причинах нашего присутствия в этом баре. Они лишь пешки. Подойди к задней двери, толкни ее изо всех сил – и она откроется».

Торн не представлял, как пройти мимо смертных так, чтобы они не догадались, кто он такой.

Но он обязан преодолеть страх. Нужно наконец встретиться с таинственным кровопийцей, который пригласил его в этот бар.

Наклонив голову и подняв воротник, он пробрался сквозь скопище смертных, расталкивая в стороны их мягкие тела и стараясь не встречаться взглядом с теми, кто обращал на него внимание.

В дальнем конце бара он увидел дверь без ручки, толкнул ее, как было велено, и...

И оказался в большом, тускло освещенном помещении с несколькими деревянными столами, на каждом из которых стояли толстые свечи. В этом зале было так же тепло и уютно, как и в первом.

Тот, кто пьет кровь, был один.

Торн увидел высокого стройного мужчину со светлыми, почти белыми, волосами, чуть отливавшими желтизной, – длинными, густыми, тщательно расчесанными. Взгляд голубых глаз казался суровым, а лицо, поражавшее изяществом черт, на первый взгляд мало отличалось от лица смертного, ибо кожу его покрывал тончайший слой смеси из крови и пепла, придававший ей естественный цвет. Капюшон ярко-красного плаща был откинут назад.

Торн отметил про себя, что мужчина благороден, красив и, скорее всего, хорошо образован. Судя по внешности, он был более привычен к книгам, чем к мечу, о чем свидетельствовали и крупные, но узкие ладони с длинными пальцами.

И тут Торна осенило: этот мужчина вместе с другими пьющими кровь сидел за столом во время совета, на котором решалась участь темной царицы.

Да, благодаря Мысленному дару Торн видел, что именно этот древний кровопийца больше всех старался урезонить царицу, хотя время от времени в его глазах сверкали искры ярости и ненависти и было ясно, что он с трудом сдерживается, не позволяя клокотавшим внутри чувствам вырваться наружу.

Да, Торн видел, как во имя спасения остальных он старался тщательно подбирать и обдумывать каждое свое слово.

Тот, кто пьет кровь, указал Торну на место справа, у стены, и тот послушно опустился на длинную кожаную подушку. Прямо перед ним зловеще плясал огонек свечи, и отблески пламени игриво посверкивали в глазах хозяина. Торн ощутил запах чужой крови и догадался, что аромат исходит от собеседника.

«Да, я уже насытился, но составлю компанию и тебе. Ты нуждаешься в пище».

– Да, – согласно кивнул Торн. – Ты даже не представляешь, как давно я не охотился. Там, среди снега и льда, обходиться без крови было легко. Но теперь, когда вокруг, совсем рядом, столько этих слабых, хрупких созданий...

– Ясно, – сказал тот, кто пьет кровь. – Я тебя понимаю. Впервые за долгие годы Торн произнес слова вслух и прикрыл глаза, наслаждаясь моментом. Да, память – это проклятие, думал он, но одновременно и величайший дар. Потеряешь память – считай, потерял все на свете.

Ему вспомнился эпизод из древнего сказания его народа: бог Один пожертвовал глазом за позволение сделать всего один глоток из источника великой мудрости и девять дней провисел на священном дереве, чтобы обрести дар ясновидения. Нет, все было еще сложнее. Один получил не только мудрость и дар ясновидения. Испив священного меда, он обрел магические руны.

Однажды, много лет назад, жрецы священной рощи дали Торну выпить такого меда, и он, встав посреди отцовского дома, исполнил песнь о рыжеволосой ведьме, пьющей кровь, о прекрасной ведьме, которую ему довелось увидеть собственными глазами.

Все, кто слышал эту песнь, хохотали и насмехались над сочинителем. Но когда она принялась убивать членов клана, они перестали смеяться, а увидев бледные тела с вырванными глазами, провозгласили его героем.

Торн вздрогнул и встряхнулся. С плеч и волос посыпались остатки снега. Небрежным жестом он смахнул льдинки с бровей, и они мгновенно растаяли на пальцах.

Он огляделся в поисках камина, но открытого огня нигде не увидел. Тепло будто по волшебству проникало через маленькие оконца. Чудесно! Достаточно согреться – и забываешь обо всем на свете. Внезапно ему захотелось стянуть с себя одежду и всем своим существом погрузиться в благословенный жар.

«В моем доме есть камин. Я провожу тебя туда».

Словно вдруг очнувшись от транса, Торн виновато взглянул на незнакомца и отругал себя за непростительно долгое молчание. Как это бестактно с его стороны!

Тот, кто пьет кровь, наконец заговорил вслух:

– Не переживай. Это вполне естественно. Ты понимаешь мою речь?

– Да, это язык Мысленного дара. Он известен всему миру. – Торн пристально посмотрел на незнакомца. – Меня зовут Торн. Моим богом был Тор. – Он поспешно сунул руку за пазуху и извлек из-под изношенного меха золотой амулет на цепочке. – Такие вещи не ржавеют от старости, – сказал он. – Молот Тора.

Тот, кто пьет кровь, кивнул.

– А кто твои боги? – спросил Торн. – Кто они? Я не о вере, а о том, что утеряно безвозвратно, о том, что не удалось сохранить ни тебе, ни мне. Ты понимаешь, о чем я?

– Боги Древнего Рима. Такова моя утрата, – сказал незнакомец и добавил: – Меня зовут Мариус.

Торн кивнул. Какое счастье – говорить вслух и слышать в ответ чей-то голос. На мгновение он забыл о жажде крови – ему хотелось только внимать обращенным к нему словам.

– Поговори со мной, Мариус, – попросил он. – Расскажи о чудесах, которым был свидетелем, обо всем, о чем сочтешь нужным...

Он хотел замолчать, но не мог.

– Однажды я разговаривал с ветром и поверил ему свои мысли и все, что накопилось на сердце. Но когда я ушел на север, во льды, слова кончились. – Он умолк, глядя Мариусу прямо в глаза. – Душа слишком болит. У меня и мыслей-то не осталось.

– Понимаю, – ответил Мариус. – Сейчас мы отправимся в мой дом, где тебя ждет ванна, чистая одежда – все, что понадобится. Потом мы поохотимся, ты восстановишь силы, а тогда и поговорим. Мне есть что рассказать, говорить я могу долго и готов поведать тебе о многом.

С губ Торна сорвался долгий вздох. Глаза его увлажнились, руки задрожали. Не в силах сдержать чувства, он благодарно улыбнулся и вновь всмотрелся в лицо собеседника. Ни следа обмана или коварства – только мудрость и искренность.

– Друг мой!

Торн наклонился и поцеловал Мариуса в знак приветствия, а потом прокусил язык, наполнил рот кровью и раскрыл губы навстречу губам Мариуса.

Такой поцелуй не удивил Мариуса. Он и сам следовал старинному обычаю и принял кровь с явным наслаждением.

– Теперь мы не имеем права ссориться по мелочам, – сказал Торн.

Он устроился у стены и вдруг почувствовал, что смущен и растерян. Его одиночеству пришел конец, и эта мысль едва не заставила Торна расплакаться. Ему казалось, что у него не хватит сил выйти на щемящий холод и добраться до дома Мариуса.

– Идем, – сказал Мариус. – Я тебе помогу.

Они вместе поднялись из-за стола.

На сей раз, минуя толпу смертных и чувствуя на себе любопытные взгляды десятков ярких, сияющих глаз, Торн испытывал еще большие мучения.

К счастью, пытка длилась недолго, и вскоре они снова оказались на узкой улочке. В воздухе кружился мягкий снег.

Мариус крепко обнял Торна, а тот судорожно хватал ртом воздух – он задыхался, сердце бешено стучало в груди. Порыв ветра швырнул ему в лицо целую пригоршню снега – и зубы заныли от холода. Пришлось ненадолго остановиться и жестом попросить нового друга подождать.

– Мысленный дар показал мне так много нового, – сказал Торн. – Я ничего не понимаю.

– Думаю, что смогу все объяснить, – отозвался Мариус. – Во всяком случае, то, что знаю, а ты уж сам решай, что тебе делать с моими объяснениями. В последнее время от моих знаний мало проку. Я одинок.

– Я останусь с тобой, – сказал Торн.

Эта чудесная атмосфера товарищества разрывала ему душу.

Они шли долго, и к Торну постепенно возвращались силы. Теплый бар остался в прошлом и теперь казался не более чем миражом.

Наконец перед глазами Торна возник красивый дом с высокой остроконечной крышей и множеством окон. Мариус вложил ключ в замок, и они вошли в широкий холл.

Ветер и снег продолжали бесноваться за дверью.

Из комнат в холл падал мягкий свет. Стены и потолок, обшитые лакированным деревом, сияли, паркет на полу был уложен красиво и аккуратно.

– Этот дом построил для меня один современный гений, – объяснил Мариус. – Мне довелось жить во многих домах, созданных в различных стилях. Этот – лишь один из многих. Проходи.

В большой комнате Торн увидел прямоугольный каменный камин, встроенный в деревянную стену. На решетке аккуратной кучкой лежали дрова – оставалось лишь поднести спичку. За огромными стеклами сияли огни ночного города. Торн понял, что они находятся на вершине холма, а под ними раскинулась долина.

– Идем, – сказал Мариус. – Я должен представить тебя тому, с кем живу.

Торн встревожился, потому что не уловил признаков присутствия чужака, но все же проследовал за Мариусом налево, в другую комнату, где его глазам открылось странное, интригующее зрелище.

Комната была заставлена множеством столов – или то был один огромный широкий стол? Так или иначе, всю поверхность покрывал удивительный миниатюрный ландшафт: горы и равнины, города и деревни. Повсюду росли деревья, кое-где даже виднелись крохотные кусты, а местами лежал снег, как будто в один уголок пришла зима, а в другом стояла весна или осень.

В бесчисленных домах мерцали огоньки; озера, сделанные из какого-то твердого вещества, блестели, как будто наполненные настоящей водой. Горы были прорезаны туннелями, а по изогнутым стальным рельсам, в разных направлениях пересекавшим пустоши, бежали

крохотные поезда, на вид металлические, как две капли воды похожие на настоящие, мчащиеся по огромному современному миру.

Над миниатюрной страной восседал один из тех, кто пьет кровь, — он и не подумал оторваться от своего занятия, чтобы взглянуть на вошедшего Торна. В момент перерождения он был молодым мужчиной — высоким, худощавым, с длинными изящными пальцами и блекло-светлыми волосами — такой оттенок характерен скорее для англичан, чем для скандинавов.

На небольшом расчищенном пространстве стола прямо перед ним лежали кисти и стояли несколько бутылочек с краской. Мужчина разрисовывал ствол деревца и, видимо, намеревался поместить его в один из уголков раскинувшегося на всю комнату мира, частью которого словно был и он сам.

При виде великолепного ландшафта, окружившего и практически поглотившего своего создателя, Торна охватило радостное чувство. Он подумал, что готов часами рассматривать крошечные здания. Этот мирок в корне отличался от грубой реальности за окном — его любили, защищали и было в нем нечто загадочное и пленительное.

Несколько поездов, бежавших по извилистым рельсам, негромко гудели, как пчелы в улье. Маленькие окошечки вагонов светились.

Все бесчисленные мелочи в стране чудес были тщательно продуманы.

— Я чувствую себя снежным гигантом, — прошептал Торн, желая тем самым выразить дружеские чувства молодому соплеменнику.

Но тот никак не отреагировал и молча продолжал наносить коричневую краску на ствол деревца, аккуратно удерживая его пальцами левой руки.

— Города и села просто очаровательны, — уже менее уверенно произнес Торн.

Однако мужчина будто не слышал. Быть может, у него нет ушей?

— Дэниел, — негромко обратился к нему Мариус, — ты не хочешь поздороваться с Торном? Сегодня он наш гость.

— Добро пожаловать, Торн, — сказал Дэниел, не поднимая глаз.

И, как будто в комнате не было ни Торна, ни Мариуса, он, закончив раскрашивать ствол, отложил в сторону кисть, взял другую, окунул ее в одну из бутылочек и коснулся кончиком кисти предназначенного для дерева места в своей стране. Затем он плотно прижал дерево к поверхности в намеченной точке, и оно осталось стоять, словно пустило корни.

— В доме много подобных комнат, — ровным голосом объяснил Мариус, спокойно взглянув на Торна. — Посмотри сюда. — Он указал на груды коробок, валяющихся под столом. — Такие деревья и дома можно покупать тысячами. Дэниел конструирует великолепные здания — видишь, какие они замысловатые? С некоторых пор он только этим и занимается.

Торн почувствовал в словах Мариуса легкий упрек, но молодой мужчина не обратил на это никакого внимания. Он уже взял в руки новое дерево, тщательно осмотрел плотную зеленую массу, изображавшую ветвистую крону, и снова взялся за кисть.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы кто-то из нас увлекался чем-либо с такой страстью? — спросил Мариус.

Торн покачал головой. Нет, он не видел. Но понимал, как такое случается.

— Иногда бывает, что кто-либо из пьющих кровь находит себе занятие и сам не замечает, как погружается в него с головой, забывая обо всем остальном, — снова заговорил Мариус. — Помню, много веков тому назад мне рассказали об одной нашей соплеменнице, жившей где-то на юге. Ее единственной страстью были красивые морские раковины, и она искала их на берегу ночи напролет, иногда до самого рассвета. Она охотилась, пила кровь, но всегда спешила вернуться к своему занятию. Причем, едва взглянув на очередную найденную раковину, она тут же отбрасывала ее в сторону и принималась искать новую. Больше ее ничто не интересовало. Так и Дэниел: он тоже в плену — у своих городов. И не желает заниматься чем-то другим. Я, можно сказать, за ним присматриваю.

Торн пришел в замешательство, но из уважения к хозяину дома промолчал. Он не понял, произвели ли слова Мариуса хоть какое-то впечатление на его друга, упорно продолжавшего свой кропотливый труд.

И вдруг Дэниел рассмеялся – негромко и добродушно.

– Пройдет еще какое-то время – и к нему вернутся прежние способности, – сказал Мариус.

– Ну, это ты так думаешь, – хмыкнул Дэниел.

Он произнес эти слова очень тихо, скорее пробормотал. А потом снова окунул кисть в бутылочку с пастой, заставлявшей деревья неподвижно стоять на зеленой траве, плотно прижал основание ствола к поверхности стола и вытащил из коробки следующий саженец.

Тем временем маленькие поезда с шумом мчались по равнине, мимо гор, мимо церкви с заснеженной крышей, мимо домов. Надо же, там были и люди – совсем маленькие, но выглядевшие вполне правдоподобно.

– Можно, я встану на колени и рассмотрю все как следует? – почтительно спросил Торн.

– Конечно, – разрешил Мариус. – Ему будет приятно.

Торн опустился на колени и приблизил лицо к деревеньке, состоявшей из сбившихся в кучку маленьких зданий. Он разглядел хрупкие вывески, но не сумел их прочитать.

Подумать только! Пробудившись от сна, чтобы вернуться в огромный мир, он попал сюда и увидел миниатюрную вселенную.

Мимо него с грохотом и ревом промчался поезд. Торну показалось, что он заметил в крошечных вагонах маленькие фигурки.

На секунду вообразив, будто этот рукотворный мир и есть реальность, он позабыл обо всем остальном и понял, в чем заключается его очарование. Это его испугало.

– Красота какая! – с благодарностью произнес он, вставая.

Молодой мужчина ни жестом, ни словом не отреагировал на слова Торна.

– Ты охотился, Дэниел? – спросил Мариус.

– Сегодня нет, Мариус.

Молодой человек неожиданно поднял взгляд на Торна, поразив того необычным фиолетовым оттенком глаз.

– Скандинав? – удивился Дэниел. – Рыжий, как близнецы. – Он негромко рассмеялся, но это был смех безумца. – Создание Маарет. Сильный!

Слова Дэниела застали Торна врасплох. Голова так закружилась, что он чуть не потерял равновесие и лишь усилием воли сумел удержаться на ногах.

Первым его желанием было ударить легкомысленного юнца, и он уже занес было кулак... Но Мариус твердо схватил его за руку.

Перед глазами Торна поплыли недавние видения. Он вновь явственно увидел близнецов – свою возлюбленную создательницу и ее пропавшую сестру. *Царица Проклятых*... Перед его мысленным взором возник беспомощный, плененный Лестат. Из чего же рыжеволосая создательница сделала столь прочные оковы? Ясно одно: металлические цепи не смогли бы удержать столь могущественного кровопийцу.

Торн поспешил прогнать тревожащие душу мысли и вернуться к реальности, уцепиться за происходящее в настоящий момент.

Мариус, крепко удерживая руку Торна, вновь обратился к Дэниелу:

– Если хочешь поохотиться, позволь мне пойти с тобой.

– Нет, не стоит, – отказался Дэниел.

Он вернулся к своему занятию. Вытащив из-под стола большой сверток, он поднял его повыше и показал Мариусу. На коробке был не то нарисован, не то напечатан – Торн не разобрал – трехэтажный дом с окнами.

– Хочу собрать такой дом, – сказал Дэниел. – Он очень сложный, такие мне еще не попадались, но благодаря своей вампирской крови я справлюсь с задачей – вот увидишь. Такому, как я, это не составит труда.

– Тогда мы оставим тебя на время, – сказал Мариус. – Только, пожалуйста, никуда не выходи без меня.

– Ни за что на свете, – ответил Дэниел, торопливо срывая крышку с коробки, внутри которой были аккуратно уложены деревянные детали различной формы. – Сходим на охоту завтра вечером. И ты сможешь вновь опекать меня, как малого ребенка, раз уж тебе так нравится.

Продолжая дружески, но по-прежнему крепко сжимать руку Торна, Мариус вывел его из комнаты и закрыл дверь.

– Когда Дэниел идет на охоту один, – объяснил он, – то обязательно попадает в какую-нибудь неприятную историю. Иногда он голодает слишком долго и доводит себя до такого состояния, что не в силах охотиться самостоятельно. А бывает, он не может найти дорогу домой, и тогда приходится его искать. Дэниел и смертным был таким же. Кровь почти не изменила его характер. А теперь вот он стал рабом своих маленьких миров. Ему нужно только свободное место и коробки с домами и деревьями – он их заказывает по компьютеру.

– Значит, у тебя есть эти странные мыслящие моторы? – заинтересовался Торн.

– Да, причем очень хорошие. В моем доме найдется все, что нужно, – сказал Мариус. – Но ты устал. Да и одежда износилась. Тебе пора освежиться. Поговорим позже.

По короткой деревянной лестнице он провел Торна наверх, в просторную спальню. Деревянные стены и двери были расписаны в желто-зеленой гамме, пол сверкал полировкой, а кровать стояла в огромной резной нише. Изысканно отделанная спальня – казалось, в ней не осталось ни одного уголка, которого бы не коснулась рука человека, – вызывала ощущение уюта и безопасности.

Широкая дверь вела в необъятных размеров ванную, где стены были обиты шершавыми деревянными панелями, пол выложен камнем и повсюду стояли зажженные свечи, в неярком сиянии которых дерево выглядело особенно красивым.

Торн почувствовал, что у него начинает кружиться голова.

Самое сильное впечатление производила огромная деревянная ванна в форме гигантской бочки, наполненная горячей водой. Она с легкостью могла бы вместить несколько человек одновременно. Поодаль на табурете стояли вазы с ароматными сухими цветами и травами. Были там и бутылки с маслами, и горшки – наверное, с притираниями.

Торну не верилось, что ему разрешат здесь помыться.

– Снимай грязную одежду, – велел Мариус. – Ее нужно выбросить. Оставить что-нибудь, кроме ожерелья?

– Нет, не надо, – ответил Торн. – Смогу ли я отплатить тебе за все?

– Уже отплатил, – сказал Мариус.

Он снял кожаную куртку и стянул через голову шерстяную тунику. Грудь его была гладкой, без единого волоска, а кожа поражала той особой бледностью, которая свойственна только самым древним из тех, кто пьет кровь. Но мощное тело отличалось природной красотой и свидетельствовало о том, что перерождение произошло, когда Мариус был в самом расцвете сил. Впрочем, угадать его возраст, будь то в смертной жизни или в бессмертии, Торн не мог.

Мариус снял кожаные ботинки и длинные шерстяные брюки и, не дожидаясь Торна, ступил в горячую воду, жестом пригласив последовать его примеру.

Торн так поспешно сбросил с себя отороченную мехом куртку, что она порвалась, потом дрожащими пальцами стянул превратившиеся в лохмотья штаны. Через мгновение

он уже разделся донага и принялся торопливо собирать с пола остатки одежды. Скрутив лохмотья в небольшой сверток, он огляделся по сторонам.

– Ни о чем не беспокойся, – сказал Мариус, едва различимый в клубах поднимавшегося вверх пара. – Иди сюда, в ванну. Согрейся.

Торн послушно ступил в горячую воду, опустил сначала на колени, а потом еще ниже – так, чтобы погрузиться по шею, и почувствовал, как его охватывает полное, самозабвенное блаженство. Он мысленно произнес коротенькую благодарственную молитву, выученную еще в далеком детстве.

Взяв из вазы горсть сушеных лепестков и трав, Мариус рассыпал душистую смесь по поверхности воды.

Помещение мгновенно наполнилось ароматами летнего сада.

Торн закрыл глаза, с трудом веря, что все происходит на самом деле: его пробуждение, долгое путешествие, встреча с Мариусом и теперь вот это восхитительное купание в роскошной ванне прекрасного дома. Ему казалось, что еще немного – и он, жертва Мысленного дара, добровольный изгнанник, очнется в холодной и пустой пещере, обреченный лишь на горькие воспоминания и бесплодные мечты.

Он медленно наклонил голову и плеснул в лицо пригоршню горячей воды – раз, другой, а затем, словно собравшись с духом, с головой окунулся в воду.

Теперь Торн окончательно согрелся, словно и не мерз никогда. Взглянув сквозь пар в окно, он увидел кружащиеся в воздухе снежинки и несметное число огней. Сознание того, что зима так близко и одновременно так далеко, было восхитительным.

Он внезапно пожалел, что вернулся в мир ради столь мрачного замысла.

Почему нельзя служить только добру? Почему нельзя делать только приятные вещи? Нет, ему никогда не удавалось так жить.

Как бы то ни было, следует сохранить тайну: ни к чему обременять его нового друга признаниями и покаянием. Впрочем, не стоит омрачать печальными мыслями и собственное существование.

Он взглянул на своего спутника.

Мариус сидел, прислонившись к деревянной стенке ванны, положив руки на край. Мокрые волосы прилипли к шее и плечам. Он не смотрел на Торна, но всем своим видом давал понять, что не забыл о его присутствии.

Торн снова на миг окунулся с головой, потом вытянул вперед руки, лег на воду – и вдруг стремительно вскочил и обернулся вокруг своей оси, чтобы стекла вода. Восторженно рассмеявшись, он провел пальцами по волосам на груди, опять опустил голову и несколько раз помотал ею в воде, чтобы как следует промыть густые волосы. Наконец он выпрямился и сел с удовлетворенным видом, в точности скопировав позу Мариуса.

Они посмотрели друг на друга.

– Значит, ты живешь среди смертных и чувствуешь себя в безопасности? – спросил Торн.

– Никто не верит в реальность нашего существования, – ответил Мариус. – Что бы люди ни увидели, они все равно станут сомневаться. А за деньги можно купить что угодно.

Голубые глаза смотрят серьезно, лицо безмятежно, словно в душе нет ни одной зловещей тайны, ни следа ненависти. Но внешность обманчива.

– За чистотой в доме следят смертные, – сказал Мариус. – А я плачу им деньги за ту работу, которую они выполняют. Достаточно ли ты успел познакомиться с современным миром, чтобы понять, как такие места обогреваются, проветриваются, как обеспечивается безопасность?

– Да, наверное, – ответил Торн. – Но ведь никто из нас не может считать себя в безопасности, когда спит, – разве не так?

Мариус горько улыбнулся.

- До сих пор смертные не причиняли мне вреда.
- Ты говоришь о царице и о тех, кого она уничтожила?
- Об этом и не только. Всякое бывало.

Безмолвно, пользуясь лишь Мысленным даром, Мариус сообщил Торну, что сам он охотится только на преступников.

– Таким образом я остаюсь в мире с человечеством, – объяснил он уже вслух. – Только так и удастся выжить. Мысленный дар позволяет мне без труда отыскать убийцу. В больших городах их хватает.

– А я предпочитаю отпивать всего по несколько глотков, – сказал Торн. – Поверь, обжорство не в моем обычае. Я отпиваю от многих, но никто не умирает. Так я прожил несколько веков среди Снежного народа. В первые годы после перерождения я не обладал таким умением: стремился поскорее насытиться и часто вел себя слишком безрассудно. Но потом научился. На моей совести нет ни одной погубленной души. Обычно я заходил в переполненные таверны и отпивал то от одного, то от другого – как пчела, перелетающая с цветка на цветок.

Мариус улыбнулся.

– Хороший обычай. Ты проявлял удивительное для сына Тора милосердие. – Улыбка стала шире. – Истинное милосердие.

– Презираешь моего бога? – настороженно спросил Торн.

– Дело не в этом, – ответил Мариус. – Я говорил, что утратил веру в римских богов, но, по правде говоря, ее у меня и не было, ибо я слишком хладнокровен по натуре. Не поклоняясь богам, я отношусь к ним скорее как к героям эпических сказаний. О Торе, например, насколько мне известно, упоминают многие предания, повествующие о кровопролитных войнах, о бесконечных битвах, о громе небесном. Так?

Торн даже не пытался скрыть, какое удовольствие доставляет ему беседа. Мысленный дар не допускал столь тесного общения, к тому же речи Мариуса не только радовали Торна своим звучанием, но и заставляли его думать и рассуждать.

– Да, предания, поэтические сказания, – кивнул Торн, – но не было для меня ничего более ясного и реального, чем раскаты грома, раздающиеся в горах, когда Тор опускает молот. И по ночам, когда я один выходил из отцовского дома навстречу дождю и ветру, когда бесстрашно взбирался по сырому склону, чтобы услышать гром, я знал, что бог рядом. Но я был далек от поэзии.

Он помолчал, вспоминая родные места и свою юность, а потом тихо произнес, не глядя на Мариуса:

– Я слышал и других богов. Громче всех остальных звучал голос Одина, возглавлявшего неистовую охоту в небесах. Да, я видел, как они, словно бесплотные духи, пронеслись мимо, и никогда их не забывал.

– А сейчас видишь?

Мариус задал вопрос не из желания поддразнить Торна, а из неподдельного интереса и, быть может опасаясь, что тот неправильно истолкует его намерение, поспешил добавить:

– Надеюсь, что да.

– Не знаю, – ответил Торн. – Это было так давно. Никогда не думал, что смогу вновь обрести такую способность.

Но перед его мысленным взором они предстали словно наяву. Сидя в теплой ванне, успокоившей кровь, изгнавшей из тела жестокий холод, он видел перед собой морозную долину, слышал грозовые раскаты, взирал на пролетавших высоко над головой призраков – утраченных мертвых, спешащих по небу за богом Одином.

«Идите за мной, – велел тогда Торн своим спутникам, юнцам, тайком покинувшим вместе с ним зал. – Мы отправимся в рощу и постоим среди деревьев, пока грохочет гром».

Священная земля пугала их, но они не смели выказать страх.

– Ты истинное дитя викингов, – тихо сказал Мариус.

– Так называли нас бритты, – ответил Торн. – Насколько я помню, сами мы это слово не употребляли и узнали его только от врагов. О, как они кричали, когда мы взбирались на стены их укреплений, когда забирали золото с алтарей их храмов. Я и сейчас слышу эти вопли.

Он сделал паузу и пристально посмотрел на Мариуса.

– Поражаюсь твоему терпению. Тебе действительно интересно.

Мариус кивнул.

– Да, очень.

Он коротко вздохнул и взглянул сквозь толстую стеклянную стену на улицу.

– Одиночество тяготит меня, друг мой. Я не могу оставаться в обществе тех, кто мне особенно близок. А они не терпят моего присутствия, ибо не желают простить то, что я когда-то сделал.

Это неожиданное признание удивило Торна. Он вспомнил Лестата и его песни. Вспомнил тех, кто собрался на совет, когда восстала темная царица. Он знал, что все они выжили и что этот блондин, Мариус, вел себя куда благоразумнее остальных.

– Извини, я не хотел тебя перебивать, – сказал Мариус. – Ты как раз собирался перейти к главному.

– Я только хотел сказать, что успел многих убить еще до того, как стал пить кровь, – объяснил Торн. – Я размахивал направо и налево не только молотом Тора, но и мечом и топором. Мальчишкой я сражался бок о бок с отцом. Можешь не сомневаться, он умер не от болезни, но пал в бою, с оружием в руках, как и подобает настоящему воину.

Торн помолчал.

– А ты, мой друг? – после паузы спросил он. – Ты не был солдатом?

Мариус покачал головой.

– Нет. Я был сенатором, законотворцем, так сказать, и отчасти философом. Да, я участвовал в битвах – так хотела моя семья – и занимал в своем легионе высокое положение, но служил недолго и, как только представилась возможность, вернулся домой, к своей библиотеке. Я любил книги. И сейчас люблю. И в этом доме, и во всех других, которые мне принадлежат, много книг – им отведены специальные помещения. А вот духом сражения я так и не проникся.

Мариус наклонился и плеснул водой себе в лицо, как прежде Торн.

– Пора, – сказал он. – Покончим с одним удовольствием и позволим себе другое. Пойдем охотиться. Я чувствую, как ты голоден. Для тебя приготовлена одежда и все необходимое. Или ты хочешь подольше погреться в горячей воде?

– Нет, достаточно, – с готовностью откликнулся Торн, стыдясь признаться, что давно уже не ощущал во рту вкуса крови.

Он снова ополоснул лицо и волосы, окунулся напоследок с головой и встал, откидывая со лба мокрые пряди.

Мариус уже выбрался из ванны и протягивал Торну большое белое полотенце.

Толстое и достаточно жесткое, оно идеально подходило для того, чтобы вытереться насухо, ведь у тех, кто пьет кровь, кожа не впитывает жидкость. В первый момент Торна пробил озноб, но он быстро согрелся, яростно теребя волосы, чтобы выжать из них последние капли.

Мариус достал свежее полотенце, тщательно осушил им плечи и спину Торна, еще раз протер его спутанные волосы и начал расчесывать их, освобождая от колтунов.

– Друг мой, а где же рыжая борода? – спросил он. – Помнится, у скандинавов, которых я встречал в Византии, были рыжие бороды. Кстати, тебе что-нибудь говорит название Византия?

– Конечно, – ответил Торн. – Меня возили в этот удивительный город. – Он повернулся и взял полотенце из рук Мариуса. – У меня действительно была длинная густая борода, даже в ранней юности, но ее сбрили в ту ночь, когда я превратился в того, кто пьет кровь. Меня специально готовили к принятию волшебной крови. Так пожелала моя создательница.

Мариус кивнул. Неписанные правила не позволяли произнести вслух ее имя, хотя тот наглый юнец уже успел опрометчиво сообщить его всему миру.

– Сам знаешь, что это была Маарет, – продолжал Торн. – Ты не нуждался в подсказках своего молодого друга, ибо прочел имя в моих мыслях? – Торн на минуту задумался и заговорил вновь: – Знаешь, а ведь это ее образ заставил меня выбраться из-под снега и льда. Она выступила против жестокой царицы, а потом заковала в цепи того вампира, Лестата. Но я не могу о ней говорить – дыхание перехватывает. Не знаю, смогу ли когда-нибудь вспоминать ее без душевного трепета. Так что давай поохотимся, а потом по-настоящему побеседуем.

Торн умолк и, прижав к груди полотенце, погрузился в собственные мысли. Стоя с мрачным и одновременно величественным видом, он размышлял, прислушиваясь к собственному сердцу и пытаясь в самой сокровенной его глубине нащупать любовь к создательнице, стараясь мобилизовать всю накопленную за многие века мудрость и с ее помощью подавить клокочущую в душе ярость. Но сделать это ему никак не удавалось. Оставалось только хранить тайну и молча отправляться на охоту вместе с Мариусом.

Глава 3

Мариус привел Торна в большую, отделанную деревом комнату, заставленную ярко разрисованными сундуками и комодами, и предложил ему на выбор множество курток из тонкой кожи, подбитых по большей части серебристым мехом и украшенных маленькими костяными пуговицами, а также целую гору брюк, плотно облегающих бедра, сшитых из такой мягкой шерсти, что разглядеть переплетение нитей в ткани было невозможно.

Только ботинки оказались малы. Торна это не смутило – он решил, что вполне может перетерпеть неудобство. Однако Мариус с ним не согласился и перебрал почти всю обувь, пока наконец не нашел пару нужного размера. Надев ботинки, Торн почувствовал себя на вершине блаженства.

Современная одежда не слишком отличалась от с юности привычных Торну вещей: льняная рубашка, а поверх – шерсть и кожа. Торна заинтриговали крохотные пуговицы на рубашке, а ровные швы и вовсе привели в восторг, хотя он понимал, что сделаны они не руками, а специальной машиной.

Внезапно пришедшая в голову мысль о том, сколько еще восхитительных открытий ждут его впереди, едва не заставила Торна забыть о его мрачной миссии.

Для себя Мариус выбрал куртку и плащ с капюшоном, вновь не изменив любимому красному цвету. Торна это удивило. Правда, приблизительно так же Мариус был одет и в вампирском баре, однако, по мнению Торна, эти оттенки были ярковатыми для охоты.

– Я привык носить красное, – ответил Мариус на немой вопрос Торна. – А ты поступай, как считаешь нужным. Лестат, мой бывший воспитанник, тоже любит красное – это безмерно меня раздражает, но я терплю. Должно быть, облачаясь в вещи одного и того же цвета, мы производим впечатление Учителя и Ученика.

– Значит, ты все-таки его любишь? – спросил Торн.

Мариус не ответил и лишь молча указал на одежду.

Торн выбрал темно-коричневую кожу, менее броскую, но тонкой выделки, шелковистую на ощупь, и надел на босу ногу отороченные мехом высокие ботинки. Плащ он не взял, дабы не стеснять движения.

На одном из шкафчиков стояло серебряное блюдо с пеплом. Мариус окунул в него кончики пальцев и, смешав пепел с кровью из собственного рта, нанес полученную пасту на лицо. На потемневшей коже проступили мелкие морщинки – напоминание о былом смертном существовании, – а глаза казались высеченными в камне. Новый облик Мариуса отлично скрыл его истинную сущность – от смертных, но не от Торна.

Мариус жестом предложил гостю последовать его примеру, но тот, сам не зная почему, отказался. Возможно, просто потому, что никогда прежде не прибегал к подобным ухищрениям.

Торн отказался и от предложенных Мариусом перчаток: они мешали ему ощущать вещи. А после столь долгого времени, проведенного во льдах, ему хотелось в полной мере насладиться ощущением любой мелочи.

– Люблю перчатки, – пояснил Мариус. – Никогда без них не выхожу. Смертных пугают наши руки. И перчатки, в отличие от пальцев, теплые на ощупь.

Он набил карманы бумажными деньгами и предложил пачку купюр Торну, но тот отклонил подарок, полагая, что брать у хозяина деньги неприлично – это проявление алчности.

– Как хочешь, – пожал плечами Мариус. – Я обо всем позабочусь. Но если мы вдруг разойдемся, возвращайся сюда. Обогни дом и найди черный ход – он будет открыт.

«Разойдемся? Как мы можем разойтись?» Торна интересовало все. Он находил удовольствие в каждой мелочи.

Они были уже практически готовы к выходу, когда на пороге возник юный Дэниел и молча уставился на них.

– Не хочешь пойти с нами? – спросил Мариус, натягивая перчатки, так плотно облегавшие ладонь, что под ними явственно проступал каждый сустав.

Дэниел не ответил. Он явно слышал вопрос, но не произнес ни слова. Его лицо производило обманчиво юное впечатление, а фиолетовые глаза выглядели очень необычно.

– Пойдем, если хочешь, – повторил приглашение Мариус.

Но Дэниел развернулся и ушел – по-видимому, вернулся к своему игрушечному королевству.

Через несколько минут Мариус и Торн уже шагали в вихре падающих с неба снежинок. Словно стремясь приободрить своего спутника, Мариус обнял его за плечи.

«Еще немного – и я вновь отведаю вкус крови», – думал Торн.

Наконец они спустились в подвал какой-то большой гостиницы.

В помещении, поразившем Торна своими размерами, толпились сотни смертных. Шум стоял невообразимый.

Смертные не только ели и пили. Некоторые, сбившись в группки, танцевали под звуки оркестра. Иные собрались у зеленых столиков на колесах и увлеченно играли в азартные игры, разражаясь то громкими хриплыми криками, то веселым смехом. Из динамиков слышался оглушительный грохот, мигающие огни раздражали, но все меркло перед запахом пищи и крови.

Никто не обратил внимания на появление Торна и Мариуса, за исключением официантки, без лишних вопросов проводившей их за столик, стоящий в самом центре зала. Отсюда можно было наблюдать за танцорами: казалось, каждый из них пляшет сам по себе, примитивно и неуклюже, извиваясь и изгибаясь под музыку в пьяном угаре.

Музыка Торну не понравилась: резкая, неприятная, она приводила его в замешательство. А разноцветные вспышки огней только усиливали неприятные ощущения.

Мариус наклонился и шепнул Торну на ухо:

– Торн, эти огни – наши союзники. Они мешают рассмотреть нас и понять, кто мы на самом деле. Постарайся к ним привыкнуть.

Мариус заказал горячие напитки.

Маленькая официантка окинула Торна кокетливым взглядом блестящих глаз, на миг задержав его на рыжих волосах.

Торн улыбнулся в ответ и тут же решил, что ни за что не станет пить от нее, даже если все остальные смертные иссохнут или вдруг исчезнут в неизвестном направлении. Он обвел глазами помещение, стараясь не обращать внимания на бьющий по ушам шум и запахи, от которых делалось дурно.

– Видишь вон тех женщин у стены? – спросил Мариус. – Они хотят потанцевать. Для этого и пришли. И теперь ждут, пока их пригласят. Сможешь пить во время танца?

– Конечно смогу, – отозвался Торн, всем своим видом и почти торжественным тоном словно желая сказать: «Ты еще спрашиваешь?»

Наблюдая за скопищем людей на танцевальной площадке, Торн вдруг рассмеялся – впервые с тех пор, как ушел на север, – но в баре было так шумно, что даже он сам не слышал собственного смеха.

– Но как мне танцевать? – в недоумении обернулся он к Мариусу. – Да, я могу насытиться так, что ни один смертный, даже жертва, этого не заметит, но я не умею кривляться, как эти люди. Странные у них танцы: бестолковая толкотня – и больше ничего.

Лицо Мариуса расплылось в улыбке. Сняв плащ и повесив его на спинку металлического стула, он невозмутимо взирал на происходящее. Какофония звуков и яркие вспышки света его, похоже, совершенно не раздражали.

– А ты делай то же, что и они, – посоветовал он. – А когда будешь пить, замедли темп. Прислушивайся к музыке и голосу крови.

Торн снова рассмеялся и, неожиданно осмелев, решительно направился мимо переполненной танцплощадки к женщинам, пожиравшим его взглядами. Он выбрал темноволосую, поскольку его всегда влекли женщины с темными глазами и волосами. Кроме того, она была старше остальных, и, скорее всего, мужчины пригласили бы ее в последнюю очередь, а он не хотел, чтобы она осталась без внимания.

Его избранница поспешно встала. Торн взял ее за маленькие мягкие ладони и повел на отполированную множеством ног площадку. Мелодии звучали одна за другой практически без перерыва – ритмичные, но однообразные и бессмысленные. Женщина неуклюже, но в такт застучала по полу изящными каблучками.

– Надо же, какие холодные руки! – воскликнула она.

– Ах, мне так совестно! – воскликнул он. – Вы уж меня простите. Я слишком много времени провел в снегах.

О боги, ему следует быть осторожнее, чтобы не причинить зла этому простодушному, доверчивому существу с небрежно накрашенными глазами и губами, нарумяненными щеками и торчащей вперед грудью, поддерживаемой узкими полосками ткани под туго обтягивающим тело черным шелковым платьем.

Женщина бесстыдно прильнула к Торну. А он, обняв ее как можно нежнее, наклонился и аккуратно, так, что она ничего не почувствовала, пронзил своими крошечными клыками тонную кожу шеи.

«Спи, любимая, и пусть тебе приснятся прекрасные сны. Запрещаю тебе бояться, запрещаю тебе вспоминать».

Кровь! Наконец-то! Он так долго ждал, и вот она льется, кровь, настойчиво подталкиваемая маленьким сердечком!

Торн отвлекся от впавшей в полуобморочное состояние партнерши и погрузился в собственные грезы. Перед его мысленным взором возникла рыжеволосая создательница. Забывшись, он приглушенно застонал и даже обратился вслух к той, которую держал в объятиях: «Отдай мне все». Но тут же спохватился, осознав, что совершил недопустимый промах.

Поспешно отстранившись от женщины, он почувствовал на своем плече чью-то руку.

Рядом стоял Мариус.

Женщина подняла на Торна затуманенный взгляд, и он закружил ее в быстром танце, смеясь и не обращая внимания на кровь, разливающуюся по венам, и на слабость, которую все еще ощущал, ибо одной жертвы, конечно, было недостаточно.

Они продолжали танцевать, двигаясь так же бестолково и неуклюже, как и остальные пары.

Но Торн хотел большего. Его мучила жажда.

Наконец женщина извинилась и попросила проводить ее обратно за столик. Странно, но ей вдруг захотелось спать, объяснила она.

Торн поклонился, кивнул и учтиво поцеловал ей руку.

За столиком осталась только одна женщина из той троицы. С другой уже танцевал Мариус. Торн предложил руку новой партнерше и поклялся себе, что на этот раз страж ему не понадобится.

Она оказалась сильнее подруги. Подведенные черной краской глаза и темная помада на губах делали ее похожей на египтянку, однако сходство разрушали светлые волосы, густо отливавшие серебром.

– Вы случайно не мужчина моей мечты? – смело спросила она, повышая голос, чтобы перекрыть музыку. Чувствовалось, что она готова отправиться с ним наверх, в номер.

– Может быть, – отвечал он, – если позволите вас поцеловать.

Крепко, но ласково прижав женщину к себе, он мгновенно впился зубами в ее шею и стал торопливо и энергично глотать кровь.

Когда Торн наконец ослабил объятия, жертва чуть пошатнулась, но посмотрела на него с обольстительной, коварной, но в то же время чрезвычайно милой улыбкой, явно не сознавая, что произошло.

Нет, от этой троицы много крови не получишь. Слишком они славные. Торн еще долго кружил в танце партнершу, отчаянно желая, но так и не осмелившись отпить еще глоток.

Он чувствовал, как пульсирует кровь в венах, но сознавал, что ее недостаточно. Руки и ноги заledenели до боли.

Мариус уже вернулся за их столик и теперь обнимал за плечи какого-то раздетого уальня, сидевшего рядом. Они негромко разговаривали.

В конце концов Торну пришлось отвести красотку назад.

– Не уходи, – попросила она, окидывая его нежным взглядом. – Разве ты не можешь остаться?

– Нет, дорогая моя, – ответил он.

Чувствуя, как при одном только взгляде на нее внутри просыпается чудовищная жажда, он попятился, повернулся и направился к Мариусу.

Унылые, навязчивые звуки музыки вызывали у него головокружение и дрожь в ногах.

Со стороны казалось, что Мариус шепчет какие-то секреты на ухо склонившемуся к нему смертному. На самом деле он пил кровь, но вскоре отпустил жертву и усадил мужчину поровнее на стуле.

– Чтобы насытиться здесь, мне придется использовать слишком многих, – сказал Торн.

Его слова терялись в общем гуле и грохоте музыки, но он знал, что Мариус все слышит.

– Тогда пойдем поищем преступника, друг мой, и устроим пир.

Мариус кивнул и на несколько минут замер, незаметно обводя взглядом помещение и без труда читая мысли заполнявших его смертных.

Торн последовал его примеру, стараясь методично прощупать каждого Мысленным даром. Но шум, общая суэта и отчаянное желание вернуться к той хорошенькой женщине не давали ему сосредоточиться. А светловолосая по-прежнему смотрела прямо на него. О, как было бы здорово полностью завладеть ею! Но нельзя убивать столь невинное существо. Если он позволит себе поддаться желанию, Мариус от него отречется, и мысль о подобном исходе действовала на Торна не менее отвращающе, чем муки совести.

– Идем, – сказал Мариус. – Есть другие места.

Они вновь оказались на улицах ночного города и через несколько минут вошли в большое здание. Это было казино, а точнее – настоящий притон, где на зеленых столах крутилась рулетка и всюду шла игра в кости.

– Посмотри туда, – сказал Мариус, указывая затянутым в перчатку пальцем на высокого худощавого молодого брүнета со стаканом пива в руке, вышедшего из игры и теперь наблюдавшего за остальными. – Отведи его в угол. У стены сколько угодно места.

Торн так и сделал. Положив руку на плечо молодого человека, он заглянул ему в глаза и воспользовался старым добрым даром Очарования, столь редким среди тех, кто пьет кровь.

«Следуй за мной, – безмолвно приказал он. – Ты ждал меня».

Торну вспомнились былые битвы и охота.

Глаза молодого человека подернулись туманом, мысли в голове смешались, воспоминания куда-то исчезли. Он послушно прошел с Торном к стоявшей у стены скамье. Они сели рядом. «Теперь твоя жизнь станет моей», – подумал Торн, массируя пальцами шею юноши,

а потом глубоко вонзил клыки в податливую плоть и беспрепятственно начал пить – медленно, с вождением.

Поток крови хлынул прямо в душу. Перед внутренним взором Торна мелькали неясные картины преступлений, совершенных этим человеком, образы людей, чьи жизни были им отняты. Но Торн не намеревался брать на себя роль судьбы. Он жаждал не возмездия, а крови. Ощувив наконец, как разорвалось смертное сердце, он отстранился и прислонил тело к стене. Потом поцеловал ранку и оставил на ней капельку собственной крови, чтобы на коже не осталось следа от укуса.

Очнувшись от грез, он оглядел сумрачный, дымный зал, заполненный незнакомцами – чужаками, обреченными на крах всех их надежд и устремлений. В своем проклятии он обрел вечность, а на человечестве лежит печать смерти.

Где Мариус? Торн не мог его найти! Он поднялся со скамьи, чтобы отойти подальше от грязного, уродливого трупа, и тут же наткнулся на какого-то мужчину. Тот мгновенно ухватился за возможность завязать драку, его грубое лицо исказилось от ярости.

– Ты что толкаешься? – спросил смертный, сощурив исполненные ненависти глаза.

– Ладно тебе, – ответил Торн, прощупывая его мысли, – неужели ты способен убить кого-то только за то, что тебя толкнули?

– Еще как! – Рот наглеца скривился в жестокой ухмылке. – И тебя ужокошу, если сейчас же не уберешься отсюда.

– Ладно. Но сначала я тебя поцелую.

С этими словами Торн хватил человека за плечи, наклонился и впился в него зубами. Жадно сделав большой глоток, он незаметно провел языком по месту укуса. Собравшиеся вокруг зрители, не видевшие, конечно, проникших в плоть клыков, хохотали над этой загадочной интимной сценой. Им и в голову не могло прийти, что на самом деле только что произошло на их глазах.

К вящему удовольствию своих друзей, ошалевший, но все еще исполненный ненависти грубиян вдруг странно обмяк и пошатнулся.

Торн быстрым шагом пересек зал и выбрался на заснеженную улицу, где его поджидал Мариус. Ветер усилился, но снег уже прекратился.

– Жажда так сильна, что я не в силах ее утолить, – попытался оправдаться Торн. – Во льдах я держал ее на цепи, как зверя, но теперь она взяла верх. Не могу остановиться. Пью, пью, а мне все мало.

– Значит, пей еще. Только не убивай. Это непозволительно даже в таком большом городе. Иди за мной.

Торн кивнул. На его совести уже есть одно убийство. Он взглянул на Мариуса, молча признаваясь в преступлении. Но тот лишь пожал плечами и обнял Торна за плечи, увлекая его вперед.

– Нам предстоит побывать во многих местах.

Домой они вернулись почти к рассвету.

В облицованном деревом подвале Мариус провел Торна в небольшую спальню, обустроенную в каменной нише. От стен веяло прохладой, но в центре под полотняным пологом стояла огромная роскошная кровать. Сложенные стопкой искусно вышитые покрывала казались мягкими и теплыми, а матрас и многочисленные подушки – пышными и удобными.

Отсутствие у Мариуса настоящего склепа, единственно надежного укрытия, поразило Торна. Здесь его мог обнаружить кто угодно, как в свое время и Торна в далекой северной пещере. Правда, спальня выглядит намного роскошнее и привлекательнее. Торн так устал, что язык отказывался ему повиноваться. Но опасения заставляли его нервничать.

– Кто, по-твоему, нас здесь побеспокоит? – спросил Мариус. – Такие, как мы, точно так же отправляются отдыхать, уединяются во тьме. Ни один смертный сюда не войдет. Но если боишься, мы поищем другое убежище. Мне понятны твои сомнения.

– Ты тоже так спишь?

– Более того, я устроил себе спальню наверху, как у смертных, и ложусь в постель со всеми удобствами. За все долгие века существования я лишь однажды подвергся нападению врагов – стаи вампиров. Когда они набросились на меня, я бодрствовал и был во всеоружии. Если захочешь, когда-нибудь расскажу тебе эту жуткую историю.

Лицо Мариуса потемнело, как будто при одном только воспоминании о давней трагедии он почувствовал страшную боль.

И тут Торн понял, что Мариусу, видимо, самому хочется рассказать о себе, что его новому другу необходимо выговориться, излить душу в длинном потоке слов. Мариус нуждается в этом так же, как он, Торн, жаждет слушать чужую речь. Да, они поистине встретились в подходящий момент.

Но придется подождать до завтра. Ночь подошла к концу.

Мариус взял себя в руки и вновь принялся успокаивать Торна:

– Свет сюда не проникает, никто тебя не потревожит. Спи спокойно, отдыхай. Завтра поговорим. А сейчас извини, но я должен уйти. Мой друг Дэниел еще молод и часто валится с ног прямо посреди своей империи. Мне нужно проводить его в удобное и безопасное место, хотя иногда я сомневаюсь, что ему это необходимо.

– Прошу тебя, прежде чем ты уйдешь, ответь на последний вопрос, – попросил Торн.

– Если смогу, – негромко и словно бы нерешительно произнес Мариус, и на лице его неожиданно появилось выражение сильнейшей неуверенности. Как будто он хранил в своей душе какие-то сокровенные тайны и должен был непременно раскрыть их, но боялся.

– Та девушка, которая выходила на морской берег в поисках красивых раковин... Тебе известно, что с нею стало?

Мариус не смог скрыть облегчения. Он окинул Торна долгим взглядом и ответил, тщательно подбирая слова:

– Говорили, она отдалась на волю солнца. Она принадлежала к числу тех, кто не слишком давно стал пить кровь. Однажды вечером, когда в небе сияла луна, бедняжку нашли на берегу посреди большого круга, выложенного из раковин. Именно этот круг свидетельствовал о том, что смерть не была случайной. Фактически от нее осталась лишь кучка пепла, да и то уже частично развеянная морским бризом. Те, кто ее любил, долго стояли возле круга, наблюдая, как ветер довершает свое дело. К утру все было кончено.

– Жуткая история, – со вздохом отозвался Торн. – Разве ей не нравилось быть такой, как мы?

Вопрос Торна, казалось, застал Мариуса врасплох.

– А тебе нравится быть таким, как мы? – потрясенно спросил он.

– Кажется... Кажется, теперь да. Снова.

В голосе Торна, однако, не было уверенности.

Глава 4

Его разбудил приятный запах дубовых поленьев, потрескивавших в камине. В первое мгновение Торн не сообразил, где находится, но чувствовал, что опасность ему не грозит, и с удовольствием повернулся в мягкой постели, уверенный, что по-прежнему пребывает в одиночестве среди льдов. Однако в следующее мгновение он обнаружил, что на этот раз проснулся в другом, гораздо более приятном месте, и почувствовал, что его ждут, что достаточно просто встать на ноги и подняться по ступенькам.

Внезапно Торн все вспомнил. Он попал в красивый современный город, воздвигнутый на древних развалинах, а потом оказался в доме Мариуса, своего нового, немного странного, но гостеприимного друга. И теперь ему предстоит долгая приятная беседа.

Он потянулся, наслаждаясь разлившимся по комнате теплом, и огляделся. Единственным источником света служили две старинные стеклянные масляные лампы, красиво расписанные стены создавали ощущение уюта. Торн почувствовал себя в полной безопасности.

На стуле лежала чистая льняная рубашка. Торн надел ее, с трудом справившись с множеством крошечных пуговиц. Зато с брюками никаких проблем не возникло. Он натянул шерстяные носки, но обошелся без ботинок. От гладких полированных половиц веяло теплом.

Поднимаясь по лестнице, Торн постарался предупредить о своем присутствии звуком шагов, рассудив, что в противном случае его в этом доме могут счесть дерзким и невоспитанным нахалом.

Подойдя к двери в комнату, где строил чудесные города Дэниел, он остановился и очень осторожно заглянул внутрь. Юный блондин продолжал работу с таким видом, словно и не уходил отдыхать. Дэниел поднял голову, совершенно неожиданно расплылся в улыбке и поздоровался с Торном.

– Ах, это Торн, наш гость, – сказал он с легким налетом насмешки, но чувствовалось, что эта насмешка скорее наигранная.

– Дэниел, мой друг, – в тон ему ответил Торн.

Он вновь обвел взглядом миниатюрные города и села, быстро мчащиеся поезда с освещенными окнами и густые леса – похоже, в данный момент создателю всего этого великолепия больше всего нравилось сажать деревья.

Дэниел, словно и не было никакого обмена любезностями, вернулся к работе и принялся наносить на деревце зеленую краску.

Торн хотел уже потихоньку двинуться дальше, но тут странный молодой вампир вновь обратился к нему:

– Мариус говорит, это не искусство, а ловкость рук и умение.

Он поднял деревце.

Торн не знал, что сказать.

– Горы я делаю своими руками, – продолжал Дэниел. – А Мариус говорит, дома тоже нужно строить самому.

У Торна и на этот раз не нашлось ответа.

– Мне нравятся дома в коробках, – продолжал рассуждать Дэниел. – Их непросто собирать, даже мне. Кстати, я в жизни не придумал бы столько разных зданий. Не пойму, с чего это Мариус так пренебрежительно относится к моему занятию. Обидно.

Торн помолчал, задумавшись, и после паузы откровенно признался:

– Не знаю, как это объяснить.

Дэниел не произнес больше ни слова.

Торн еще немного подождал ради приличия и направился в центральную комнату.

В почерневшем прямоугольном очаге, сложенном из тяжелых камней, горел огонь. Рядом в большом кожаном кресле удобно устроился хозяин дома. В его непринужденной позе было что-то мальчишеское. Мариус жестом предложил Торну занять место на большом кожаном диване напротив.

– Садись там, если хочешь, – приветливо сказал он. – Или где тебе будет угодно. Если мешает огонь, его можно залить.

– А почему он должен мне мешать? – откликнулся Торн, усаживаясь на толстые мягкие подушки.

Обведя глазами комнату, он заметил, что все деревянные панели были расписаны в золотистых и синих тонах, а балки под потолком и над дверью украшала изысканная резьба, так широко распространенная в давно прошедшие годы его молодости. Но здесь работа была явно современная. Да и сам Мариус сказал, что дом построен недавно. Надо отдать должное, смертный строитель потрудился на совесть: все продумал, обо всем позаботился.

– Бывает, те, кто пьет кровь, боятся огня, – сказал Мариус, пристально вглядываясь в пламя, отбрасывающее тени на его спокойное бледное лицо. – Невозможно заранее предсказать, как отнесется к нему гость. Я всегда любил огонь, хотя однажды сильно от него пострадал. Да ты наверняка все знаешь.

– Нет, не знаю, – ответил Торн. – Мне никто не рассказывал. И если у тебя есть желание это сделать, я с удовольствием выслушаю твою историю.

– Но сначала ты хочешь получить ответы на свои вопросы. Тебе нужно знать, на самом ли деле произошло то, что ты увидел с помощью Мысленного дара.

– Да.

Торн вспомнил сеть, светящиеся точки, Священную Сущность. Вспомнил о жестокой царице. Почему он видел ее так ясно? Откуда ему было известно, как она выглядела? Скорее всего, образы в его сознании формировались благодаря тем, кто собрался за столом совета.

Он вдруг осознал, что смотрит прямо в глаза Мариусу и что тому известны все его мысли.

Мариус отвел взгляд и вновь обратил его на огонь, а потом без лишних церемоний предложил:

– Клади ноги на стол. Самое главное – чтобы было удобно.

По примеру Мариуса Торн тоже вытянул ноги и скрестил лодыжки.

– Итак, давай поговорим. Для начала, если не возражаешь, скажи, что тебе известно и о чем ты хотел бы узнать.

В голосе древнего вампира Торн уловил легкое раздражение, но отчего-то был уверен, что не он тому причиной. Несколько мгновений Мариус задумчиво всматривался в лицо собеседника и наконец продолжил:

– Мне нечего скрывать. Таких, как мы, много. Некоторых ты видел за столом совета. Но есть и другие – они разбросаны по всему миру.

Он едва заметно вздохнул и покачал головой:

– Но я одинок. И страдаю от этого. Мне хочется быть с теми, кого я люблю, но ничего не выходит. – Он вновь перевел взгляд на огонь. – Я встречаюсь с ними, остаюсь рядом на какое-то время, а после снова ухожу.

Дэниела я забрал с собой, потому что он нуждается в моей помощи. Но еще и потому, что полное одиночество для меня невыносимо. Устав от прекрасных южных земель, даже от родной Италии, я перебрался в северные края. Раньше мне казалось, что восхитительная, щедрая Италия никогда не покажется утомительной или скучной – будь то смертному или кому-то из наших соплеменников. Однако в конце концов я сам пресытился ее великолепием и теперь предпочитаю любоваться девственно-чистыми снегами.

– Понятно, – отозвался Торн.

Он помолчал, но затянувшаяся пауза заставила его заговорить снова:

– Сделав тем, кто пьет кровь, меня увезли на юг. Казалось, я неожиданно попал в Валгаллу. Я жил в римском дворце и каждую ночь любовался открывавшейся из его окон панорамой семи холмов. Это было как в чудесном сне: дул теплый ветерок, цвели фруктовые деревья, я смотрел с высоты на море и видел, как волны разбиваются о камни, а когда спускался на берег, ощущал тепло, исходившее от поверхности воды.

Мариус улыбнулся – по-доброму, понимающе и грустно. Он кивнул и тихо, со вздохом прошептал:

– Италия... Моя Италия...

Торну хотелось, чтобы с губ Мариуса не уходила эта улыбка, чтобы лицо его подольше сохраняло столь удивительное выражение, однако через мгновение оно вновь стало невозмутимым, а взгляд, устремленный в огонь, – отстраненным. Похоже, он с головой погрузился в печальные воспоминания. Освещенные пламенем волосы казались совсем белыми.

– Поговори со мной, Мариус, – попросил Торн. – Мои вопросы подождут. Я хочу слушать твой голос, твои речи... – Он запнулся. – Я знаю, ты можешь рассказать о многом.

Мариус взглянул на него, словно пробудившись от сна, согретый словами Торна.

И наконец заговорил:

– Друг мой, я очень стар. Я истинное Дитя Тысячелетий. Мое перерождение состоялось во времена Цезаря Августа. На столь необычную смерть меня обрек друид, жрец по имени Маэл. Тогда сам он был еще смертным, но вскоре тоже стал тем, кто пьет кровь. Он до сих пор скитается по миру, хотя не так давно в припадке непонятного религиозного безумия пытался принести себя в жертву. Какая глупость!

Судьба нередко сводила нас вместе, и наши отношения складывались весьма... я бы сказал, странно. Считается, будто я сильно к нему привязан, но это ложь. В моей жизни сплошь и рядом обман. Не знаю, смогу ли я простить его – ведь он похитил меня, приволок в далекую галльскую рощу, где древний вампир, страшно обожженный, но мнивший себя Богом Рощи, дал мне Темную Кровь.

Мариус прервал рассказ.

– Понимаешь, о чем я? – спросил он.

– Да, – кивнул Торн. – Я помню те рощи и перешептывания сородичей о богах, что когда-то там обитали. Ты говоришь, что в священной роще жил Тот, Кто Пьет Кровь.

Мариус кивнул и продолжил:

– «Отправляйся в Египет, – наказал мне обгоревший Бог Рощи, – и найди Мать. Узнай, кто наслал на нас ужасный огонь, почему мы все сгорели».

– А Мать, – догадался Торн, – оказалась той самой темной царицей, что несла в себе Священную Сущность.

– Да. – Мариус обратил на Торна безмятежный взгляд голубых глаз. – Конечно же, она оказалась той самой темной царицей.

Но в те времена, о которых я рассказываю, два тысячелетия тому назад, неподвижная и немая, она казалась несчастнейшей из жертв. Ей и ее супругу Энкилу было четыре тысячи лет. Она, несомненно, обладала Священной Сущностью, ибо, когда отчаявшийся древний вампир оставил царя и царицу под палящими лучами ярко светившего над пустыней солнца, смертоносный огонь добрался до каждого из тех, кто пьет кровь.

Мучения ожидали всех, как бы они себя ни называли: боги, создания ночи, ламии... В пламени погибли очень и очень многие. Но не все. Те, кто выжил, потемнели и испытывали невыносимые страдания. Старейшие пострадали меньше всего, самые молодые превратились в пепел.

А что же сделали Священные Прародители – так их положено называть, – когда встало солнце? Да ничего. Старейший изрядно обгорел, стараясь заставить их пробудиться, загово-

речь или укрыться в убежище, а вечером обнаружил обоих по-прежнему безразличными и недвижимыми. Опасаясь новых страданий, он вернул их в погруженные во тьму покои, на самом деле представлявшие собой убогую камеру в подземной тюрьме.

Мариус замолчал. Повисла звенящая тишина – должно быть, воспоминания оказались для него слишком тяжелыми.

Он смотрел на пламя, исполнявшее свой вечный трепетный танец.

– Пожалуйста, продолжай, – взмолился Торн. – Значит, ты нашел ту царицу, увидел ее собственными глазами?

– Нашел, – подтвердил Мариус серьезно, но без горечи. – Я стал ее хранителем. «Увези нас из Египта, Мариус», – безмолвно просила она, не шевеля губами, – с помощью, как ты выражаешься, Торн, Мысленного дара.

В общем, я увез царицу вместе с ее возлюбленным Энкилом и две тысячи лет заботился о них – неподвижных и бессловесных, как статуи, – оберегал от любых опасностей.

Я укрывал их в особом святилище. Они стали моей жизнью, моим священным долгом.

Я приносил им цветы и воскурял благовония. Менял им одежду. Я стирал пыль с безжизненных лиц. И все это время хранил место их пребывания в тайне, не позволяя приблизиться к ним никому, дабы ни один вампир не смог испытать Могущественной Крови Матери и Отца или даже попытаться похитить их.

Мариус не сводил глаз с огня, но мускулы шеи непроизвольно напряглись и на гладких висках на секунду проступили вены.

– Все это время, – продолжал он, – я любил то божественное создание, которое ты справедливо называл темной царицей. Наверное, это и есть самая главная ложь моей жизни. Я любил ее.

– Как можно не полюбить такое существо? – спросил Торн. – Даже сквозь сон я разглядывал ее лицо. И ощутил скрытую в ней тайну. Темная царица... Да, я на себе испытал ее чары. А безмолвие... Быть может, таково было предназначение высших сил. Наверное, когда она ожила, тебе показалось, что проклятие снято и она наконец стала свободной.

Эти слова произвели на Мариуса странное впечатление. Он бросил холодный взгляд на Торна и снова повернулся к огню.

– Прости, если я что-то не то сказал, – сказал Торн. – Я просто стараюсь понять.

– Да, она была все равно что богиня, – подтвердил Мариус. – Я считал ее богиней и мечтал о ней, хотя убеждал и себя, и остальных в обратном. Так и плелась моя паутина обмана.

– Неужели нужно перед первым встречным признаваться в своей любви? – тихо спросил Торн. – Разве нельзя иметь свои секреты?

С глухой болью в сердце вспомнил он о создательнице. И при этом даже не пытался скрыть свои мысли от Мариуса. Торн вновь увидел ее сидящей в пещере, на фоне ярко пылающего пламени. Она выдергивала из головы волос за волосом, наматывала их на веретено и свивала в нити. Кровавые ободки вокруг глаз были особенно заметны...

Он прогнал воспоминания прочь, запрятал их поглубже в сердце. И посмотрел на Мариуса.

Но тот так и не ответил на его вопрос.

Торна охватило волнение. Он понимал, что лучше помолчать и дать Мариусу возможность выговориться. Но на языке вертелись вопросы.

– Как же произошло такое несчастье? – спросил Торн. – Почему темная царица встала со своего трона? Неужели ее разбудили песни вампира Лестата? Я видел, как он, притворяясь человеком, танцует перед смертными. И даже улыбнулся во сне, глядя, как спокойно чувствует он себя в современном мире: люди не желают верить своим глазам и веселятся под его музыку.

– Именно так все и было, друг мой, – сказал Мариус. – По крайней мере в отношении людей. А она... Да, песни тоже помогли ей очнуться от сна.

Не следует забывать, что она прожила в тишине несколько тысяч лет. Цветы и благовоения я предоставлял ей в изобилии. Но музыку... Никогда. Только современный мир дал ей такую возможность, и песни Лестата ворвались прямо в тот зал, где сидела царица, окутанная мерцающими одеяниями. Причем музыка будила ее не один раз, а целых два.

Первое пробуждение потрясло меня не меньше, чем второе, хотя тогда все быстро вернулось на круги своя. Оно случилось двести лет назад на одном из маленьких островков в Эгейском море. Мне следовало извлечь для себя хороший урок. Если бы не моя гордыня...

– Но что же все-таки произошло?

– Лестат, в то время еще относительно молодой вампир, услышав обо мне, решил со мной встретиться. Его намерения были чисты. Он хотел, чтобы я поделился с ним знаниями, и искал меня по всему миру. В конце концов наступил момент, когда он ослаб и дар бессмертия превратился для него в тягостное бремя. Он готов был покинуть мир и скрыться под землей. Вспомни, как сам ты ушел в северные земли и уснул во льдах.

Я привез его к себе. Мы долго беседовали – так же, как сейчас с тобой. Но что-то произошло, и у меня вдруг возникло любопытное ощущение: я испытал прилив глубокой привязанности к Лестату и непреодолимое желание довериться ему.

Несмотря на свою молодость, он отнюдь не был наивным невеждой. И оказался идеальным слушателем. Когда я брал на себя роль учителя, он не возражал и воспринимал это как должное. Мне отчаянно захотелось раскрыть ему секрет наших царя и царицы, поведать свои самые сокровенные тайны.

С тех пор как я делился ими с кем-либо, прошло целое столетие, и все эти долгие годы я провел в одиночестве среди смертных. Быть может, поэтому Лестат в своей беззаветной преданности показался мне достойным доверия.

Я проводил его в подземное святилище, открыл дверь и показал две сидящие фигуры.

В первые секунды он решил, что Мать и Отец – просто статуи, но вскоре понял, что они живые, что они такие же, как мы, только гораздо древнее. А главное, он увидел в них собственное будущее – то, что ждет впереди всех тех из нас, кому доведется провести в этом мире несколько тысячелетий.

Устрашающее открытие. Даже глядя на меня, юным вампирам непросто смириться с тем, что со временем и их тела станут такими же твердыми, а кожа – такой же бледной. Мать и Отец поистине внушали ужас – не удивительно, что Лестат перепугался.

Тем не менее он, обуздав страх, приблизился к царице и поцеловал ее в губы. Неслыханная дерзость! Однако, наблюдая за Лестатом, я понял, что для него такое поведение вполне естественно. Отстранившись от нее, он признался, что знает ее имя: Акаша.

Она сама назвала ему свое имя! Я не мог отрицать столь очевидный факт. Да, из глубины веков до его слуха донесся безмолвный голос, шепчущий соблазнительные признания.

Ты только представь, как молод был тогда Лестат. Он получил Темную Кровь в двадцать лет. И с момента его перерождения прошло еще лет десять, не больше.

Как я должен был поступить? Как относиться к тому поцелую и тайным откровениям?

Я полностью отрицал как свою любовь, так и ревность. Не желал признаваться в том, что испытываю горькое разочарование. «Ты слишком опытен и мудр, чтобы поддаваться слабости, – убеждал я себя. – Так извлеки урок из произошедшего. Может быть, этот юноша узнает благодаря ей нечто поистине важное и ценное. Разве она не богиня?»

Я повел Лестата в гостиную, в удобную комнату, похожую на ту, где сидим сейчас мы с тобой, но обставленную в другом стиле, и мы проговорили до рассвета. Я поведал ему повесть своей жизни, рассказал о том, как родился во Тьму, о путешествии в Египет. Всерьез приняв на себя роль учителя, я играл ее с великодушием и полной самоотдачей. Сам не

пойму, ради кого я все рассказывал – ради Лестата или ради себя? Но те часы я вспоминаю с удовольствием.

Однако когда настала следующая ночь и я уехал, чтобы на другом острове встретиться со своими смертными подданными и отдать необходимые распоряжения, Лестат совершил нечто ужасное.

Достав из своего багажа скрипку – дорогой его сердцу инструмент, обладавший поразительной силой, – он спустился в святилище.

Теперь я абсолютно уверен – впрочем, я и тогда в этом не сомневался, – что он не смог бы проникнуть туда без помощи царицы. Это она, воспользовавшись своим невероятно мощным Мысленным даром, открыла все разделявшие их двери.

Лестат утверждает, что именно царица внушила ему желание сыграть ей на скрипке. Но я так не думаю. Мне кажется, она просто позвала его и убрала с дороги все преграды. А инструмент он взял с собой по собственной воле.

Решив, что дотоле незнакомое царице звучание скрипки должно непременно ей понравиться, он принялся подражать скрипачам, чьи выступления когда-то видел, ибо играть не умел.

И моя прекрасная царица поднялась с трона и направилась к Лестату, раздавив ногой скрипку, которую тот в ужасе уронил. Но судьба драгоценного инструмента в тот момент уже никого не волновала. Акаша заключила Лестата в объятия и предложила ему свою кровь. А потом... Потом случилось событие, которое потрясло меня настолько, что мне до сих пор больно о нем вспоминать: царица не только позволила моему юному подопечному пить свою кровь, но и сама отведала его крови.

Скажешь, ничего особенного? Неправда. Я ходил к ней На протяжении долгих веков я ухаживал за ней, пил ее кровь, но ее зубы ни разу не коснулись моей кожи.

Мне не довелось слышать ни об одном просителе, чью кровь царица захотела бы выпить. Да, однажды я привел для нее жертву. Царица выпила ее кровь, и жертва погибла. Но чтобы Мать брала кровь от тех, кто приходил ей поклониться? Никогда. Она была священным источником, даровала исцеление кровавым богам и своим обгоревшим детям, но сама никогда не пила.

А кровь Лестата выпила.

Что увидела она в те минуты? Не могу даже представить. Возможно, ей открылись картины жизни Лестата, тайники его души. Так или иначе, все быстро закончилось, поскольку со своего трона восстал супруг царицы Энкил – восстал, чтобы прекратить святотатство. Тут подоспел я и предпринял отчаянную – к счастью, увенчанную успехом – попытку спасти Лестата, ибо Энкил хотел его уничтожить.

В испачканных кровью одеждах царь и царица вернулись на свои места и вновь погрузились в безмолвие. Однако после Энкил вновь разбушевался и до самого рассвета громил жаровни для благовоний и вазы.

То была устрашающая демонстрация силы царя. И я понял, что мне придется проститься с Лестатом – ради его же безопасности. Да и ради моей собственной. На следующую ночь мы расстались. Разлука была для меня мучительной, но другого выхода я не видел.

Мариус снова замолчал.

Торн терпеливо ждал продолжения.

– Не знаю, что было для меня больнее – потеря Лестата или ревность, – снова заговорил Мариус. – Я сам себя не понимаю. Я считал ее своей собственностью. Своей царицей. – Он понизил голос. – Показывая ему Акашу, я словно хвастался ценным приобретением! Видишь, какой я лжец! А потерять юное существо, столь близкое мне по духу... Невероятно больно. Такую пронзительную боль испытываешь иногда, слушая, как поет скрипка.

– Чем я могу помочь? Как облегчить твою печаль? – спросил Торн. – Ты так переживаешь, как будто она до сих пор здесь.

Мариус поднял взгляд, и на лице его вдруг появилось удивленное выражение.

– А знаешь, ты прав, – сказал он. – Я до сих пор ощущаю бремя своих обязательств. Порой у меня возникает такое чувство, что она по-прежнему рядом со мной и я должен идти к ней в святилище.

– Разве ты не обрадовался, что все кончилось? – спросил Торн. – Когда из своей ледяной пещеры я наблюдал за тем, что происходило на совете, мне показалось, что многие испытали облегчение. Даже рыжеволосые близнецы, по-моему, понимали, что все уже позади.

Мариус задумчиво взглянул на Торна.

– Да, пожалуй, все были в этом единомышленны, – сказал он. – За исключением разве что Лестата.

– Расскажи мне, как пробудилась царица, – попросил Торн. – И как случилось, что наша Мать превратилась в убийцу собственных детей. В своих скитаниях по миру она однажды прошла совсем близко от пещеры, где я спал. Я чувствовал ее, знал, что она ищет нам подобных. Но меня она почему-то не нашла.

– Некоторым тоже посчастливилось спастись, – кивнул Мариус. – Но никто не знает, сколько именно уцелело. Акаша устала убивать и пришла к нам, полагая, думаю, что у нее еще будет время завершить начатое. Но все закончилось слишком быстро, намного раньше, чем она рассчитывала.

Что касается ее второго пробуждения... Причиной вновь послужил Лестат. Но с тем же успехом я могу винить и себя.

А произошло, судя по всему, вот что. В качестве даров я приносил к ее трону изобретения современного мира. В том числе и различные приборы и механизмы. Сначала это были музыкальные устройства, потом те, что воспроизводят изображение.

Наконец я принес мощный телевизор, установил его в святилище и настроил на непрерывную работу. Таково было мое очередное необыкновенное жертвоприношение, и...

– И она, по обычаю богов, приняла жертву, – закончил за Мариуса Торн.

– Да, приняла. И впитала в себя исходившую от телевизора мощь. На экране сменяли одна другую картины жестокости и насилия, отбрасывая на лицо царицы мрачные блики. Я уже не говорю о шуме, криках и громких разговорах! Уж не бесконечные ли общественные дебаты пробудили в ней подобие разума?

– Подобие разума?

– Она пробудилась, видя перед собой одну-единственную цель: править миром.

Мариус с глубочайшей грустью покачал головой.

– Акаша хотела перехитрить и обмануть мудрейших из людей, – печально сказал он. – Намеревалась уничтожить подавляющее большинство мужского населения, создать женский рай и таким образом установить всеобщий мир. Полный абсурд – концепция, построенная на насилии и крови.

Пытаясь ее переубедить, мы очень старательно выбирали слова, чтобы не нанести ей оскорбления. Откуда она могла почерпнуть столь бредовые идеи? Только из обрывков видений, мелькавших на гигантском экране, из безумных выдумок и так называемых новостей. Это я открыл путь потоку, который захлестнул ее с головой.

В глазах Мариуса сверкнули гневные вспышки.

– Конечно, она увидела и яркие, динамичные видеоклипы «Вампира Лестата», в которых появлялся и образ царицы, восседавшей на троне, – то есть ее самой. Лестат показал ее такой, какой увидел двести лет назад. Он нарушил данное мне когда-то слово и раскрыл все тайны, которые я ему доверил.

По губам Мариуса скользнула горькая усмешка, и лицо его словно осветилось изнутри, но так, как озаряется лицо человека, исполняющего печальную песню.

– Что же ты его не уничтожил? – не сдержался Торн. – Я бы убил.

Мариус только покачал головой.

– Я предпочел уничтожить самого себя. Решил, что будет лучше, если разорвется мое сердце.

– Но почему?

– Не могу объяснить. Сам не нахожу ответа на этот вопрос. Наверное, я слишком хорошо понимал Лестата. Клятва молчания оказалась чересчур тяжким бременем. Особенно сейчас, когда мир полон невероятных чудес. Сблазн раскрыть нашу историю был непомерно велик. Лестат разорвал все связи, соединявшие нас – двух друзей, учителя и ученика, юношу и старика, наблюдателя и искателя.

К лицу Мариуса прилила краска. Волнение выдавали и пальцы, с силой сжавшие ручки кресла.

– Вот негодник! – воскликнул Торн. – Естественно, ты впал в ярость – как же иначе?

– В глубине души – да. Но, видишь ли, мне пришлось обмануть наших братьев и сестер. Ведь они не могли обойтись без меня, после того как царица оказалась на свободе.

– Понимаю, – кивнул Торн. – Я видел.

– Им нужен был кто-то достаточно мудрый, чтобы поспорить с ней, заставить ее отказаться от прежних намерений. На ссоры и выяснение отношений времени не оставалось. Песни Лестата породили чудовище. Я сказал, что не держу зла на Лестата, и при всех заключил его в объятия. А что до царицы... До моей царицы... Как яростно я отрицал, что когда-либо любил ее... И все ради того, чтобы остаться в обществе небольшой группы бессмертных. А тебе я говорю правду.

– И тебе приятно говорить правду?

– О да, приятно, – ответил Мариус.

– Как же ее уничтожили?

– Несколько тысяч лет назад та, с кем царица обошлась чрезвычайно жестоко, наложив на нее страшное проклятие и теперь пришла свести счеты. Одним ударом мстительница обезглавила нашу прелестную царицу и, не медля ни минуты, приняла в себя Священную Сущность всех пьющих кровь – из сердца или из мозга, не знаю. В те роковые минуты я был, как и все, ослеплен.

Мне доподлинно известно лишь одно: та, что убила царицу, отныне хранит в себе Священную Сущность. Но куда удалилась наша новая повелительница, сказать не могу.

– Я видел рыжеволосых близнецов, – сказал Торн. – Они стояли возле тела Акаши. Царица Проклятых – именно эти слова произнесла, обнимая сестру, моя Маарет. Я слышал их очень отчетливо.

Мариус ничего не ответил.

Торн снова заволновался. Страдание вновь охватило измученную душу. Память вернула ему образ создательницы, шагающей навстречу по снегу. Чего было бояться смертному воину, оказавшемуся лицом к лицу с одинокой ведьмой, которую он мог запросто уничтожить ударом меча или топора? Высокая, тонкая, удивительно хрупкая и прекрасная, в темно-фиолетовом шерстяном платье, она манящим жестом протягивала к нему руки.

«Я пришла за тобой. И жду только тебя».

Он всеми силами сопротивлялся ее чарам. Нет, его не постигнет судьба тех многих, кого находили в снегу бездыханными, с вырванными глазами.

Торн постарался отогнать воспоминания прочь и, взглянув на Мариуса, заговорил:

– Одна из рыжеволосых – сестра той, которая приняла в себя Священную Сущность, – моя создательница, Маарет.

Он замолчал, внезапно ощутив такую боль, что стало трудно дышать.

Мариус не сводил с Торна напряженного взгляда.

– Она хотела найти себе достойного возлюбленного и потому пришла на север, на земли моего народа... – начал было Торн, но запнулся, словно внезапно утратив уверенность, и лишь после небольшой паузы нашел в себе силы продолжить: – Она охотилась на моих сородичей и других жителей долины. И у всех жертв отбирала глаза.

– Глаза и кровь, – тихо добавил Мариус. – А когда она сделала тебя одним из нас, ты понял, зачем ей глаза.

– Да, но истинную историю своей жизни она не рассказала, и я не знал, кто лишил ее смертных глаз. А о существовании сестры-близнеца даже не подозревал. Я любил ее всем сердцем и редко задавал вопросы. Видя ее в обществе других, я сходил с ума.

– Глаза отняла у нее темная царица, – сказал Мариус. – Маарет тогда еще была смертной женщиной. А у сестры Акаша вырвала язык. Жестокое, бесчеловечное деяние. Но среди пьющих кровь нашелся тот, кто не пожелал смириться с такой несправедливостью и подарил близнецам бессмертие, прежде чем царица разлучила их и отправила в противоположные концы земли.

У Торна захватило дух. Он попытался возродить в сердце былую любовь. И снова перед его глазами возникла создательница, сидящая за прялкой в ярко освещенной пещере. Он увидел ее роскошные рыжие волосы.

– Значит, теперь все закончилось, – сказал Торн. – Бедствие, за которым мне довелось лишь мысленно наблюдать издалека, пока я спал во льдах, больше не повторится. Темной царицы нет, она получила по заслугам, а хранительницей Священной Сущности стала одна из рыжеволосых сестер. Но я по всему миру ищу близнецов, пытаюсь уловить их голоса, увидеть их лица – и не могу. О них ничего не слышно, хотя мне нужно узнать, где они.

– Они удалились от мира, – сказал Мариус, – ибо понимают, что должны скрываться, иначе кто-нибудь может похитить Священную Сущность. Ведь не исключено, что кто-нибудь, исполненный горечи и желания покончить с этим миром, захочет всех нас уничтожить.

– Вот именно.

Торн почувствовал, как по телу пробежала дрожь, и внезапно пожалел, что в его венах так мало крови, а выйти на улицу и найти новую жертву нельзя. Правда, ему не хотелось покидать теплый дом и отказываться от удовольствия слушать рассказ Мариуса. Слишком рано.

Ему стало стыдно, что он не рассказал всю правду о своих мучениях и намерениях. Он не знал, достанет ли у него сил и мужества для этого. Но в таком случае имеет ли он право оставаться под этой крышей?

И все же Торн не двинулся с места.

– Мне все известно, – негромко произнес Мариус. – Ты вернулся в мир с одной-единственной целью: найти Маарет и причинить ей зло. Такова данная тобой клятва.

Торна передернуло, как от сильного удара в грудь. Он ничего не ответил.

– Твой замысел невыполним, – продолжил Мариус. – Ты понимал это еще тогда, когда оставил ее, чтобы укрыться во льдах. Однако ты и представить себе не можешь, насколько велико ее могущество. И поверь, сестра никогда не оставляет ее одну.

Торн не находил слов. Наконец он заговорил напряженным шепотом:

– Почему я ненавижу ее за ту форму жизни, что она дала мне, если никогда не испытывал ненависти к своим смертным родителям?

Мариус кивнул и горько улыбнулся.

– Мудрый вопрос. Отринь надежду нанести ей удар. Забудь о цепях, которыми она сковала Лестата, если не хочешь ощутить их на себе.

Теперь закивал Торн.

– Но что это за цепи? – все так же напряженно и горько спросил он. – И почему я так страстно желаю стать ее исполненным ненависти пленником? Неужели из стремления вновь и вновь демонстрировать свою ярость – каждую ночь, когда она будет приходить ко мне?

– Ты говоришь о цепях, сплетенных из ее рыжих волос? – спросил Мариус, слегка пожимая плечами. – Скрепленных сталью и ее кровью? – Он задумался. – Да, скрепленных сталью, кровью и, быть может, золотом. Я их ни разу не видел. Только слышал о них. И знаю, что Лестата, несмотря на его бешеный гнев, те цепи держали крепко.

– Хочу узнать о них все, – заявил Торн. – Я должен ее найти.

– Откажись от этой затеи, Торн, – попытался отговорить его Мариус. – Я не могу ответить тебя к ней. А что будет, если она призовет тебя, как прежде, а после, увидев твою ненависть, уничтожит?

– Она знала о моей ненависти, когда я уходил, – сказал Торн.

– А почему ты ушел? – спросил Мариус. – Просто из ревности к тем, кого я увидел в твоих мыслях?

– Один любимчик за другим. Я так жить не мог. Ты говоришь о жреце-друиде, превратившемся в того, кто пьет кровь. Я одного такого знаю. Его имя Маэл – то самое, что упомянул и ты. Она приняла его в свой круг как желанного любовника! Он принял Кровь давно, ему было что рассказать, а ей большего и не надо. Вот тогда я и отвернулся от нее. Вряд ли она вообще заметила, как я отошел в тень. И едва ли моя ненависть ее задела.

Мариус внимательно слушал.

– Маэл... – негромко произнес наконец он. – Высокий, сухощавый, крупный нос с горбинкой, глубоко посаженные голубые глаза и длинные волосы – память о тех временах, когда он оказался пленником священной рощи. Так выглядел Маэл, который увел у тебя прелестную Маарет?

– Да, – ответил Торн. Боль в груди отпустила. – Не стану отрицать, она была нежна со мной. Не скажу, что она меня бросила. Это я ушел от нее на север. Это я возненавидел его за лживые речи и заумные истории.

– Не ищи с ней ссоры, – посоветовал Мариус. – Останься со мной. Со временем она узнает, что ты здесь, и, возможно, сама призовет тебя. Умоляю, прояви мудрость.

Торн снова кивнул, испытывая приблизительно такое же чувство, какое охватывает воина после завершения жестокой битвы. Он признался в своем гневе – и тот исчез. А он, Торн, остался спокойно сидеть у огня: боевой настрой пропал. Вот она, магия слов, подумал он.

Память открыла перед ним новую страницу. Шесть веков назад. Он в пещере, связанный, не имеющий возможности шевельнуть даже пальцем. Отблески дрожащего пламени слепят глаза. Она лежит рядом и, заглядывая ему в глаза, нашептывает какие-то слова. Он их не запомнил, поскольку слова эти составляли лишь часть чего-то значительного, ужасного, неотвратимого, такого же непреодолимо мощного, как державшие его путы.

Но сейчас он может разорвать эти путы. Может избавиться от воспоминаний и навсегда остаться здесь, в этой комнате. И смотреть на Мариуса.

Он вздохнул – медленно, тяжело.

– Давай продолжим, – попросил он. – Почему после гибели царицы и исчезновения близнецов ты не излил свой гнев на Лестата, почему отказался от мести? Он же предал тебя! Навлек на всех несчастье!

– Потому что я все равно хотел его любить, – объяснил Мариус, как будто нашел этот ответ давным-давно. – Я жаждал быть любимым и сохранить за собой роль терпеливого и мудрого учителя. Гнев принес мне немало боли. Гнев способен вызвать в ответ только презрение. Я не могу действовать под влиянием гнева.

– Подожди-ка, – произнес Торн. – Повтори еще раз, что сейчас сказал.

– Гнев достоин только презрения, – повторил Мариус. – Он всегда ставит в невыигрышное положение. Я стараюсь не поддаваться гневу. Это чувство мне чуждо.

Торн жестом попросил его помолчать, откинулся на спинку дивана и задумался. Он словно застыл под порывом ледяного ветра, хотя в очаге по-прежнему жарко пылал огонь.

– Гнев – проявление слабости... – прошептал Торн.

Такая мысль, похоже, никогда не приходила ему в голову. Гнев и ярость казались ему чувствами почти идентичными. А ярость представлялась сродни неистовству Одина. Собираясь на битву, воины специально возбуждали ее в своих душах. Впускали ее в сердца. Именно ярость разбудила Торна и заставила его покинуть ледяную пещеру.

– Гнев – такое же свидетельство слабости, как и страх, – заметил Мариус. – Разве мы с тобой признаем страх?

– Нет, – ответил Торн. – Но ты говоришь о чем-то сильном, сжигающем тебя изнутри.

– Да, в моей душе есть ожесточение и боль, я живу в одиночестве, но отказываюсь испытать чашу гнева и предпочитаю молчание злобным словам. Тебя я нашел в северной стране, мы никогда прежде не встречались, и потому я могу обнажить перед тобой душу.

– Да, конечно, – согласился Торн. – Проявленное по отношению ко мне гостеприимство дает тебе право рассказать что угодно. Обещаю, что никогда не предаю твоего доверия. Ни в песнях, ни в разговоре с кем бы то ни было. Ни за что на свете.

Голос Торна звучал все увереннее, ибо каждое сказанное слово было искренним и шло от сердца.

– Скажи, а что стало с Лестатом? – спросил он. – Почему не слышно больше ни песен, ни саг в его исполнении?

– Ах да, саги... Пожалуй, именно так следует назвать то, что он сочинил о нашем народе. – Мариус улыбнулся, на этот раз едва ли не весело. – Его мучают ужасные раны, – объяснил он. – Лестат встретился с ангелами – во всяком случае с теми, кто считает себя таковыми, – и побывал вместе с ними на Небесах и в преисподней.

– Ты в это веришь?

– Не знаю. Могу только сказать, что в то время, когда он, как утверждают эти существа, находился в их власти, в нашем мире его не было. И еще: он принес с собой окровавленный плат с запечатленным на нем пылающим ликом Христа.

– Значит, ты сам видел этот плат?

– Видел, – сказал Мариус, – не только его, но и другие реликвии. Едва наш жрец-друид Маэл взглянул на плат, он испытал такое потрясение, что ушел и предал себя солнцу. Мы его чуть не потеряли.

– И почему же он не умер? – спросил Торн, не в силах скрыть эмоции, охватившие его при звуках имени врага.

– Маэл слишком стар, – объяснил Мариус. – Он пролежал целый день под палящими лучами солнца и, как это обычно бывает с древнейшими из нас, ослаб и страшно обгорел. Но на новые страдания у него не хватило мужества. Он вернулся к своим спутникам и по сей день остается рядом с ними.

– А ты? Скажи мне от чистого сердца, ты ненавидишь его за то, что он с тобой сделал? Или в своей неприязни к гневу ты не приемлешь и ненависть?

– Не знаю. Подчас я даже видеть Маэла не могу. А иногда сам ищу его общества. Бывает, я ни с кем из них не хочу встречаться. Я принял в своем доме только Дэниела. За ним необходимо все время кому-то присматривать. В его компании я чувствую себя прекрасно. Ему совсем не обязательно разговаривать со мной. Достаточно того, что он рядом.

– Я тебя понимаю, – сказал Торн.

– Тогда пойми и кое-что еще. Знаешь, я не хочу умирать. Я не из тех, кто выходит на солнце или ищет иной путь к самоуничтожению и забвению. Если ты покинул свое ледяное убежище только для того, чтобы причинить зло Маарет и разозлить ее сестру...

Торн поднял правую руку, призывая собеседника к молчанию, и после небольшой паузы заговорил сам:

– Нет. То были всего лишь мечты. Они умерли в твоём доме. Но чтобы избавиться от воспоминаний, потребуется время...

– Так вспоминай ее красоту и силу, – прервал его Мариус. – Однажды я спросил Маарет, почему она не воспользуется глазами тех, кто пьет кровь, а предпочитает недолговечные, кровоточащие глаза смертных. И тогда она ответила, что никогда не испытывала желания уничтожить или хотя бы обидеть кого-либо из своих соплеменников. За исключением, конечно, Акаши. Но ненависть, кипящая в душе Маарет, настолько велика, что смотреть на мир глазами царицы она не стала бы ни при каких обстоятельствах.

Торн надолго задумался.

– Только глаза смертных... – в конце концов прошептал он.

– И любой парой смертных глаз, – подхватил Мариус, – она видит куда больше, чем мы с тобой.

– Да, – сказал Торн. – Я понял.

– Мне нужны силы, чтобы продолжать свое существование, становиться старше и мудрее, – сказал Мариус. – Хочу, как прежде, наслаждаться красотой, которая меня окружает, и радоваться чудесам. Утратив эту способность, я потеряю волю и интерес к жизни – вот что не дает мне покоя. Смерть положила руку мне на плечо. Смерть пришла под видом разочарования и боязни презрения.

– Разочарование и боязнь презрения – мои старые спутники, – откликнулся Торн. – Именно от них я и попытался укрыться в северных снегах, надеясь, что замерзну там и останусь навеки. Так бывает с людьми: они вроде бы умирают, но не на самом деле. Я думал, что недолго протяну в холоде, что он поглотит меня, превратит в льдину, как смертного. Однако не тут-то было. Нескончаемая стужа стала моим ежедневным уделом, я привык к ней, уверенный в том, что заслужил такие мучения. Но во льды меня загнала душевная боль, и я тебя понимаю, очень хорошо понимаю. Но ты предпочитаешь противостоять боли и не намерен сдаваться.

– Именно так, – подтвердил Мариус. – Восстав с подземного трона, царица бросила меня под глыбами льда и обрекла на одиночество. Но на помощь мне пришли другие. Они и привели меня за стол совета, дабы я вместе с ними попытался переубедить Акашу. Но до того я и представить себе не мог всю меру презрения, которое она ко мне испытывает. Разве мог я ожидать такой несправедливости с ее стороны, такой ужасной обиды? И разве мог я предположить, что сумею проявить безмерное терпение и лицемерно создать видимость всепрощения?

Но во время совета Акаша нашла свой конец. За нанесенное мне оскорбление было отплачено сторицей. Та, кого я оберегал на протяжении двух тысяч лет, ушла навсегда. Я потерял свою царицу...

И теперь я словно вновь пересматриваю собственную жизнь, но уже всю, целиком. Ведь прекрасная, но так жестоко поступившая со мной царица была лишь ее частью. Я вспоминаю разные эпизоды своего существования – выбор велик.

– Расскажи мне историю своей жизни, – попросил Торн. – Поверь, я буквально купаюсь в твоих словах, они омывают меня, будто теплая вода. Я чувствую себя рядом с тобой так уютно. Пожалуйста, Мариус. Я очень хочу выслушать твой рассказ и мысленно увидеть то, что ты пожелаешь мне показать.

Мариус задумался.

– Что ж, – наконец ответил он. – Пусть моя история послужит тебе на пользу. Пусть она отвлечет тебя от мрачных мыслей и тяжких переживаний. Пусть она заставит тебя остаться в этом доме.

Торн улыбнулся.

– Да, конечно. Я готов полностью довериться тебе. Так начинай же...

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ МАРИУСА

Глава 5

Как тебе уже известно, я родился в эпоху Древнего Рима, во времена Августа Цезаря, когда сила империи была велика, а владения необъятны, хотя на северных границах давно уже шли сражения с племенами варваров, которые впоследствии все-таки сумели захватить великое государство.

В Европе тогда, как и сейчас, насчитывалось множество крупных, густонаселенных городов.

Я, как уже говорил, был человеком книжным. Но однажды судьба неожиданно преподнесла мне печальный сюрприз: меня похитили, отвезли в земли друидов и отдали во власть Того, Кто Пьет Кровь. Он называл себя священным Богом Роши и вместе с Темной Кровью передал мне весьма необычные знания.

В Египет на поиски Матери я отправился прежде всего ради себя, из опасения, что пожар, описанный почерневшим, корчащимся в муках богом, когда-нибудь повторится.

Итак, я нашел Мать и Отца и похитил их у хранителей. Не только для того, чтобы завладеть Священной Сущностью божественной царицы, но и из любви к Акаше: не знаю почему, но я был уверен, что это она приказала мне спасти их. К тому же она дала мне Могущественную Кровь.

Видишь ли, крови, равной по силе той, что содержалась в первозданном источнике, просто не существует. Кровь Акаши подарила мне огромное преимущество – я мог справиться с любым из преследовавших меня древних обожженных богов.

Пойми правильно: я действовал не под влиянием религиозного импульса, ибо считал бога, обитавшего в лесу друидов, не кем иным, как чудовищем. Я понимал, что Акаша тоже своего рода чудовище. Как, впрочем, и я сам. У меня не было намерения делать царицу объектом поклонения – напротив, я стремился сохранить ее существование в тайне. И с того момента, когда Акаша и ее супруг попали под мое покровительство, они воистину стали Теми, Кого Следует Оберегать.

Тем не менее в глубине души я ее боготворил. Я создал для нее роскошное святилище и мечтал, что настанет час – и она, как прежде, мысленно заговорит со мной.

Сначала я тайно перевез царственную чету в Антиохию – чудесный, интереснейший город, находившийся, по понятиям тех времен, на Востоке, но в действительности являвшийся частью Римской империи. Антиохия строилась и развивалась под сильным эллинским влиянием – то есть под влиянием греческой философии и культуры. Это был город великолепных зданий, огромных библиотек и философских школ, где даже мне, ночному гостю, тени собственного «я», нередко доводилось встречать выдающихся людей и слышать восхитительные речи.

Тем не менее в первые годы, проведенные рядом с Матерью и Отцом, я испытывал горькое чувство одиночества, а безмолвие божественной четы действовало на меня угнетающе. Я был жалок в своем непонимании собственной природы и постоянно предавался мрачным размышлениям относительно своей судьбы и вечности.

Молчание Акаши и страшило, и смущало меня. В конце концов, зачем она просила вывезти ее из Египта, если хотела всего лишь воссесть на троне в вечной тишине? Временами я готов был предпочесть самоуничтожение подобному существованию.

Потом рядом возникла Пандора – воплощение совершенства, женщина, которую я знал, еще когда она была ребенком. Однажды я даже ходил к отцу Пандоры просить ее руки.

И вот Пандора появилась в Антиохии – столь же прелестная в расцвете лет, как и в юности. При виде ее меня охватило непреодолимое желание.

Наши судьбы роковым образом переплелись. Должен признаться, что создание Пандоры произошло так быстро, в таком сильном порыве чувств, что я погрузился в пучину слабости, чувства вины и смятения. Но Пандора считала, что сама Акаша прислушалась к голосу моего одиночества и повелела нам соединиться. Пандора не сомневалась, что именно Акаша привела ее ко мне.

Если ты видел нас во время совета, на котором мы обсуждали дальнейшую судьбу Акаши, а следовательно, и всех, кто пьет кровь, то непременно вспомнишь Пандору: высокую белокожую красавицу с прекрасными волнистыми темными волосами. Теперь она, как и мы с тобой, принадлежит к числу тех, кого называют Детьми Тысячелетий.

Ты можешь спросить: почему я не с нею? Почему не могу признаться в преклонении перед ее умом, красотой и глубочайшим пониманием всего, что происходит вокруг?

Не знаю. Знаю только, что сейчас, как много лет назад, нас разделяют злость и боль. Я не могу признаться, что поступал с ней дурно. Не могу признаться, что лгал о своей любви и о необходимости быть с ней рядом. А именно эта необходимость, возможно, и заставляет меня держаться на безопасном расстоянии от испытующего взгляда ее нежных и мудрых карих глаз.

Должен признаться, что она резко осуждает меня за некоторые поступки, совершенные в последнее время. Но это слишком сложно объяснить.

В те давние времена, прожив вместе с ней едва ли пару столетий, я разорвал наш союз – разрушил его по чистой глупости. Мы ссорились почти каждую ночь. Я не желал признавать ее превосходство, не мог смириться с ее победами и в результате повел себя безрасудно: по собственной глупости и слабости ушел от Пандоры.

За всю свою долгую жизнь я не совершил худшей ошибки.

Но позволь мне сначала вкратце рассказать о том, как разлучили нас моя гордыня и горечь.

За то время, что мы оставались хранителями Матери и Отца, древние боги густых северных лесов практически вымерли. Тем не менее время от времени кому-нибудь из пьющих кровь удавалось обнаружить наше убежище, и тогда они заявлялись с требованием позволить им испить крови Тех, Кого Следует Оберегать.

Чаще всего незваные гости вели себя дерзко и вызывающе, но мы с легкостью выдворяли их за порог, и постепенно все возвращалось на круги своя.

Однако однажды вечером к нашей вилле, расположенной в предместье Антиохии, приблизилась небольшая группа новообращенных вампиров, одетых в простые балахоны. Кажется, их было пятеро.

Вскоре, к моему вящему изумлению, выяснилось, что они мнят себя служителями сатаны, исполнителями божественного замысла, заключавшегося в том, чтобы дать дьяволу возможность сравняться силой с христианским Богом.

О Матери и Отце юные кровопийцы ничего не знали и, несмотря на то что святилище находилось в подземелье нашего дома, не уловили признаков присутствия царственной четы. Слишком они были молоды, слишком невинны. Их пыл и неподдельная искренность разрывали мне сердце.

Их головы были забиты фантастической мешаниной из христианских идей, религиозных постулатов Востока и верований дикарей и язычников, и при этом наивность юнцов не знала границ. Вот почему, узнав, что среди тех, кто пьет кровь, появилась новая религия, что у нее много адептов и речь уже идет даже о культе, я пришел в неопишуемый ужас.

Все человеческое во мне воспротивилось, а рациональный римлянин, коим я по-прежнему оставался в душе, почувствовал опасность и крайне встревожился.

Правда, Пандора быстро привела меня в чувство и убедила в необходимости истребить всю стаю. Если их отпустить, объяснила она, придут другие – и очень скоро Мать и Отец попадут в их руки.

Мне, с легкостью убивавшему древних языческих богов, непросто было с ней согласиться. Возможно, потому, что именно тогда я впервые отчетливо осознал, что, останься мы в Антиохии, продолжай мы вести прежний образ жизни, к нам вновь и вновь будут непрощено являться те, кто пьет кровь, и тогда убийствам не будет конца. А моя душа не могла смириться с такими последствиями. Меня снова посетила мысль о собственной смерти и даже о смерти Тех, Кого Следует Оберегать.

Мы истребили фанатиков. Учитывая их молодость, ничего сложного в этом не было. Минутное дело. Мы сожгли их дотла, а потом, как положено, развеяли пепел.

Но когда все закончилось, я погрузился в гнетущее молчание и месяцами не выходил из святилища. Погруженный в собственные страдания, я перестал замечать Пандору и даже не вспоминал о ней.

Я не мог объяснить своей прекрасной спутнице, что провидел мрачное будущее, и, когда она уходила в город охотиться или развлекаться, отправлялся к Акаше.

Я шел к моей царице, вставал перед ней на колени и просил подсказать, как жить дальше, что делать.

– В конце концов, – говорил я, – они же твои дети! Их целые легионы, но они никогда не слышали твоего имени. Они уподобляют свои клыки змеиным зубам и твердят что-то об иудейском пророке Моисее и об изображении змеи, вознесенном им в пустыне². Они говорили, что на их место придут другие.

Акаша безмолвствовала. Должен заметить, что за две тысячи лет я не получил от нее ни одного внятного ответа.

Но тогда я находился в самом начале своего страшного пути и в те беспокойные минуты понимал лишь, что нужно молиться втайне. Пандора не должна видеть меня, философа Мариуса, преклонившим колено. Я продолжал предаваться экстазу бредового культа и обращаться с мольбами к царице. Иногда мне казалось, что на лице Акаши появляется некое подобие жизни, однако это было лишь замысловатой игрой световых бликов.

Тем временем Пандора, обозленная моим молчанием не меньше, чем я был зол на безмолвие Акаши, пришла в полное смятение и, словно обезумев от обиды, однажды ночью заявила:

– Как бы я хотела от всех вас избавиться!

Я не придавал большого значения этим словам, ибо счел их обычными для любой семейной ссоры. Однако Пандора ушла из дома и не вернулась – ни к утру, ни позже.

Как видишь, она просто играла со мной в ту же игру, что и я с ней. Она отказывалась становиться свидетелем моих неприятностей и не могла понять, как отчаянно я нуждался в ее присутствии и даже в ее бесплодных мольбах.

Сейчас мне стыдно признаваться в своем безграничном эгоизме. Я не имел права так поступать. Но, ужасно разозлившись на Пандору, я совершил непоправимое: подготовил все необходимое к отъезду из Антиохии и назначил его на ближайший же день.

При тусклом свете лампы, чтобы не возбудить подозрений смертных посредников, я распорядился, чтобы меня и Тех, Кого Следует Оберегать, в трех гигантских саркофагах морем перевезли в Рим. Забрав все, что принадлежало мне, я покинул мою Пандору и оста-

² Согласно ветхозаветным преданиям, после исхода из Египта много людей погибли в пустыне от змеиных укусов. И тогда для защиты своего народа Моисей по указанию Бога Яхве сделал «медного змея». Тот, кто после укуса змеи смотрел на это изображение, оставался в живых. Новый завет содержит слова Иисуса Христа, уподобляющие его вознесение, несущее верующим вечную жизнь, вознесению Моисеем змеи в пустыне (Ио. 3:14–15).

вил ее вещи валяться в пустой вилле. Я расстался с единственным существом в мире, согласным меня терпеть и проявлять понимание, – не все ли равно, ссорились мы или нет?

Я бросил на произвол судьбы единственную в мире женщину, которой была известна моя истинная сущность!

Конечно, тогда я даже не задумывался о последствиях, не подозревал, что столетиями буду безрезультатно искать Пандору. Я не знал, что возведу ее в ранг богини, столь же всемогущей в чертогах памяти, как Акаша в реальности.

Вот видишь, как много я лгал. Сплошной обман, как и в отношении Акаши. Я любил Пандору и нуждался в ее обществе. Но в словесных битвах, даже в самых эмоциональных, я всегда играл роль высшего существа, не нуждавшегося в иррациональных, на первый взгляд, беседах и внешних проявлениях любви и привязанности.

Я помню, как Пандора спорила со мной в ту ночь, когда я дал ей Темную Кровь.

– Не делай культа из разума и логики, – говорила она, – ибо по прошествии времени разум подведет тебя и ты станешь искать прибежища в безумии.

Меня ужасно оскорбили эти слова, слетевшие с губ прекрасной женщины, чьи глаза завораживали меня настолько, что я едва успевал следить за ходом ее мыслей.

А ведь ее предсказание в точности сбылось, после того как мы убили стаю новообращенных: я погрузился в мрачное безумие и отказывался разговаривать.

И только сейчас я смог признать всю степень своего безрассудства: собственная слабость оказалась слишком тяжела для меня, и я не в состоянии был выносить присутствие очевидца того, как меланхолия окутала мою душу.

Даже сейчас я не желаю, чтобы она видела мои страдания. Я живу здесь с Дániелом и беседую с тобой, поскольку ты новый друг, твои впечатления свежи, а суждения беспристрастны. Ты смотришь на меня без привычного страха.

Ладно, продолжу свой рассказ.

Корабль без приключений добрался до Остии, откуда нас в трех саркофагах перевезли в Рим. Поднявшись из «могилы», я приобрел дорогую виллу, располагавшуюся сразу за городской стеной, а в холмах, вдали от дома, устроил подземный храм для Тех, Кого Следует Оберегать.

Меня, однако, не покидало чувство вины: я разместил своих подопечных на расстоянии нескольких миль от собственного жилища, где вечерами читал книги, а под утро укладывался спать. А ведь в Антиохии все было иначе: они постоянно оставались рядом со мной.

Но мне хотелось жить поближе к великому городу, а через несколько лет, пробежавших совсем незаметно, стены Рима раздвинулись и моя вилла оказалась на городской территории.

Согласись, такое место нельзя было считать подходящим для Тех, Кого Следует Оберегать, а значит, я поступил мудро, устроив убежище для них в стороне от быстро развивающегося города. Сам же я на вилле разыгрывал перед окружающими роль знатного римлянина, гостеприимного хозяина великолепной, богато украшенной виллы, заботливого господина простодушных и легковых слуг.

Видишь ли, я провел вдали от Рима более двухсот лет.

Да, я упивался культурными дарами Антиохии – города пусть и римского, но со спецификой Востока, внимал на форуме поэтам и учителям, бродил при свете факела по залам и хранилищам библиотек. И каждый раз приходил в ужас, если доводилось услышать или прочесть о ком-либо из последних римских императоров. Правители великой империи позорили титул своими выходками, и многие из них в конце концов принимали смерть от рук собственных телохранителей и солдат.

Но, считая, что Вечный город пришел в упадок, я глубоко заблуждался.

Римом правили и великие императоры: Адриан, Марк Аврелий, Септимий Север. В столице воздвигли огромное число монументальных зданий, значительно увеличилось насе-

ление города. Даже мне не удалось бы подробно осмотреть все римские храмы, амфитеатры и бани.

Вероятнее всего, Рим превратился в крупнейший и самый впечатляющий город мира. В нем насчитывалось около двух миллионов жителей, причем многие плебеи – как тогда называли бедняков и простолюдинов – ежедневно получали кукурузу и вино.

Я был мгновенно очарован необыкновенным городом и, отрешившись от ужасов имперских свар и бесконечных войн на границах, предавался изучению интеллектуальных и эстетических творений человечества.

Конечно, я поспешил к домам своих потомков и подолгу слонялся возле них, словно призрак. Дело в том, что на протяжении всех долгих лет моих скитаний я втайне от Пандоры следил, пусть издалека, за судьбами родственников и знал, что они остались добропорядочными гражданами, что мужчины нашего рода были сенаторами и отчаянно старались навести хоть какой-то порядок в правительстве, пока армия возвышала одного императора за другим в отчаянных попытках установить и сохранить власть империи на той или иной отдаленной территории.

Сердце мое разрывалось при виде юных потомков многих поколений моих кровных родственников, и я тогда же – сам не знаю почему – навсегда прекратил интересоваться ими и вести о них какие-либо записи.

Наверное, пришло время разорвать абсолютно все старые связи. Я покинул Пандору. Я укрыл подальше от дома Тех, Кого Следует Оберегать. И однажды ночью, понаблюдав за праздничным ужином в доме одного из моих потомков, я вернулся к себе, вытащил из деревянного сундука все свитки с именами родственников, тщательно скопированными мною из писем к различным агентам, и сжег их, считая сей чудовищный поступок чрезвычайно мудрым, словно этот жест мог избавить меня от дальнейших страданий и мирской суеты.

С тех пор я предпочитал проникать в жилища незнакомцев и от них узнавать обо всем, что происходило в современном мире. С вампирской гибкостью проскальзывал я в затененные сады и, стоя у открытой двери какой-нибудь тускло освещенной виллы, слушал тихие беседы за обедом или нежные песни мальчиков, аккомпанирующих себе на лире.

Особенно трогательными я находил пожилых римлян, приверженных к старым порядкам. Нашлось для меня и немало интересных книг, хотя библиотеки в Антиохии были намного богаче. Конечно, в Риме имелись и философские школы, пусть не столь впечатляющие, как в Антиохии, но мне было интересно иногда послушать учителей.

Должен сказать, однако, что я никогда не заводил дружбу с людьми и даже не разговаривал с ними. Следуя давно установленному правилу, я только наблюдал, ибо не верил, что более тесные контакты с миром смертных будут успешными и принесут мне ощутимую пользу.

Что до жажды крови, то я стал неистовым охотником, хотя по-прежнему придерживался правила убивать только преступников. Выполнять такое обязательство, смею тебя уверить, было несложно, но я пил гораздо больше крови, чем требовалось. И умирали мои жертвы в муках. Благодаря огромной численности горожан я никогда не оставался голодным и в тот период в большей степени, чем когда-либо, оправдывал свое тайное звание: тот, кто пьет кровь.

Делать все как положено: мгновенно вонзать клыки и насыщаться, не проливая ни капли, – оказалось не так-то просто. Но я справлялся и вместе с кровью с наслаждением вливал в себя чужие жизни.

В Древнем Риме не было необходимости прятать трупы. Иногда я сбрасывал их в Тибр, а иногда просто оставлял на улице. Особенно мне нравилось убивать в тавернах. Впрочем, как ты мог убедиться, я и сейчас предпочитаю такие места.

Ничто не сравнится с тем приятным ощущением, которое испытываешь, когда после долгой прогулки по сырому и темному ночному городу перед тобой вдруг распахивается дверь и глазам предстает совсем иной мир – теплый, светлый, полный людского смеха и песен. Таверны, бары и им подобные заведения обладают особой притягательностью.

Разумеется, столь безудержный разгул, неумная жажда и бесконечные убийства стали следствием моего расставания с Пандорой: я горевал и страдал от одиночества. Кто мог меня остановить? Кто мог меня переспорить? Да никто.

Конечно, в первые месяцы после разлуки я еще мог написать ей, ибо она, скорее всего, по-прежнему жила в нашем доме в Антиохии и ждала, надеясь, что я наконец образумлюсь. Однако этого не случилось.

Меня обуревал гнев, тот самый гнев, который я и сейчас пытаюсь преодолеть. А гнев, как я уже говорил, подавляет волю. Я не смог сделать то, что должен был сделать: не вернул Пандору. Иногда одиночество заставляло меня убивать за ночь троих или четверых, пока я не начинал проливать кровь на землю, не в силах проглотить больше ни капли.

Иногда под утро гнев во мне утихал, и тогда я возвращался к своим историческим запискам. Я начал составлять их еще в Антиохии, но никому об этом не рассказывал.

Я делал записи обо всем, что видел в Риме, будь то достижения или, напротив, свидетельства упадка. Я до мельчайших подробностей описывал каждое здание. Но потом наступила ночь, когда я решил, что все мои труды бессмысленны. Кому нужны мои наблюдения, стихи и сочинения, если я не могу передать их смертному миру?

Все, что пишет монстр, убивающий людей ради собственного выживания, изначально отравлено и порочно. Ни поэзии, ни истории, берущим начало в жадном уме и алчном сердце, нет места в этом мире.

Рассудив так, я принялся уничтожать не только свежие записи, но и все, что сочинил в Антиохии. Один за одним вынимал я свитки из сундуков и предавал их огню, как недавно историю собственной семьи. А некоторые просто убирал с глаз долой, запирали под замок, чтобы старые бумаги не вдохновили меня на дальнейшее творчество.

Я переживал величайший душевный кризис.

А потом случилось непредвиденное.

Спускаясь с холма по темным улицам ночного города, я встретил себе подобного – точнее, двоих.

Луна зашла за облака, но я обладал сверхъестественным зрением и все прекрасно видел.

Два неизвестных существа быстро шли в мою сторону, пока еще не подозревая о том, что я стою у стены, уступая им дорогу.

Наконец тот, кто шел первым, поднял голову, и я сразу же его узнал – по ястребиному носу и глубоко посаженным глазам, по впалым щекам и развороту плеч, по длинным светлым волосам и даже по руке, придерживавшей плащ у горла.

Это был Маэл, друид, который когда-то давным-давно похитил меня и отдал во власть обожженного, умирающего Бога Роши. Маэл, много месяцев державший меня в плену, чтобы подготовить к Темному Ритуалу. Маэл, старый знакомый, бесстрашный и чистый сердцем.

Кто превратил друида Маэла в того, кто пьет кровь? В какой роще Маэла посвятили в обряды древней религии его народа? И почему он не заперт в каком-нибудь старом дубе в Галлии и не сидит во главе пиршественных столов на празднествах друидов?

Наши глаза встретились, но я не почувствовал тревоги. Оценив силу Маэла, я счел ее недостаточной. Да, мы с ним были приблизительно одного возраста, но в отличие от меня он не испил крови Акаши. Я намного превосходил его по силе, а потому он не представлял для меня никакой опасности.

Я перевел взгляд на спутника Маэла. Тот оказался значительно выше и бесконечно сильнее, а темно-коричневая кожа явно свидетельствовала о том, что ему довелось пережить Великий Огонь.

Большие пытливые черные глаза незнакомца смотрели на меня открыто и доброжелательно. Волнистые черные волосы обрамляли широкое, довольно приятное лицо, на котором особенно выделялся красиво очерченный, с пухлыми губами рот.

Я снова посмотрел на блондина, который когда-то в порыве религиозного рвения отобрал у меня смертную жизнь.

Мне вдруг пришло на ум, что его можно уничтожить: оторвать, например, голову, унести ее с собой, а перед рассветом положить в саду моего дома, где древнюю плоть неминуемо спалит дотла жаркое дневное солнце. Я подумал, что так, наверное, и следует поступить, ибо подобное существо не заслуживает лучшей участи.

Но тут же появились и другие мысли. Мне захотелось поговорить с Маэлом, узнать его получше. Захотелось познакомиться с его темнокожим спутником, уставившимся на меня во все глаза со смешанным выражением сердечной симпатии и наивного простодушия. Это был очень древний вампир, намного старше меня и Маэла. Среди тех, кто приходил в мой дом в Антиохии и умолял о встрече с Отцом и Матерью, я подобных ему не встречал. Точнее, с такими, как он, мне не приходилось сталкиваться никогда.

И тогда я впервые отчетливо осознал, что гнев – это проявление слабости. Именно гнев похитил у меня Пандору – хватило одной короткой фразы. Гнев лишит меня и общества Маэла, если я уничтожу друида. «Убить всегда успею, – подумал я. – Почему бы нам с ним не поговорить? Сейчас я имею возможность провести какое-то время в компании себе подобных, которой мне так не хватает, а там видно будет».

Уверен, ты понимаешь, что, рассуждая так, я лицемерил, ибо привязанность к кому-то не позволяет нам желать ему смерти.

Пока в голове проносились противоречивые мысли, с языка моего неожиданно слетели довольно резкие слова:

– Я Мариус. Разве ты меня не помнишь? Я тот, кого ты привел к Богу Роши и кому удалось сбежать.

Меня неприятно поразила собственная враждебность.

Маэл полностью закрыл свой разум, и я не смог понять, узнал он меня или нет. А друид быстро заговорил на латыни:

– Да, ты бросил рошу. Бросил всех, кто тебя боготворил. Ты обрел могущество, а что осталось обитателям леса? Что ты отдал взамен?

– А ты, любезный друид? Ты продолжаешь оставаться жрецом старых богов? Это служение им привело тебя в Рим?

Голос мой звенел и срывался от гнева. Я чувствовал, что веду себя не так, как нужно, поэтому постарался взять себя в руки и заговорил более решительно и отчетливо:

– Помнится, ты был чист сердцем. Я редко встречал человека более склонного к самообману и приверженного к религиозным иллюзиям, чем ты.

Я замолчал. Нужно было вновь собраться с силами.

– Старой религии больше нет, – ответил он с яростью. – Римляне добрались до самых потаенных мест. Они захватили все наши территории и построили там свои города. Из-за Дуная на нас обрушились варвары-расхитители. А уж христиане... Христиане лезут туда, куда не проникли даже римляне. Христиан ничем не остановишь.

Голос Маэла зазвучал громче, хотя говорил он шепотом:

– Но виноваты не они, а ты, Мариус! Это ты меня развратил, ты заставил меня покинуть приверженцев Бога Роши, ты вбил мне в голову крамольные мысли и несбыточные мечты!

Он так же злился, как и я. Его буквально трясло от ярости. И, как часто происходит во время ссоры, гнев Маэла меня успокоил. Я в очередной раз повторил себе, что всегда успею его убить, и смог изгнать из сердца враждебность.

Спутник друида не скрывал удивления и следил за нами с выражением почти детского восторга на лице.

– Все это сушая чепуха, – возразил я. – Тебя следует уничтожить, и мне не составит труда убить тебя сейчас же.

– Ну так давай! Попробуй! – вскинулся он.

Темнокожий спутник взял Маэла за руку.

– Нет, послушайте меня, – примирительно сказал он глубоким голосом, – хватит ссориться. Каким бы путем ни досталась нам Темная Кровь – через ложь или через насилие, – теперь мы бессмертны. И не имеем права быть столь неблагодарными.

– При чем здесь неблагодарность? – возмутился я. – Своим бессмертием я обязан судьбе, а не Маэлу. Тем не менее я одинок и рад встрече, ибо ваше общество мне приятно. Я говорю правду и приглашаю вас в свой дом. Поверьте, я никогда не обижу гостя, находящегося под моей крышей.

Я сам удивился своей речи, но она была искренней.

– У тебя в городе дом? – спросил Маэл. – Что ты имеешь в виду?

– Настоящий дом, очень удобный. Я предлагаю вам зайти и побеседовать. Там есть чудесный сад с красивыми фонтанами. И рабы – туповатые смертные. Повсюду горят огни, а в саду полно ночных цветов. Пойдемте.

Черноволоксы снова удивился.

– Я хочу все это увидеть, – сказал он, взглянув на Маэла, но по-прежнему держась за спину друида. Голос древнего вампира звучал мягко, но властно и весьма убедительно. В нем явственно ощущалась внутренняя сила.

Кипевшая в душе Маэла ярость буквально парализовала его, заставив беспомощно застыть на месте. Только глаза метали молнии и вместе с ястребиным носом делали его похожим на хищную птицу. Мужчин, обладающих носами такой формы, почему-то всегда сравнивают с птицами. Но чистый высокий лоб и волевой рот придавали облику Маэла весьма своеобразную красоту.

Однако позволь мне продолжить рассказ. Только в тот момент я обратил внимание на одежду своих соплеменников и заметил, что оба они в обносках и босиком – настоящие нищие бродяги. Грязь к нашей коже не пристает, но, несмотря на это, вид у них был неряшливый.

Что ж, это легко исправить, если с их стороны не будет возражений. Сундуки в моем доме поистине ломились от самых разнообразных нарядов. Выходя на улицу, чтобы поохотиться или полюбоваться фреской в каком-нибудь пустующем здании, я одевался как богатый римлянин и часто пристегивал к поясу кинжал и меч.

В конце концов они согласились принять предложение. Откровенно говоря, мне понадобилось немалое усилие воли, чтобы повернуться спиной к неожиданным спутникам. Но, взяв себя в руки, я пошел впереди, хотя ни на минуту не ослаблял внимание и заставлял Мысленный дар постоянно быть начеку и следить, чтобы никто на меня не напал.

Конечно, сознание того, что Те, Кого Следует Оберегать, укрыты вдали от виллы, позволяло мне чувствовать себя достаточно спокойно. В противном случае любой из этих бессмертных мог бы услышать биение могущественных сердец. Моей важнейшей задачей было изгнать образы Отца и Матери из собственного разума.

Мы шли довольно долго.

Оказавшись в моем доме, они огляделись, словно попали в Страну чудес, хотя такую обстановку можно было увидеть в жилище любого богатого смертного. Гости с величайшим

интересом рассматривали бронзовые масляные лампы, заливавшие ярким светом комнаты с мраморными полами, кушетки и кресла. Чувствовалось, что обоим хотелось потрогать все своими руками, но они не смели.

Не могу сосчитать, сколько раз за долгие века попадали в мой дом бродячие вампиры, лишенные какой бы то ни было связи с человеческим миром, и дивились самым простым вещам.

Так что нет ничего удивительного в том, что к твоему приходу у меня уже были наготове и постель, и одежда.

– Садитесь, – пригласил я. – Если вам что-то не нравится, все немедленно будет убрано. Я хочу устроить вас со всеми удобствами. К сожалению, у нас нет ритуала приветствия – смертные в таких случаях подносят гостям чашу вина.

Высокий спутник Маэла сел первым, выбрав для себя не кушетку, а кресло. Я последовал его примеру и жестом предложил Маэлу устроиться справа от меня.

Теперь я отчетливо видел, что мой второй гость бесконечно сильнее Маэла. И намного старше нас обоих. Поэтому он исцелился после Великого Огня – правда, прошло уже более двухсот лет. Я не чувствовал от него никакой угрозы. Более того, совершенно неожиданно он мысленно сообщил мне свое имя:

«Авикус».

Маэл сверкал глазами, сохраняя на лице самое ядовитое выражение. Усевшись в кресло, он не расслабился, а наоборот, напряженно выпрямился, словно готовясь к схватке.

Я попробовал прочесть его мысли. Тщетно.

Я, в свою очередь, мнил себя виртуозным мастером самообладания, успешно сдерживавшим ненависть и злобу, но, взглянув на озабоченное лицо Авикуса, понял, что переоценил свое умение.

Внезапно спутник Маэла нарушил молчание.

– Умерьте свою взаимную ненависть и попробуйте выяснить отношения в словесной битве.

Авикус произнес эти слова на латыни, правда говорил он на этом языке с легким акцентом.

Маэл не стал дожидаться моего согласия.

– Мы отвели тебя в рошу, – обратился он ко мне, – потому что так повелел наш Бог Роши. Он обгорел и пребывал на грани смерти, хотя не пожелал объяснить, почему так вышло. Бог хотел, чтобы ты поехал в Египет, но не говорил нам зачем. В общем, не сообщив нам никаких причин, он заявил только, что нужен новый Бог Роши...

– Успокойся, – прервал его Авикус. – Просто расскажи, что у тебя на душе.

Голос древнего вампира звучал негромко, но внушительно. Даже в обносках Авикус сохранял достоинство. Чувствовалось, что ему любопытно выслушать нас обоих.

Маэл буквально вцепился пальцами в ручки кресла и бросил на меня исполненный ярости взгляд. Длинные светлые волосы упали на его лицо.

– «Для совершения древнего ритуала нужно найти идеального человека», – сказал нам Бог Роши. Мы знали, что так гласили легенды: когда старый бог слабеет, пора возвести нового, но занять место Бога Роши может только идеальный мужчина...

– И ты нашел римлянина! – вмешался я. – Римлянина во цвете лет, счастливого, богатого! И обманом, насильно притащил его к Богу Роши. Неужели среди твоих соплеменников не нашлось подходящего человека, отвечавшего всем требованиям вашей религии? Почему ты явился ко мне со своими жалкими верованиями?

Маэл и не думал уступать.

– «Приведите мне достойного человека, знающего наречия разных земель!» Вот что повелел Бог Роши. Ты даже не представляешь, как долго пришлось нам скитаться, пока мы не нашли тебя.

– Я что, должен испытать к тебе сочувствие? Может, еще и пожалеть? – вырвался у меня язвительный вопрос.

Маэл, словно не услышав, продолжал:

– Как и было велено, мы оставили тебя перед дубом и ты вошел внутрь его ствола. А когда перед совершением главного обряда жертвоприношения ты появился вновь, мы увидели перед собой сияющего бога с мерцающими глазами и волосами и пришли в смятение.

А ты, ни словом не выразив протеста или недовольства, поднял руки, подавая знак начать великий праздник Самайн. Ты выпил жертвенную кровь. Мы сами видели! К тебе перешла божественная сила. И мы, вообразив, что впереди нас ждет эпоха процветания, собрались сжечь старого Бога Роши, ибо так предписывали поступить легенды.

А ты сбежал...

Утомленный столь длинной речью, Маэл откинулся на спинку кресла.

– Сбежал и не вернулся, – после паузы с отвращением произнес он. – Ты узнал все наши тайны. И не вернулся.

Наступила тишина.

Они ничего не знали о Матери и об Отце. Не знали о древних египетских верованиях. Я почувствовал такое великое облегчение, что долго еще не мог заставить себя произнести хоть слово. Внутри разлилось удивительное спокойствие. Действительно, о чем мы спорим? Наши разногласия и ссоры – полный абсурд, ибо, как справедливо заметил Авикус, главное, что мы бессмертны.

Но в каждом из нас по-прежнему оставалось что-то человеческое.

Наконец я вернулся к действительности и увидел, что Маэл продолжает смотреть на меня потемневшими от злости глазами. Он выглядел бледным, голодным, буруеваемым страстями.

Оба гостя явно ожидали от меня каких-то слов или действий. Понимая, что придется выполнять тяжкую обязанность, я наконец принял решение, показавшееся мне неплохим способом расплаты и возможностью восторжествовать.

– Ты прав, я не вернулся, – заявил я. – Потому что не хотел становиться Богом Роши. Мне не было дела до его почитателей. Я не верил в ваших богов и считал бессмысленными жестокие жертвоприношения. Меня больше привлекало путешествие сквозь века. А ты чего ожидал?

– Ты унес с собой магическую силу нашего бога.

– У меня не было выбора, – сказал я. – Если бы я ушел от старого бога, не получив от него магическую силу, вы бы меня убили, а я не хотел умирать. Чего ради было мне умирать? Да, я принял дарованное им могущество, да, я присутствовал при совершении ритуала жертвоприношения, а потом сбежал – но так поступил бы любой на моем месте.

Он долго смотрел на меня, словно пытаясь понять, хочу ли я продолжать спор.

– И что я вижу теперь? – спросил я. – Разве ты сам не сбежал от приверженцев своей религии? Скажи, как ты оказался в Риме?

Маэл помолчал, прежде чем ответить.

– Наш бог, – наконец заговорил он, – наш старый сгоревший бог говорил о Египте. Он просил привести к нему того, кто сможет отправиться в Египет. Ты исполнил его просьбу? Нашел Добрую Мать?

Я постарался как можно надежнее запереть свой разум и с напускным выражением строгости на лице принялся размышлять, стоит ли открывать гостям правду и насколько я могу быть с ними откровенным.

– Да, я поехал в Египет, – после небольшой паузы ответил я. – Поехал, чтобы отыскать источник огня, уничтожившего богов в северных землях.

– И как? Нашел что-нибудь? – напряженным тоном поинтересовался Маэл.

Я перевел взгляд на Авикуса и увидел, что тот тоже с нетерпением ожидает моего ответа.

– Ничего я не нашел, – отвечал я. – Ничего, кроме обгоревших богов, размышляющих над той же загадкой. Услышал древнее предание о Доброй Матери. И все. Добавить мне нечего.

Поверили ли они мне? Я не мог понять. Каждый, казалось, хранил в душе какую-то тайну и давным-давно решил для себя проблему выбора.

Я заметил, что Авикус чуть-чуть волнуется за своего спутника.

Маэл медленно поднял глаза и гневно произнес:

– Глаза бы мои тебя не видели! Лучше бы мне никогда не встретить тебя, мерзкий римлянин, сладкоречивый богач, купающийся в роскоши.

Он обвел взглядом картины, кушетки, столы, мраморный пол.

– О чем ты?

Несмотря на все мое презрение, я искренне пытался понять его, но ненависть застилала мне глаза.

– Когда я взял тебя в плен, – снова заговорил Маэл, – когда я старался научить тебя нашим стихам и песням, ты хотел меня подкупить. Что, забыл? Ты говорил о красивой вилле на берегу Неаполитанского залива. Обещал отвезти меня туда, если я помогу тебе бежать. Помнишь свои поганные речи?

– Помню, – холодно ответил я. – Но что в том удивительного? Ты же силой увез меня в свои леса, к друидам, и держал там в плену! А если бы ты дал мне возможность вернуться в родные края, я отвез бы тебя в дом на берегу Неаполитанского залива и заплатил бы выкуп. Семья заплатила бы. Впрочем, какой смысл обсуждать все это теперь? Глупо!

Я покачал головой, чувствуя, что чересчур взвинчен. Мне вдруг захотелось вновь окатиться в одиночестве. «Скорее бы в комнате воцарилась привычная тишина! – мелькнула в голове мысль. – Зачем мне эта парочка?»

Но тот, кого звали Авикус, безмолвно, одними лишь глазами и выражением лица, молил меня потерпеть еще немного.

Кто же он все-таки – этот странный вампир? Я снова терялся в догадках.

– Пожалуйста, успокойся, – уже вслух обратился ко мне Авикус. – В его мучениях виноват только я.

– Нет, – поспешно возразил Маэл, бросая мимолетный взгляд на своего спутника. – Неправда.

– Правда. Истинная правда. Твои мучения начались с той самой ночи, когда я передал тебе Темную Кровь. Найди же наконец в себе силы решить, остаешься ли ты со мной или уходишь. Так дальше продолжаться не может.

Авикус чуть подался вперед и положил ладонь на руку Маэла.

– Ты встретился с нашим странным соплеменником – Мариусом, ты рассказал ему о последних годах своего служения старым богам и о том, как утратил веру, и тем самым облегчил свои страдания. Но не стоит совершать новые глупости. Ты не должен ненавидеть Мариуса, обвиняя его в том, что произошло. Он был вправе искать свободы. А что до нашей прежней веры... Она умерла. Ее уничтожил Великий Огонь – и здесь ничего уже не поделаешь.

Маэл выглядел чрезвычайно удрученным.

А я тем временем размышлял, и мое сердце билось все чаще, пытаясь поспеть за рас-
судком.

«У меня в гостях двое бессмертных, но мы не можем предложить друг другу ни утешения, ни дружбы. Можем только наговорить гадостей и разойтись. И я опять окажусь в одиночестве. Останусь гордым Мариусом, который покинул Пандору. Буду сидеть в красивом доме и наслаждаться изысканной обстановкой – один, всегда один...»

Авикус не сводил с меня пристального взгляда, явно стараясь проникнуть в мой разум. Но, несмотря на поразительную силу Мысленного дара, он не смог прочесть мои мысли.

– Почему вы живете как бродяги?

– Потому что не можем иначе, – ответил Авикус. – Мы никогда не пробовали жить по-другому. Мы сторонимся общества смертных и приближаемся к ним только в часы охоты. Мы боимся, что нас обнаружат. Боимся огня.

Я кивнул.

– А в чем вы нуждаетесь, кроме крови? К чему стремитесь?

На лицо Авикуса набежала мрачная тень. Он страдал от боли, но всеми силами старался скрыть свои мучения – а может быть, заставить боль уйти.

– Похоже, мы не хотим ничего больше, – ответил он. – И ни к чему не стремимся. Просто потому, что слишком мало знаем.

– Хотите остаться со мной? – спросил я. – И многому научиться? – Я понимал, что мой вопрос прозвучал самонадеянно и дерзко. Но сказанного не воротишь, и потому я продолжил: – Вы увидите римские храмы: огромные сооружения, дворцы, в сравнении с которыми моя вилла покажется весьма скромным жилищем. Я могу показать, как держаться в тени, чтобы смертные вас не заметили; как быстро и бесшумно взбираться по стенам; как обойти весь город по крышам, ни разу не коснувшись земли.

Авикус пришел в изумление и бросил взгляд на Маэла.

Тот сидел сгорбившись, не говоря ни слова. Потом выпрямился и негромко, без прежнего напора, продолжил обвинительную речь:

– Если бы ты не рассказывал мне про всякие чудеса, я был бы сильнее. А теперь ты снова предлагаешь нам вкушать тех же удовольствий – сладкой жизни римлянина?

– Мне больше нечего предложить, – ответил я. – Впрочем, решать тебе. Поступай как знаешь.

Маэл покачал головой и заговорил снова, хотя трудно судить, кому он на этот раз пытался что-то объяснить – мне или в большей степени себе самому:

– Когда стало ясно, что ты не вернешься, выбрали меня. Я должен был стать новым богом. Но прежде всего следовало найти Бога Роши, не погибшего в Великом Огне. Ведь мы по глупости уничтожили нашего доброго бога! Того, кто передал тебе силу.

Я сделал жест, означавший: да, действительно очень обидно.

– Мы бросились на поиски и известили о случившемся всех, кого могли, – продолжал Маэл. – Наконец пришел ответ из Британии. Там выжил один бог, очень древний, очень сильный.

Я взглянул на Авикуса, но в его лице ничто не дрогнуло.

– Однако нас предупредили, что обращаться к нему не следует, и советовали вообще отказаться от задуманного. Послания сбили нас с толку, но в конце концов мы решили, что стоит все-таки попытаться.

– И что ты почувствовал, узнав о своем избрании? – задал я жестокий вопрос. – Ведь ты знал, что будешь навеки заперт под корнями дуба, что больше не увидишь солнца, что будешь пить кровь только на великих празднествах в полнолуние.

Маэл долго смотрел прямо перед собой, словно не мог придумать достойного ответа, а потом заметил:

– Я же объяснил: ты меня развратил, перевернул мою душу.

– Ах вот как? – усмехнулся я. – Значит, ты испугался, почитатели культа вечных богов священной рощи тебя разочаровали, а я виноват.

– Не испугался, – возразил он сквозь зубы. – Я же говорю, ты меня развратил. – Маленькие, глубоко посаженные глазки яростно сверкнули. – Ты хоть знаешь, что значит ни во что не верить, не иметь бога, не знать истины?!

– Конечно знаю, – ответил я. – Я сам ни во что не верю. Считаю, это мудро. Я и в смертной жизни ни во что не верил. А тем более сейчас.

Авикуса передернуло.

Я был готов наговорить еще много грубых слов, но заметил, что Маэл собирается продолжать.

Уставившись, как и раньше, прямо перед собой, он вновь приступил к рассказу:

– Мы отправились в путешествие. Пересекли узкий пролив и поехали на север Британии, в зеленые леса, где встретились со жрецами. Они распевали наши гимны, соблюдали наши законы, знали нашу поэзию – в общем, были такими же друидами, как и мы, приверженцами Бога Рощи. Мы заключили друг друга в объятия.

Авикус внимательно следил за Маэлом.

Должен признаться, я с интересом слушал бесхитростное повествование Маэла, хотя на лице моем, уверен, застыло выражение безразличия.

– Я пошел в рощу, – рассказывал Маэл. – Деревья там были огромными и очень древними. Любое из них могло оказаться Великим Дубом. Наконец меня привели к цели. Я увидел дверцу, запертую на множество железных засовов, и догадался, что именно за ней живет бог.

Внезапно Маэл с тревогой взглянул на Авикуса, но тот жестом велел ему продолжать.

– Расскажи Мариусу, – мягко добавил он. – А вместе с ним узнаю обо всем и я.

Его тон был необыкновенно доброжелательным, и я почувствовал, как по моей безупречной коже пробежали мурашки.

– Жрецы предупредили, – сказал Маэл, – что если он заметит неискренность или какой-либо изъясн, то просто убьет меня, сделав обычной жертвой. «Подумай хорошенько, – предостерегали они, – ибо бог видит все. Бог силен, но поклонению предпочитает страх и мстит, если видит в том необходимость, с величайшим наслаждением».

Готов ли был я увидеть столь странное чудо? – Глаза Маэла метали молнии. – Я все обдумал. Вспомнил твои слова, красочные описания: прекрасная вилла на берегу Неаполитанского залива, богато украшенные комнаты, теплый ветерок, шум разбивающихся о берег волн, великолепные сады... Помнишь, ты рассказывал про сады! «Смогу ли я выдержать вечную темноту, пить кровь, голодать между жертвоприношениями?» – спрашивал я себя.

Он сделал паузу и взглянул на Авикуса.

– Продолжай, – спокойно велел Авикус. Голос его звучал глухо.

Маэл повиновался.

– Потом ко мне обратился один жрец. Он отвел меня в сторону и сказал: «Маэл, наш бог зол. Наш бог просит крови даже тогда, когда не положено. У тебя хватит мужества предстать перед ним?»

Возможности ответить не представилось. Солнце садилось. Повсюду зажглись факелы. Вокруг собрались приверженцы Бога Рощи и жрецы, прибывшие вместе со мной из Галлии. Все подталкивали меня к дубу.

Уже возле самого дерева я потребовал, чтобы меня отпустили. Я прижал руки к стволу, закрыл глаза и, как в родной роще, начал молча молиться этому богу: «Я почитатель единственного истинного культа вечных богов священной рощи. Дашь ли ты мне Священную Кровь, дабы я смог вернуться домой и исполнить волю моего народа?»

Маэл снова замолчал. Как будто увидел нечто ужасное, сокрытое от моих глаз.

Авикус еще раз повторил:

– Продолжай. Маэл вздохнул.

– Из недр дуба до меня донесся безмолвный смех. А потом в мою голову проник исполненный злобы голос: «Сначала принеси мне кровавую жертву. Только тогда у меня хватит сил превратить тебя в бога».

Маэл опять умолк.

– Конечно, ты помнишь, Мариус, – через некоторое время заговорил он, – как добр был наш бог. Передавая тебе свое могущество, беседуя с тобой, он не испытывал ни гнева, ни ненависти.

Я кивнул.

– Но этот бог пылал злобой. – Маэл тяжело вздохнул. – Я передал жрецам его слова, и они в испуге отпрянули, неодобрительно качая головами.

«Нет, – сказали они, – он и так просит слишком много крови. Ему столько не положено. Он должен голодать между полнолуниями, ждать ритуалов и выйти из чрева дуба истощенным, ненасытным, как мертвые поля, дабы напитаться жертвенной кровью и набухнуть, как почки в весеннем лесу».

Что я мог сказать? Я попробовал переубедить их: «Чтобы сотворить бога, нужна сила. А ваш Бог Рощи обожжен Великим Огнем. Кровь помогает ему исцелиться. Почему бы не даровать ему еще одну жертву? Уверен, в ваших поселениях есть те, кто нарушил закон, – выберите кого-нибудь и приведите к дубу».

Они отступили еще дальше и в страхе молча уставились на дерево, на дверь и запоры.

Потом случилось ужасное. Из-за двери повеяло такой враждебностью, что я физически почувствовал на себе взгляд чьих-то злобных глаз.

Бог, обитавший внутри дуба, вложил в этот взгляд столько ожесточения, что мне показалось, будто он поднял меч, чтобы сразить меня наповал. Конечно, он использовал все свое могущество, чтобы я в полной мере ощутил силу его ненависти. И бог добился своего: он окутал меня такой яростью, что я напрочь утратил способность думать и действовать.

Жрецы тоже ощутили исходившие из дуба ненависть и злобу и убежали. Но я словно прирос к месту, не в силах пошевелиться и сделать хоть шаг. Завороженный древним волшебством, я не сводил взгляда с дерева. Бог, стихи, песни, жертвоприношения вдруг стали пустыми словами. Я твердо знал лишь одно: внутри дуба скрывается могущественное существо. И не пожелал убежать от него прочь. Вот тогда-то и родилась моя коварная заговорицкая душонка!

Маэл умолк, тяжело вздохнул и обратил на меня пристальный взгляд.

– О чем ты? – спросил я. – Какие заговоры? Ты и раньше беседовал с добрым богом вашей рощи! Ты видел, как он каждое полнолуние принимает жертву – и до Великого Огня, и после. Ты видел меня после перерождения. Ты же сам говорил. Чем же тебя так потряс тот бог?

Маэл выглядел растерянным, чувствовалось, что он необычайно взволнован. Наконец, все так же глядя прямо перед собой, он заговорил:

– Бог не просто злился, Мариус. У него был собственный замысел!

– Тогда почему ты не испугался?

В комнате повисла тишина. Я действительно пребывал в недоумении.

Я взглянул на Авикуса в надежде получить подтверждение своей догадке: тем богом был Авикус? Но задать вопрос напрямую казалось мне непозволительным. Но ведь именно Авикус, как было сказано раньше, передал Маэлу Темную Кровь. Оставалось одно – ждать.

Наконец Маэл хитро посмотрел на меня и ядовито усмехнулся.

– Бог хотел выбраться из дуба. И я знал, что в обмен на помощь он передаст мне Темную Кровь!

– Вот как? – Я не смог сдержать улыбку. – Хотел выбраться? Ну конечно.

– Я вспомнил, как сбежал ты, – сказал Маэл, сверкая глазами, – всемогущий Мариус, цветущий, переполненный жертвенной кровью. Я вспомнил, как быстро ты умчался! И подумал, что смог бы сбежать так же, как ты! Да-да, именно так. Пока я размышлял, из глубины дуба снова донесся голос – он обращался только ко мне, тихо и вкрадчиво: «Подойди поближе...» Я прижался лбом к дереву. «Расскажи мне о Мариусе, – продолжил голос, – о том, как он сбежал. Расскажи. А взамен я передам тебе Темную Кровь, и тогда мы уйдем вместе».

Маэл задрожал.

Но Авикус, казалось, смирился с неизбежным – видимо, он много об этом размышлял.

– Теперь ясно, – сказал я.

– Все так или иначе связано с тобой, – ответил Маэл. Он совсем по-детски погрозил мне кулаком.

– Сам виноват, – сказал я. – Ты похитил меня из прибрежной таверны в Галлии. Ты связал наши судьбы. Не забывай, это ты держал меня в плену. Но рассказ помогает тебе успокоиться. Тебе нужно выговориться. Продолжай.

Мне показалось, что еще секунда – и он в припадке гнева набросится на меня. Но Маэл лишь еще больше нахмурился, покачал головой и заговорил:

– Предложение, сделанное богом, предредило мою судьбу. Я тотчас велел жрецам привести жертву. Времени на споры не оставалось. Нужно было проследить, чтобы приговоренного преступника передали богу. А я должен был войти вместе с жертвой внутрь дерева. Я не боялся. И велел всем поторопиться, поскольку нам с богом понадобится вся ночь.

Они потратили чуть ли не час в поисках обреченного, но в конце концов привели его ко мне, связанного и рыдающего, и с превеликим опасением отперли дверь.

Я всем существом ощущал гнев, переполнявший бога. Я ощущал, насколько он голоден. Сжав в руке факел, я подтолкнул вперед приговоренного к смерти беднягу и переступил порог. Мы очутились в полном стволе.

Маэл перевел взгляд на Авикуса.

А я кивнул, слегка улыбнувшись, показывая тем, что мне известно, как мог выглядеть дуб изнутри.

– Передо мной стоял Авикус. – Маэл по-прежнему смотрел на своего спутника. – Должен признать, с тех пор он внешне почти не изменился. Бог, точнее Авикус, стремительно бросился на смертника и быстро, тем самым проявив своего рода милосердие по отношению к жертве, выпил всю его кровь и отбросил труп в сторону.

Потом Авикус выхватил из моих рук факел и повесил его на стену в опасной близости от деревянной стенки. Крепко держа меня за плечи, он приказал: «Расскажи мне о Мариусе, расскажи, как он сбежал из священного дуба. Рассказывай! Или я тебя убью!»

Маэл невидящим взглядом уставился в пространство.

Но в лице Авикуса не дрогнул ни один мускул. Он лишь кивнул, подтверждая, что именно так все и было.

– Мне было больно, – сказал Маэл. – Уверенный, что еще немного – и бог сломает мне плечо, и зная, что он может прочесть мои мысли, я заговорил: «Дай мне Темную Кровь, и мы с тобой сбежим, как ты обещал. Никакой тайны я не знаю. Мы убежим по кронам деревьев».

«Но ты повидал мир, – ответил он. – Я же ничего не знаю, ибо веками сидел взаперти. Египет я помню смутно. И смутно помню Великую Мать. Ты должен меня направлять. Поэтому я поделюсь с тобой своей силой».

Он выполнил обещание: сделал меня могущественным. Потом мы прислушались к звукам, доносившимся снаружи, где собрались жрецы и почитатели Бога Роши. Обнаружив, что

они не ожидают никакого подвоха и совершенно не готовы к нашему побегу, мы объединили усилия и выбили дверь.

Вспомнив о тебе, Мариус, мы взобрались на верхушки деревьев. Преследователи остались вдалеке, и перед рассветом мы уже охотились в поселении, расположенном за много миль от священной рощи.

Маэл откинулся на спинку кресла, как будто исповедь оставила его совершенно без сил.

Ни терпение мое, ни гордыня не позволяли мне уничтожить его на месте, но я подивился, как ловко он приплел меня к своей истории. Я посмотрел на Авикуса, бога, веками обитавшего в дереве, и тот ответил мне спокойным взглядом.

– С тех пор мы не расстаемся, – понизив голос, продолжил свою повесть Маэл. – Мы охотимся в крупных городах, потому что так проще и потому что гибель римлян, которые пришли завоевывать наши земли, не вызывает у нас сочувствия. Мы охотимся в Риме, потому что это самый большой город.

Я ничего не ответил.

– Иногда мы встречаем себе подобных. – Маэл стрельнул в меня взглядом. – Бывает, и драться приходится – иначе они не оставляют нас в покое.

– Отчего же? – спросил я.

– Они были Богами Рощи, так же как Авикус. Они обгорели, но выжили и теперь жаждут получить сильную кровь. Ты, конечно, тоже с ними сталкивался. Они наверняка к тебе приходили. Не думаю, что тебе удавалось столько лет от них скрываться.

Я вновь промолчал.

– Но мы умеем защищаться, – продолжал он. – У нас есть укрытия, а охота на смертных – увлекательное развлечение. Что еще сказать?

И в самом деле, добавить ему было нечего.

Я подумал о своем существовании, о жизни, заполненной чтением, странствиями, поисками ответов на множество вопросов, и испытал по отношению к Маэлу жалость, смешанную с презрением.

Покосившись на Авикуса, я был удивлен и тронут выражением его лица. На Маэла бывший кровавый бог смотрел с задумчивым состраданием, но при взгляде на меня его лицо оживилось.

– А ты, Авикус, каким ты видишь мир? – спросил я. Маэл вскипел от злости, вскочил с кресла и бросился ко мне, выставив вперед руку, словно собрался ударить.

– И это все, что ты можешь сказать, выслушав мою историю? – спросил он. – Ты обращаешься *к нему* и спрашиваешь, каким *он* видит мир?

Я не ответил. Я сознавал, что совершил ошибку, но сделал это непреднамеренно, хотя в душе, несомненно, мечтал его оскорбить. И вот, добился своего.

Авикус поднялся на ноги и отвел Маэла в сторону.

– Успокойся, мой дорогой, – ласково произнес он, усаживая своего младшего соплеменника в кресло. – Давай еще поговорим, прежде чем расстанемся с Мариусом. До утра далеко. Прошу тебя, уйми свой гнев.

И тогда я понял, почему Маэл так разъярился. Отнюдь не из-за отсутствия, по его мнению, внимания и интереса с моей стороны. Маэла не проведешь. В нем говорила ревность. Он решил, что я хочу увести у него спутника.

Как только Маэл опустился в кресло, Авикус посмотрел на меня почти с теплотой.

– Мир полон чудес, Мариус, – безмятежно сказал он. – Я чувствую себя как внезапно прозревший слепой. Я ничего не помню из смертной жизни – знаю только, что провел ее в Египте. Но родом я из других стран. Я боюсь туда возвращаться. Боюсь, что там затаились

старые боги. Мы путешествуем по всей империи, но в Египет не заглядываем. А там столько интересного!

Маэл еще не избавился от подозрений. Он завернулся в грязный, разорванный плащ, всем своим видом показывая, что в любой момент готов встать и уйти.

В отличие от него Авикус, такой же босой оборванец, чувствовал себя, казалось, совершенно комфортно.

– Мы редко сталкиваемся с теми, кто пьет кровь, – сказал Авикус, – но каждый раз, когда это случается, я опасаясь, что они узнают во мне бога-отступника, покинувшего тех, кто в него верил. – Он говорил с такой силой и уверенностью, что я даже удивился. – Однако этого не происходит. Иногда они упоминают о Великой Матери и древних верованиях, о далеких временах, когда боги пили только кровь преступников. Но на самом деле им известно меньше, чем мне.

– А что известно тебе, Авикус? – напрямую спросил я. Он поразмыслил, словно не был до конца уверен, стоит ли говорить правду. И все же сказал, обратив на меня невинный взгляд широко раскрытых глаз:

– Кажется, меня к ней водили.

Маэл резко повернулся, как будто собирался ударить его за откровенность, но Авикус продолжал:

– Она была красавицей. Но я не смел поднять глаза и плохо ее рассмотрел. Кто-то произносил речи, слышались жутковатые распевы. Я точно знаю, что был уже взрослым мужчиной и подвергся унижениям. Обещанные почести обернулись оскорблениями. Остальное мне, должно быть, приснилось.

– По-моему, мы засиделись в гостях, – неожиданно сказал Маэл. – Я пошел.

Он поднялся, и Авикус неохотно последовал его примеру. Между мной и Авикусом неожиданно возникла безмолвная тайная связь, и Маэл ничего не мог с этим поделать. Думаю, Маэл все понимал и едва сдерживал бешенство, но что сделано, то сделано.

– Благодарю за гостеприимство, – сказал Авикус, протягивая руку с почти веселым выражением лица. – Иногда я припоминаю смертные обычаи. Кажется, людижимают друг другу руки?

Маэл побледнел от гнева.

Конечно, мне многое хотелось сказать Авикусу, но я понимал, что в данный момент беседа совершенно невозможна.

– Как вы могли видеть, – обратился я к обоим гостям, – я веду образ жизни, присущий смертному, и пользуюсь всеми удобствами. В моем доме всегда есть книги, я занимаюсь исследованиями. Когда-нибудь я отправлюсь в путешествие по империи, но сейчас предпочитаю оставаться в Риме, моем родном городе. Меня интересуют только знания и то, что я вижу своими глазами.

Я перевел взгляд с одного на другого.

– Если хотите, можете жить точно так же, – сказал я. – И непременно возьмите у меня чистую одежду. Я с удовольствием обеспечу вас всем необходимым. И наденьте удобные сандалии. Если захотите найти дом, уютное жилье, где можно проводить часы досуга, я помогу его купить. Прошу вас, не отказывайтесь.

В глазах Маэла сверкала ненависть.

– Еще бы! – От злости его голос не поднимался выше свистящего шепота. – Что же ты не предложишь нам виллу на берегу Неаполитанского залива, с мраморными балюстрадами и видом на синее море?

Авикус посмотрел мне в глаза. Было видно, что в его сердце нет зла и он искренне тронут моими словами.

Но что это могло изменить?

Я замолчал.

Спокойствие, порожденное гордостью, дрогнуло. Вернулся гнев, а с ним и слабость. Я вспомнил гимны друидов, и мне вдруг нестерпимо захотелось наброситься на Маэла и разорвать его, как это ни противно, в клочья.

Придет ли Авикус ему на помощь? Скорее всего. А если нет? А если я, испивший крови царицы, окажусь сильнее их обоих?

Я взглянул на Маэла. Самое интересное, что он меня не боялся.

И ко мне вернулась гордость. Я не мог опуститься до заурядной драки, особенно такой, которая станет зрелищем чудовищным и отвратительным и в которой я могу проиграть.

«Нет, я слишком мудр, слишком добросердечен, – убеждал я себя. – Я Мариус, наказывающий злодеев, а он всего лишь глупый Маэл».

Гости направились к выходу в сад, а я все не мог найти нужные слова.

Авикус обернулся и сказал:

– Прощай, Мариус. Прими мою благодарность, я тебя не забуду.

Его слова потрясли меня до глубины души.

– Прощай, Авикус.

Они исчезли в ночи. Постепенно замер вдали и звук их шагов, уловить который мог только сверхъестественный слух вампира.

Я сел, раздавленный одиночеством, скользя взглядом по полкам бесчисленных книжных шкафов, по бумагам, разложенным на письменном столе, по чернильнице, стоявшей рядом, по картинам на стенах... Да, нужно непременно помириться с Маэлом, чтобы Авикус стал моим другом.

Я должен пойти за ними и умолять их остаться. Нам есть о чем поговорить! Они нужны мне не меньше, чем друг другу. Не меньше, чем Пандора.

Но я вновь поддался самообману. И виной тому был гнев. Я хочу, чтобы ты это понял. Я лгал самому себе, неоднократно повторяя одну и ту же ошибку. Я жил во лжи, потому что не в силах вынести слабость гнева и признать безрассудность любви.

Я продолжал обманывать себя и других. В глубине души я признавал это, однако не желал признаваться даже самому себе.

Глава 6

Целый месяц я не осмеливался приближаться к святилищу Тех, Кого Следует Оберегать. Я знал, что Маэл и Авикус все еще в Риме. Мысленный дар давал мне возможность урывками наблюдать за их скитаниями, а иногда я даже ухитрялся проникнуть в их мысли. Время от времени я улавливал звук их шагов.

Мне даже казалось, что Маэл специально мучает меня своим присутствием, пытаюсь отравить мое существование и заставить отказаться от жизни в большом городе, и мне становилось обидно.

Я ломал голову, придумывая способы прогнать их с Авикусом из Рима.

Правда, мысли об Авикусе не шли у меня из головы. Я не мог забыть его лицо. «Каков нрав у этого странного существа, – гадал я, – что у него на душе? Как он отнесся бы к предложению остаться со мной, сделаться моим спутником?» Я боялся, что никогда этого не узнаю.

Тем временем в город то и дело забредали чужаки. Я безошибочно ощущал их присутствие. А однажды ночью между сильным, враждебно настроенным пришельцем и моими бывшими гостями – Авикусом и Маэлом – произошла жестокая стычка. Благодаря Мысленному дару я увидел полную картину произошедшего. Авикус и Маэл так напугали незнакомца, что тот исчез до наступления рассвета и дал себе слово никогда не возвращаться в Рим.

Я задумался. А что, если Авикус и Маэл взяли на себя миссию охранять город от посторонних и теперь оставят меня в покое?

Шли месяцы, и я все больше убеждался, что так оно и есть. В наши охотничьи уголья попыталась вторгнуться небольшая группа христиан. Они принадлежали к тому самому племени змеепоклонников, которое приходило ко мне в Антиохию с требованием открыть им древние тайны. Мысленный дар показал мне, с каким рвением они возводят храм, в котором намереваются приносить человеческие жертвы, и я испытал глубокое отвращение.

Но Авикус и Маэл не поддались безрассудной идее служения сатане – впрочем, нашим язычникам это имя ничего не говорило – и быстро обратили безумцев в бегство. Город снова принадлежал нам.

Наблюдая за ними издали, я отметил, что ни тот ни другой не осознают всю мощь собственной силы. Сверхъестественные способности помогли им сбежать от друидов, но пока не раскрыли уже известный мне секрет: наши силы возрастают с течением времени.

Я считал себя намного сильнее любого из них, потому что испил крови Матери. Однако со временем моя сила увеличивалась сама по себе. Я с относительной легкостью мог вспрыгнуть на крышу четырехэтажного строения – а в Риме таких домов было немало. И никаким смертным солдатам в жизни не удалось бы взять меня в плен: слишком быстро я передвигался.

Осваивая искусство убивать, я столкнулся с проблемой древнейших: необходимостью управлять собственными силами, так чтобы могучими руками не выдавить из тела жизнь, накачивающую кровь в мой рот. А крови мне хотелось все больше и больше!

Однако, увлеченный тайными наблюдениями за происходящими в городе событиями – например, за отступлением приверженцев сатаны, – я совсем забросил святилище Акаши и Энкила.

Наконец как-то вечером, самым тщательным образом замаскировавшись, я решился отправиться к холмам, ибо чувствовал, что пора навестить царственную чету. Я никогда не оставлял их без присмотра так надолго и не знал, насколько серьезны будут последствия подобного пренебрежения.

Теперь-то я понимаю всю абсурдность моих опасений. С годами стало очевидно, что я могу не приходить в святилище столетиями. Ничего не случится. Но в то время я многого не знал.

Итак, я пришел в новый храм и оглядел пустые стены. Я принес с собой все необходимое: цветы, благовония, несколько бутылей с духами, чтобы разбрызгивать их на одежды Акаши. Но едва я зажег лампы и воскурил благовония, как почувствовал жуткую слабость, заставившую меня опуститься на колени.

Пока я жил с Пандорой, мне практически никогда не доводилось молиться в такой позе. Но теперь Акаша принадлежала только мне.

Я поднял глаза, чтобы взглянуть на неподвижные лица, на длинные черные волосы, заплетенные в косы, на свежие льняные одеяния в египетском стиле: плиссированное длинное платье Акаши и короткую юбку Энкила. Вокруг глаз Акаши до сих пор сохранилась черная краска, умело наложенная Пандорой. А на голове царицы поблескивала золотая диадема, надетая любящими руками моей спутницы. Даже золотые змейки на предплечьях нашей Матери были даром Пандоры. И сандалии на ноги царя и царицы тоже надела она.

В сияющем свете мне показалось, что кожа моих царственных подопечных стала бледнее. Теперь, спустя столетия, я понимаю, что был прав: они быстро исцелялись от страшных солнечных ожогов.

В тот раз я очень пристально следил за выражением лица Энкила, ибо слишком хорошо сознавал, что не испытываю по отношению к нему особой преданности, и понимал всю неразумность такого поведения.

Когда я – в то время юное, пылкое создание, воспламененное просьбой Акаши вывезти их из Египта, – впервые увидел их, Энкил преградил мне путь к царице.

Потребовалось немало усилий, чтобы заставить его вернуться на место и принять прежнюю позу. В тот решающий момент мне помогла Акаша, но оба они двигались неестественно медленно, отчего мне даже стало жутковато.

Это случилось триста лет назад, и с тех пор Акаша пошевелилась при мне только однажды: она протянула руку, чтобы призвать к себе Пандору.

Благословенна Пандора, удостоенная царственного жеста! Я помнил его все эти долгие годы.

Интересно, а что на уме у Энкила? Ревнует ли он, когда я обращаю свои молитвы к Акаше? Или, может быть, он вообще ничего не создает?

Как бы то ни было, я безмолвно поклялся царю в вечной преданности и пообещал, что бы ни случилось, всеми силами защищать его и царицу.

Я не сводил с них глаз и в конце концов окончательно утратил способность рассуждать.

Я дал Акаше понять, как почитаю ее и какими опасностями чреват каждый мой приход, объяснил, что никогда я не оставил бы святилище в запустении по собственной воле и только из соображений безопасности так долго держался в стороне. Давно нужно было прийти и начать расписывать стены или выкладывать их мозаикой. Надо сказать, что в смертной жизни я не обладал художественными талантами, но благодаря вампирским способностям вполне сносно сумел украсить святилище царственной четы в Антиохии.

Но здесь Акашу и Энкила окружали лишь голые побеленные стены, и только цветы, которые я в изобилии принес с собой, хоть как-то оживляли обстановку.

– Помоги мне, царица, – молился я.

И тут, пока я объяснял, что рядом с теми, кого случайно встретил на своем пути, чувствовал себя абсолютно несчастным, мне в голову вползла ужасная, но вполне очевидная мысль: «Авикус никогда не станет моим спутником. Просто потому, что я не имею права иметь таковых. Ибо любой, кто умеет читать мысли, вскоре узнает тайну Тех, Кого Следует

Оберегать. А потому глупо и бессмысленно было предлагать кров Авикусу и Маэлу. Я обречен на одиночество».

Меня бросило в холод. Я смотрел на царицу и долго не мог облечь молитвы в слова, однако в конце концов нашел в себе силы обратиться к своей повелительнице:

– Верни мне Пандору. Если ты дала мне Пандору однажды, молю, верни ее вновь. Поверь, я никогда больше не буду с ней ссориться. И никогда ее не обижу. Одиночество невыносимо. Мне необходимо слышать ее голос. Необходимо ее видеть...

Я мог бы бесконечно изливать свои горести и неустанно просить царицу о помощи, но мольбы мои прервала мысль о том, что Авикус и Маэл могут оказаться поблизости. Я поднялся, расправил одежды и направился к выходу.

– Я вернусь, – пообещал я Матери и Отцу. – Ваше святилище станет еще прекраснее, чем в Антиохии. Нужно только подождать, пока они уйдут.

На выходе я резко обернулся, решив вдруг, что должен вкусить Могущественной Крови Акаши, дабы стать еще сильнее и смело противостоять врагам. Кто знает, какие испытания ждут меня впереди.

Видишь ли, до тех пор мне только один раз довелось попробовать кровь Акаши. Это случилось в Египте, когда она приказала мне увезти ее из страны. Больше мне такой возможности не представилось.

Даже в ночь перерождения Пандоры, когда она пила кровь нашей Матери, я не осмелился подойти и последовать ее примеру, поскольку знал, что Мать сразит любого, кто захочет получить первородную кровь без приглашения.

И теперь, стоя перед возвышением, на котором восседала царственная чета, я возжаждал Могущественной Крови.

Я безмолвно испросил разрешения и замер в ожидании хоть какого-то знака. После создания Пандоры Акаша подняла руку в призывном жесте. И сейчас я надеялся на повторение чуда.

Никакого знака не последовало. Однако наваждение не отпускало меня, и я двинулся вперед, исполненный твердой решимости испить Могущественной Крови или умереть.

Наконец я одной рукой обнял холодную, но прекрасную Акашу, а другую положил ей на затылок.

Я придвигался к шее все ближе и ближе и в конце концов прижался губами к ледяной, лишенной жизни плоти. Царица даже не шевельнулась, чтобы помешать мне. Я каждое мгновение ожидал рокового удара, но ничего не случилось. Я держал ее в объятиях – молчаливую и недвижимую.

Наконец зубы мои пронзили кожу царицы, и в рот мне потекла густая, ни с какой другой не сравнимая кровь. Я погрузился в грезы и оказался в небывалом райском саду, залитом солнцем. Зеленела трава, деревья стояли в цвету. Картина, представшая моим глазам, бальзамом пролилась на мои душевные раны. Я словно вновь вернулся в легендарные времена Древнего Рима, в знакомый с детства сад, не ведающий зимы, благоухающий прекраснейшими бутонами...

Кровь накладывала на мою плоть свой отпечаток: я чувствовал, что тело становится жестче, как в самый первый раз. Солнце в саду светило все ярче и ярче, пока цветущие деревья не начали исчезать в ослепительном сиянии лучей. Какая-то часть меня, мелкая и слабая, побаивалась солнца, но в целом я наслаждался теплом и покоем...

И вдруг ни с того ни с сего сон закончился.

Я лежал на холодном жестком полу на расстоянии нескольких ярдов от подножия трона. Лежал на спине.

Я не сразу понял, что произошло. Я ранен? Меня ожидает ужасное возмездие? Но через несколько секунд я осознал, что цел и невредим, а кровь, как я и надеялся, вселила в меня новые силы.

Я встал на колени и внимательно оглядел царственную чету. В их облике ничто не изменилось. Какая же сила отбросила меня от Акаши?

Потом я долго изливался в немых благодарностях. Только окончательно уверившись, что все в порядке, я встал и, вновь клятвенно пообещав вскоре вернуться и достойно украсить святилище, ушел.

Домой я вернулся в состоянии невероятного возбуждения, не переставая радоваться новой гибкости тела и остроте ума.

Ради испытания я взял кинжал и вонзил его в левую руку, а когда вытащил, рана немедленно затянулась.

Разложив перед собой свиток тончайшего пергамента, я подробно изложил все события прошедшей ночи, воспользовавшись для этого своей личной тайнописью, дабы никто не смог прочесть написанное. Однако я так и не понял, почему, испив Могущественной Крови, очнулся на полу святилища.

«Царица даровала мне свою кровь, – размышлял я. – Если это будет случаться часто, если моя божественная повелительница позволит мне и впредь питаться ее священной кровью, я обрету поистине невероятное могущество. Даже Авикус со мной не сравнится, хотя до сегодняшней ночи наши силы были равны».

Как выяснилось впоследствии, я был совершенно прав, и в грядущие столетия мне не раз приходилось молить Акашу о крови.

Молить не только ради исцеления глубочайших ран – ту историю я расскажу тебе позже, – но и из прихоти, словно я вдруг оказывался во власти желания, охватившего меня по воле самой царицы. Но ни разу, ни разу, как ни горько мне в том признаться, не коснулась она меня своими зубами и не пила мою кровь.

Эту почесть она приберегла для вампира Лестата.

В последующие месяцы я успешно пользовался новообретенными способностями. Мой Мысленный дар стал намного мощнее. Даже на большом расстоянии я мгновенно улавливал присутствие Маэла и Авикуса, и хотя в таких случаях неизбежно открывается своего рода коридор, позволяющий увидеть наблюдателя и прочесть его мысли, я научился моментально закрывать собственный разум.

Я также с легкостью узнавал о том, что они пытаются меня разыскать, и, разумеется, отчетливо слышал их шаги вокруг своей виллы.

А еще я открыл свой дом для смертных!

Однажды вечером, лежа на траве в саду, я предавался мечтам и размышлениям. И внезапно принял решение: я стану регулярно принимать гостей. И не просто гостей, а самых отъявленных негодяев и всех, кто пользуется в этом городе дурной славой. В доме и в саду зазвучит музыка, а свет будет приглушенным.

Я обдумал идею со всех сторон и понял, что можно отлично устроиться, ибо одурачить смертных относительно моей истинной сущности несложно; а человеческое общество избавит меня от одиночества и успокоит сердце. Мое дневное убежище располагалось вдалеке от дома, так что и с этой стороны никакая опасность мне не грозила.

Конечно, я никогда не позволю себе пить кровь гостей. Под крышей моего дома они всегда будут в полной безопасности. Я стану охотиться на удаленных территориях, под покровом темноты. А мой дом всегда будет полон тепла, музыки и жизни.

Итак, я решил.

Все оказалось гораздо проще, чем мне представлялось.

Приказав безропотным рабам накрыть столы, я привел на виллу философов, пользовавшихся недоброй славой. Они проболтали всю ночь напролет, а я слушал их бессвязные речи. Следующим вечером я с не меньшим интересом внимал рассказам старых, всеми забытых солдат, чьи военные истории давно надоели их детям.

Как чудесно было впустить смертных в комнаты! Как чудесно было сознавать, что они считают меня живым, слушать бесконечные разговоры и подливать гостям вина, чтобы они чувствовали себя свободнее. Душа моя отогрелась. Единственное, что меня угнетало, это отсутствие Пандоры – ей такие вечера непременно пришлось бы по душе.

Мой дом никогда не пустел, а я со временем сделал потрясающее открытие: если опьяневшая, разгоряченная компания мне надоедала, можно было просто встать и вернуться к своим делам, например к рукописям, – подвыпившие гости даже не заметят отсутствия хозяина, разве что привстанут, приветствуя мое возвращение.

Видишь ли, я не заводил себе друзей среди этих бесчестных, низменных созданий. Я оставался лишь добросердечным хозяином и зрителем, никого не критиковал и никому не отказывал в приеме. Но пиршества длились только до рассвета.

Тем не менее бывшее одиночество осталось позади. Конечно, без крови Акаши, влившей в меня новые силы, и без ссоры с Авикусом и Маэлом я никогда не предпринял бы подобный шаг.

Итак, в моем доме воцарилось шумное веселье, виноторговцы наперебой предлагали мне лучшие сорта, а юные певцы умоляли послушать последние песни.

Время от времени у моей двери появлялись даже немногочисленные модные философы, а иногда – знаменитые учителя, чьим обществом я наслаждался безмерно, предварительно приглушив свет и затенив комнаты, ибо боялся, как бы чей-то острый ум не обнаружил, что я не тот, за кого себя выдаю.

Я продолжал навещать святилище Тех, Кого Следует Оберегать, но плотно закрывал мысли и тщательно соблюдал все возможные предосторожности.

В те ночи, когда мои гости продолжали пировать, прекрасно обходясь без меня, когда я считал себя в полной безопасности от возможных вторжений, я уходил в святилище и посвящал себя делу, которое, по моим соображениям, должно было обеспечить покой и утешение Акаше и Энкилу.

Я отбросил мысль о мозаике: в Антиохии, несмотря на очевидные успехи, этот вид искусства давался мне с трудом. Поэтому я начал расписывать стены фресками, изображая шаловливых богов и богинь в садах вечной весны, изобилующих цветами и фруктовыми деревьями. Такие фрески весьма часто встречались в римских домах.

Однажды вечером, увлеченный работой, чувствуя себя совершенно счастливым в обществе горшочков с краской, я напевал про себя и вдруг обнаружил, что старательно изображаемый мною сад в точности копирует тот, что явился мне в видениях, посланных Акашей.

Я отложил в сторону кисти, сел на пол, по-детски скрестив ноги, и обратил взгляд на царственную чету. Что бы это значило?

Я пребывал в полном недоумении. Сад казался смутно знакомым. Бывал ли я там до того, как выпил кровь Акаши? Я не припоминал. А ведь я, Мариус, так гордился своей памятью! Я вернулся к работе: заново отштукатурил стену и начал все сначала, стараясь как можно лучше передать свежесть кустов и деревьев. Солнечный свет на моей фреске играл бликами на зеленых листьях.

Когда уходило вдохновение, я призывал на помощь свои вампирские способности и без труда проникал в самые современные виллы, расположенные за пределами бесконечно расширяющегося города. Там при самом слабом освещении я исследовал роскошные фрески в поисках новых тем, новых фигур, новых танцев, новых выражений лиц и улыбок.

Конечно, я действовал скрытно, осторожно и ни разу не разбудил хозяев, а зачастую об этом вообще не приходилось беспокоиться: дома никого не было.

Рим оставался огромным оживленным городом, но из-за войн, интриг, политических переворотов и смены императоров людей регулярно отправляли в изгнание или призывали ко двору, поэтому, к моему вящему удовольствию, большие дома нередко стояли пустыми.

Тем временем празднества, устраиваемые в моем жилище, стали так популярны, что в комнатах было не протолкнуться. И вне зависимости от ночных планов я начинал свой вечер в теплой компании пьянчуг, к моему приходу уже пировавших и ссорившихся.

– Мариус, милости просим! – выкрикивали они, едва я переступал порог комнаты.

Я неизменно улыбался в ответ, ибо дорожил обществом своих новых знакомцев.

Ни один человек ни разу меня ни в чем не заподозрил, и я даже полюбил некоторых членов моей восхитительной компании, однако ничем не проявлял своих особых привязанностей, помня о том, что я хищник, поэтому люди никогда не ответят мне взаимностью.

Так, в окружении смертных, шли годы. Я с энергией безумца заполнял свободное время ведением дневников, которые впоследствии неизменно предавал огню, или расписыванием стен святилища.

Тем временем к Риму подобралась жалкая змеепоклонники – они совершили абсурдную попытку основать храм в заброшенных катакомбах, куда больше не заглядывали смертные христиане, – но Авикус и Маэл прогнали юнцов прочь.

Я наблюдал за ними со стороны, испытывая невероятное облегчение от того, что не приходится вмешиваться самому, и с болью вспоминал, как уничтожил подобную юную стайку в Антиохии и поддался помешательству, стоившему мне любви Пандоры, возможно потерянной навеки.

«Навеки? Нет! Она непременно придет ко мне», – думал я.

И даже записал эти слова в дневник.

Я отложил перо и закрыл глаза. Я не мог без нее и молился, чтобы она пришла. Я представлял себе ее волнистые волосы и печальное овальное лицо, старался вспомнить точную форму и оттенок темных глаз.

Как она со мной спорила! Как хорошо разбиралась в поэзии и философии! Как логично рассуждала! А я... Я только и мог, что насмехаться над ней.

Не вспомню точно, сколько лет я так прожил.

Хотя мы друг с другом не разговаривали и даже не сталкивались лицом к лицу, Маэл и Авикус стали моими незримыми спутниками. И я чувствовал себя в долгу перед обоими, поскольку они очистили Рим от пришлых чужаков.

Ты уже понял, что я не проявлял интереса к событиям, происходившим в правящих кругах империи.

Но в действительности судьба Рима меня страстно волновала, ибо империя олицетворяла для меня цивилизованный мир. Я все же оставался римлянином и, будучи ночным охотником и грязным убийцей, в остальном вел цивилизованный образ жизни.

Наверное, я, как и многие старые сенаторы, считал, что бесконечные драки между императорами рано или поздно утрясутся сами собой, что появится великий человек, обладающий силой Октавиана, и объединит мир.

Между тем армии охраняли границы, сдерживая угрозу со стороны варваров, и раз уж право выбора императора принадлежало армии, то так тому и быть. Главное – целостность империи.

Христианство распространилось повсюду, и это приводило меня в полное недоумение. Для меня оставалось великой тайной, как заурядный культ, причем зародившийся не где-нибудь, а в Иерусалиме, смог вырасти в религию такого масштаба.

Успехи христианства изумляли меня еще в Антиохии – и само учение, и процветание религии, несмотря на бесконечные споры между ее почитателями и зачастую полное расхождение во взглядах.

Но Антиохия, я уже говорил, дитя Востока. А капитуляция Рима перед христианством не снилась мне и в самых страшных снах. Адептами новой религии становились не только рабы, но и люди благородного происхождения, занимавшие весьма высокое положение в римском обществе. Преследования не возымели никакого эффекта.

Перед тем как продолжить, я, если не возражаешь, повторю то, что отмечали и другие историки: до наступления эры христианства весь древний мир жил в религиозной гармонии. Никто не преследовал людей за принадлежность к иной вере.

Греки и римляне приняли даже иудеев, не желающих ни с кем объединяться, и позволили им практиковать чрезвычайно антисоциальные религиозные обычаи. Во всем мире царили терпимость и согласие.

В такой обстановке прошла вся моя смертная жизнь, и, впервые услышав проповеди христиан, я решил, что их религия не имеет шансов на выживание. Она возлагала на последователей слишком большую ответственность, запрещала им обращаться к богам, почитавшимся в Греции и Риме, и потому я был уверен, что эта секта исчезнет сама по себе.

К тому же христиане никак не могли прийти к единому мнению относительно того, во что же они все-таки верят. Я не сомневался, что они попросту перебьют друг друга, а масса выдвинутых ими идей – не знаю даже, достойны ли они так называться – в конце концов просто забудется.

Но ничего подобного не произошло, и в четвертом веке Рим наводнили христиане. Свои магические церемонии они устраивали в катакомбах и в частных домах.

Я продолжал жить независимо, наблюдая за ходом событий со стороны и принимая происходящее слишком близко к сердцу, однако два происшествия все-таки выбили меня из колеи.

Сейчас расскажу какие.

Я уже говорил, что борьба за имперский престол велась бесконечно. Не успевал Сенат одобрить назначение очередного императора, как тот погибал от руки или по приказу другого претендента. А римские воины только и знали, что маршировать по отдаленным провинциям империи, приводя к власти нового правителя, когда люди начинали бунтовать против предыдущего.

В триста пятом году два суверена именовали себя Августами, а еще двое – Цезарями. Я смутно представлял себе, что означают данные титулы, а точнее, скажем так, слишком презирал всех участников событий, чтобы выяснять, о чем речь.

Так называемые «императоры» имели привычку вторгаться в Италию чаще, чем мне хотелось, а один из них, по имени Север, даже дошел в триста седьмом году до ворот столицы.

А я, более всего на свете пекшийся о величии Рима, не хотел, чтобы мой родной город был отдан на разграбление!

Заинтересовавшись, я вскоре выяснил, что вся Италия, а также Сицилия, Корсика, Сардиния и Северная Африка находятся во власти «императора» Максенция, который отразил удар Севера и теперь сражался с Галерием, преследуя его обратившиеся в бегство легионы.

Этот Максенций, проживавший в каких-то шести милях от городских стен, был по сути своей настоящим чудовищем. Однажды он даже приказал преторианцам, своей личной армии, устроить резню среди горожан. Он был резко настроен против христиан и преследовал их с бессмысленной жестокостью. Ходили даже слухи, что он надругался над женами свободных римских граждан и тем самым нанес им величайшее оскорбление. Кроме того,

он бесчеловечно обошелся с сенаторами и позволил своим солдатам вытворять в городе все, что тем заблагорассудится.

Однако лично меня политика никак не затрагивала, пока я не услышал, что на Рим идет еще один император – Константин. За последние годы над моим любимым городом в третий раз нависла угроза. Узнав, что решающая битва состоится вдалеке от городских стен, я, однако, испытал некоторое облегчение. Конечно, Максенций принял такое решение, зная, что римляне не окажут ему никакой поддержки.

Кто знал, что битва Константина и Максенция окажется судьбоносной для западного мира? Конечно, сражение произошло днем, но я узнал о нем, лишь когда проснулся после захода солнца. Выбравшись из дневного укрытия, я помчался домой, обнаружил, что мои философствующие гости пьяны, и поспешил на улицу, чтобы узнать исход битвы. Константин наголову разбил Максенция. Поверженный полководец утонул в Тибре. Но для собиравшихся в группы горожан самым важным было другое: говорили, что, перед тем как отправиться на битву, Константин увидел в небе знак, ниспосланный Иисусом Христом.

Знак появился сразу после полудня. Константин взглянул на небо и прямо над стоявшим в зените солнцем увидел крест и надпись: «С этим победишь».

Я не поверил. Как могло римскому императору явиться христианское видение? Я поскорее вернулся к письменному столу, чтобы записать в дневник все подробности, и приготовился ждать, какие еще сюрпризы преподнесет мне история.

Гости, собравшиеся в моем доме, пришли в себя и бурно обсуждали последние новости.

Никто не верил в знамение.

«Константин – христианин? Подлейте-ка еще вина», – слышалось со всех сторон.

Но, ко всеобщему изумлению, Константин оказался-таки христианином.

Вместо того чтобы отпраздновать великую победу, по обычаю щедро одарив храмы, он сделал пожертвования христианским церквям, причем повелел всем наместникам поступить точно так же. Потом император преподнес в подарок христианскому Папе дворец на одном из холмов, носившем название Целий. Отмечу, что впоследствии дворец тот переходил от Папы к Папе на протяжении тысячи лет. Я знал его обитателей, самолично заглядывал внутрь, чтобы посмотреть, как устроился наместник Христа, и строил домыслы о том, чем все это закончится.

Вскоре появились законы, запрещающие казнь через распятие, а также проведение гладиаторских боев, столь популярных у римлян. Воскресенье объявили праздником. Император даровал последователям Христа всяческие привилегии, и не успели мы оглянуться, как те пригласили правителя Рима принять участие в религиозных диспутах!

В африканских городах споры о доктрине зашли настолько далеко, что поднялись бунты и христиане принялись убивать друг друга. Народ потребовал вмешательства императора.

На мой взгляд, в том, что касается истории христианской религии, необходимо учесть один очень важный факт. С самого начала христианство несло с собой жестокие споры и войны, привлекая на свою сторону светские власти в надежде использовать их силу в разрешении многочисленных конфликтов.

Я в изумлении наблюдал за происходящим. Конечно, мои гости тоже яростно спорили. Выяснилось, что некоторые из них давно уже перешли в христианство. Теперь они могли не скрывать своих убеждений. Но что бы ни случилось, вино продолжало течь рекой под неустанные звуки музыки.

Видишь ли, я не испытывал по отношению к христианству ни страха, ни врожденного отвращения и, как уже сказал, изумленно следил за его развитием и распространением.

Но теперь, спустя десять лет, в течение которых Константин и Лициний, правя империей, поддерживали шаткий мир, наметились перемены, мысль о которых доселе не приходила мне в голову. Былые верования канули в прошлое, гонения на христиан прекратились, последователи этой религии добились оглушительного успеха.

Я вдруг обнаружил, что идеи христианства коренным образом изменили образ мыслей римлян. Можно сказать, произошло смешение стилей и мировоззрений.

Со смертью Лициния Константин стал единственным правителем империи, и все провинции заново объединились. Константина очень волновала разобщенность христиан, и в Риме поползли слухи о проведении на Востоке христианских Соборов. Первый такой Собор состоялся в Антиохии, где когда-то я жил вместе с Пандорой. Антиохия оставалась великим городом и, возможно, во многих отношениях была оживленнее и интереснее Рима.

Арианская ересь вызвала недовольство Константина. Сыр-бор разгорелся из-за мелочи, на взгляд Константина не стоившей выеденного яйца, – из-за фрагмента Писания. Тем не менее некоторые епископы были отлучены от развивающейся церкви, а спустя два месяца в Никее собрался новый Вселенский собор под председательством Константина.

Там, на Никейском соборе, был принят «Символ веры» – краткий свод догматов христианской ортодоксии, которых по сию пору придерживаются ревностные последователи этой религии. Епископы, ее подписавшие, снова заклеили как еретика и отлучили от церкви христианского теолога и писателя Ария, а творения его приговорили к сожжению. Ария изгнали из Александрии. Решение Собора обжалованию не подлежало.

Но стоит отметить, что Арий, оставаясь изгнанником, продолжал отстаивать свои позиции.

Другой важной причиной созыва Никейского собора стал вопрос, до сих пор не решенный христианами: какова точная дата Пасхи – воскрешения Христа. Участники Собора решили, как они будут впредь вычислять эту дату, основываясь на западной системе. И закрыли Собор.

Епископов, однако, попросили задержаться и присутствовать на праздновании двадцатилетней годовщины правления императора Константина. Естественно, об отказе не могло быть и речи. Епископы остались.

Долетевшие до Рима рассказы о роскошных празднествах породили в душах его граждан недовольство и зависть. Рим чувствовал, что его обошли стороной. Поэтому, когда в январе триста двадцать шестого года император снова направился к нашему городу, римляне испытали облегчение и радость.

Однако прежде чем Константин достиг стен Рима, город наводнили слухи об ужасных злодеяниях императора. По никому не известным причинам на пути к Риму он сделал остановку, чтобы предать смерти своего сына Криспия, пасынка Лициниана и собственную жену, императрицу Фаусту. Историки могут до хрипоты спорить, почему он так поступил, но истинная причина никогда не станет известна. Возможно, император узнал о существовании заговора против него. А может, случилось что-то другое...

Замечу, что описанные события омрачили радость горожан. Долгожданное прибытие императора не пролило бальзама и на души приверженцев старых порядков. Одевался Константин в экстравагантном восточном стиле: в шелка и дамаст. К тому же вопреки ожиданиям народа он не изъявил желания принять участие в традиционной процессии к храму Юпитера.

Конечно же, христиане его обожали. Люди всех сословий слетались посмотреть на правителя, облаченного в восточные одеяния, усыпанные драгоценностями. А щедрость, с которой он выделял средства на новые церкви, поражала всех без исключения.

Хотя император почти не жил в Риме, бывая там лишь время от времени, он повелел завершить строительство нескольких светских зданий, начатое еще при Максенции, и возвел просторные общественные бани, названные его именем.

Потом поползли отвратительные сплетни. Константин намеревался построить новый город. Император решил, что Рим пришел в упадок и лишился подобающего столице блеска, а потому собирался возвести другой центр империи – воздвигнуть его на Востоке и назвать своим именем.

Можешь себе представить, как это было воспринято?

Конечно, за последний век императоры переезжали из провинции в провинцию. Они боролись друг с другом, заключали двойные и тройные союзы, встречались в одном месте и убивали друг друга в другом.

Но отказаться от Рима? Воздвигнуть новый город и сделать его столицей империи?

Немыслимо!

Кипя от ненависти, я предавался мрачным мыслям. Я впал в отчаяние.

Ночные гости разделяли мое негодование. Новости привели в уныние пожилых солдат, один из старых философов горько плакал. Другая столица? Молодежь впадала в ярость, но не могла скрыть горького любопытства и, ворча, гадала, где вырастет новый город.

Я не осмеливался плакать, поскольку слезы мои были бы кровавыми.

Я научил музыкантов играть старые песни, те, которых они и не слыхивали, и наступил странный момент, когда вместе со смертными гостями мы затянули медленную скорбную песню о непреходящей славе поверженного Рима.

В тот вечер веяло прохладой. Я вышел в сад и посмотрел на склоны холма. То там, то здесь в темноте мерцали огоньки. В других домах звучали голоса и смех.

– Вот он, Рим... – прошептал я.

Как мог Константин отвергнуть город, тысячу лет остававшийся столицей империи, ставший свидетелем ее борьбы, триумфа, поражений и побед? Неужели некому его вразумить? Такого не может быть!

Но чем дольше бродил я по городу, чем внимательнее прислушивался к разговорам, чем чаще выходил за городские стены и навещал окрестные городки, тем отчетливее понимал мотивы, руководившие императором.

Константин хотел, чтобы центр христианской империи располагался в месте, обладавшем огромными преимуществами, и не мог ограничить свое пребывание полуостровом, в то время как культура его народа была столь многим обязана Востоку. К тому же ему приходилось защищать восточные границы. Персия была и оставалась угрозой для империи. И Рим не мог оставаться резиденцией человека, обладавшего неограниченной властью.

Поэтому Константин выбрал далекий греческий город Византию и решил, что здесь будет построен его новый дом – Константинополь.

А я был обречен наблюдать, как мой дом, священный Рим, приходит в упадок по вине человека, которого я как римлянин отказывался признать.

Ходили слухи, что план строительства Константинополя создается с невиданной быстротой и новые здания вырастают буквально на глазах.

Вслед за императором в расцветающий новый город отправились и многие жители Рима. По приглашению императора или по собственному желанию сенаторы собирали накопленное богатство и вместе с семьями перебирались в блистательный Константинополь, на долгое время ставший объектом пересудов и сплетен.

Вскоре я узнал, что в новую столицу стекаются сенаторы и из других городов империи. По мере того как там вырастали бани, цирки и здания общественного значения, возникла мода украшать архитектурные сооружения прекрасными статуями, вывезенными из Греции и государств Азии.

«Рим, любимый Рим, какая же судьба тебя ожидает?» – с тревогой в сердце думал я.

Разумеется, мои вечерние пиршества не прекратились. Бедные учителя и историки, не располагавшие средствами на переезд в Константинополь, любопытные беззаботные юноши, пока что не склонные к принятию благоразумных решений, и многие другие римляне по обыкновению заглядывали к Мариусу.

Я по-прежнему много времени проводил в обществе смертных и даже получил в наследство нескольких сообразительных греческих философов, оставленных мне семьями, уехавшими в Константинополь и уверенными, что там они найдут более образованных учителей для своих сыновей.

Но компании, пировавшие на вилле, мало меня волновали.

По правде говоря, по прошествии стольких лет я был совершенно сломлен духом.

Больше всего меня угнетало отсутствие рядом бессмертного спутника, способного понять мои чувства. Интересно, думал я, могли бы Маэл с Авикусом постичь всю глубину происходящего? Я слышал их и знал, что оба до сих пор бродят, словно призраки, по тем же улицам, что и я.

Мне так не хватало Пандоры, что я даже не мог вспоминать ее лицо и старался не думать о ней.

Но если Константин сумеет сохранить целостность империи, если христианство сплотит провинции и не даст им разъединиться, если император сможет сдерживать натиск варваров, способных только грабить и убивать, ничего не оставляя после себя взамен, то кто я такой, чтобы судить его? Я, изгой, навсегда выброшенный из жизни?

Когда мне становилось особенно тоскливо, я возвращался к своим записям.

А если был уверен, что Маэла с Авикусом поблизости нет, то уходил из города и отправлялся в святилище и продолжал там работать над росписями. Покрыв фресками все святилище от пола до потолка, я заново белил стены и начинал все сначала. Созданные нимфы и богини не удовлетворяли меня: фигуры выглядели недостаточно гибкими, руки недостаточно грациозными, волосы не такими, как следовало. А в нарисованных садах было слишком мало прекрасных цветов.

И меня ни на миг не покидала мысль, что я где-то видел этот сад, причем еще до того, как Акаша позволила мне испить ее крови. Я видел эти каменные скамьи, фонтаны...

Рисуя, я не мог отделаться от ощущения, что стою прямо в саду. Не уверен, что это мне помогало. Скорее расстраивало.

Но по мере того, как я набирался опыта и становился искуснее – а мои способности и в самом деле развивались, – меня начали беспокоить другие аспекты творчества.

Мне вдруг стало казаться, что есть нечто неестественное, нечто в основе своей отталкивающее в том, как безупречно передаю я человеческие фигуры, в том, как необычно сверкают мои краски, в том, как я добавляю множество мелких деталей. Особенно мне претила собственная страсть к обилию декоративных элементов.

Труд художника неодолимо привлекал меня и одновременно в той же степени вызывал отвращение. Я создавал сады, полные прелестных мифологических существ, и тут же уничижал их. Иногда я рисовал так усердно и быстро, что в изнеможении падал на пол святилища и засыпал там на весь день – беспомощный и неподвижный. У меня не оставалось сил, чтобы добраться до убежища – гроб был спрятан неподалеку от виллы.

«Мы чудовища», – думал я всякий раз, когда рисовал или придирчиво рассматривал собственные росписи. Я и сейчас в этом убежден. Да, я хочу продлить свое существование в этом мире – ну и что? Мы существа противоестественные, бесстрастные и одновременно чересчур эмоциональные свидетели происходящего. Предаваясь таким раздумьям, я видел перед собой двоих безмолвных свидетелей – Акашу и Энкила.

Им нет никакого дела до того, чем я занимаюсь.

Раза два в год я сменял на них одежды, заботливо и аккуратно расправлял на Акаше платье. Я приносил новые браслеты и медленными, нежными движениями, дабы не оскорбить царицу своими прикосновениями, украшал ее холодные, безвольно лежащие на коленях руки. Я вплетал золото в волнистые черные волосы Матери и Отца. Я накладывал величественное ожерелье на обнаженные плечи царя.

И никогда не говорил с ними всуе – обращался только в молитве, ибо трепетал перед их царственным величием.

За все время пребывания в святилище я не произносил ни слова: молча работал и так же молча с отвращением смотрел на результат этой работы – не с горшками же и кистями разговаривать!

Однажды ночью, после долгих лет усердного труда, я отступил на шаг и попытался увидеть всю картину новыми глазами. Голова у меня шла кругом.

Я отошел к входу, представил себя человеком, впервые оказавшимся в святилище, и, будто забыв о божественной чете, внимательно оглядел стены.

И тогда на меня с болезненной ясностью снизошла истина: я рисовал Пандору – только ее, всегда и везде. Каждая нимфа, каждая богиня была Пандорой. Как же я не заметил этого раньше?

Изумленный, сраженный своим открытием, я решил, что меня подводит зрение. Я потер глаза, совершенно так же, как трет их любой смертный, чтобы лучше видеть, и взглянул еще раз. Сомнений не оставалось: повсюду была моя прекрасная Пандора – в разных нарядах, с разными прическами и украшениями, но она и только она. А я лишь сейчас обратил на это внимание!

Конечно, бескрайний сад тоже казался знакомым, но он меня не интересовал, потому что не имел никакого отношения к Пандоре. Но Пандора... Она останется со мной навеки и всегда будет источником совершенно особенных чувств и ощущений. От Пандоры я не избавлюсь никогда. И в этом состоит мое проклятие.

По обыкновению спрятав краски и кисти за царским тронем – оставив их на виду, я проявил бы неуважение к Отцу и Матери, – я вернулся в Рим.

До рассвета оставалось еще несколько часов, и я знал, что проведу их в тоске по Пандоре.

Пьяная компания заметно поредела, как и всегда бывало ближе к утру. Несколько гостей сладко спали в саду на траве, а остальные, собравшись вместе, горланили песни.

Никто не заметил, как я прошел в библиотеку и сел за стол.

За распахнутыми дверями темнели силуэты деревьев. Оглядывая погруженный в сон сад, я вдруг отчаянно пожалел, что жизнь моя продолжается.

Должно быть, запасы моего мужества иссякли. Я повернулся и принялся рассматривать росписи на стенах. Естественно, я сам когда-то одобрил эти фрески и много раз платил, чтобы их обновляли и вносили изменения.

Но сейчас я смотрел на них глазами не богача Мариуса, способного получить все, что пожелает, а художника Мариуса, монстра, нарисовавшего на стенах святилища Акаши двадцать один портрет Пандоры.

И вдруг увидел, что фрески, украшающие стены виллы, посредственны, что богини и нимфы, населявшие мой кабинет, статичны и блеклы. Немедленно разбудив рабов, я велел им на следующий день побелить стены, а также купить и принести мне самые лучшие краски и пояснил, что новыми росписями займусь сам.

Привыкшие к эксцентричности хозяина рабы не выказали удивления и, уверившись, что правильно поняли приказание, удалились спать.

Я и сам не понимал, почему принял такое решение. Знал лишь, что должен рисовать, и чувствовал, что живопись поможет мне успокоиться и жить дальше.

Тоска и отчаяние в моей душе становились все глубже.

Я вынул тонкий пергамент, чтобы продолжить записи в старом дневнике, и попытался выразить словами те чувства, которые испытал, увидев повсюду изображение своей возлюбленной. Наверное, писал я, здесь не обошлось без колдовства...

Мое занятие было прервано хорошо знакомым звуком...

К воротам подошел Авикус и безмолвно испросил у меня разрешения перебраться через стену.

Он с подозрением относился к смертным, пирующим в зале и отдыхающим в саду, однако хотел поговорить со мной.

Я мысленно позволил ему войти.

Много лет я видел его разве что мельком, в темных переулках, и меня отнюдь не удивило, что он одевается как римский воин и привычно носит у пояса кинжал и меч.

Авикус метнул опасливый взгляд в сторону все еще веселившихся гостей, но я жестом дал ему понять, что на смертных можно не обращать внимания.

Его густые, вьющиеся темные волосы были чистыми и ухоженными, а от всего облика веяло благополучием и процветанием. Однако вся одежда была залита кровью. Не человеческой кровью. Выражение лица Авикуса свидетельствовало о том, что он пребывает в полном отчаянии.

– В чем дело? Я могу помочь? – спросил я, пытаюсь скрыть радость от того, что он нарушил мое одиночество, и желание коснуться его руки.

«Ты такой же, как я, – хотелось мне сказать. – Оба мы чудовища, но мы можем обнять друг друга. Что мне все эти гости? Они всего лишь жалкие смертные».

Но я молчал.

Заговорил Авикус:

– Стучалась ужасная вещь. Не знаю, как все исправить, не знаю даже, возможно ли это. Умоляю тебя, пойдем со мной.

– Куда? – с тревогой и сочувствием спросил я.

– К Маэлу. Его серьезно ранили, и, боюсь, он уже не сможет восстановить силы.

Не медля ни минуты, мы покинули виллу.

Я последовал за Авикусом. Вскоре мы оказались в квартале, застроенном новыми домами, отстоявшими друг от друга на пару футов, не более, и вышли к самой его окраине.

Я увидел перед собой солидное современное жилое здание с тяжелыми воротами; Авикус провел меня внутрь, в красивый широкий атриум – внутренний дворик.

Отмечу, что, передвигаясь по городу, Авикус не в полной мере использовал свои возможности, однако я не хотел указывать ему на этот факт и послушно шел за ним.

Из атриума мы попали в главное помещение дома – обеденный зал, и там при свете лампы я увидел Маэла, беспомощно распростертого на выложенном плиткой полу.

В его глазах отражался свет.

Я поспешно опустился на колени рядом с ним.

Его голова нелепо свернулась на сторону, а одна рука была вывихнута, словно плечо вывернули из сустава. Маэл чудовищно исхудал, а кожа его выглядела болезненно бледной. В обращенном на меня взгляде не было ни злобы, ни мольбы.

Одежда, очень похожая на наряд Авикуса, но чрезмерно просторная для изможденного тела, пропиталась кровью. Ею же были испачканы и длинные светлые волосы, а губы Маэла дрожали, словно он пытался заговорить, но не мог.

Авикус беспомощно развел руками. Я наклонился, чтобы лучше разглядеть Маэла, а Авикус поднес поближе масляную лампу и держал ее так, чтобы она отбрасывала теплый яркий свет прямо на Маэла.

С губ Маэла слетел необыкновенно низкий и резкий звук. Только теперь я обратил внимание на жуткие красные раны, зиявшие на его горле и обнаженном плече. Рука определенно торчала под неправильным углом, а шея перекрутилась.

В ужасе я осознал, что и голова, и рука сдвинулись и находятся совсем не там, где им предназначено быть.

– Что произошло? – спросил я у Авикуса. – Ты видел?

– Ему отрубили голову и руку, – отвечал Авикус. – Компания пьяных солдат нарывалась на неприятности. Мы хотели обойти их стороной, но тут же подверглись нападению. Теперь-то я понимаю, что следовало уйти по крышам. А тогда... Да что говорить! Мы оказались слишком самоуверенными: считали, что сильны и неуязвимы.

– Ясно, – отозвался я.

Я сжал здоровую ладонь Маэла и почувствовал ответное пожатие. По правде говоря, я был потрясен до глубины души. Но показать свое состояние при них не мог, чтобы не испугать обоих еще больше.

Мне всегда было интересно, можно ли нас уничтожить посредством расчленения тела, и теперь мне открылась ужасная истина: чтобы освободить душу, этого недостаточно.

– Не успел я оглянуться, как его окружили, – рассказывал Авикус. – Я отбилась от тех, кто нападал на меня, а он... Сам видишь, что с ним сделали.

– Ты принес его сюда и попробовал вернуть на место голову и руку?

– Он же не умер! – воскликнул Авикус. – Пьяные мерзавцы убежали. Я сразу увидел, что он еще жив. Он лежал на улице, кровь лила рекой, но он смотрел на меня! И... И тянулся здоровой рукой к голове.

Во взгляде Авикуса была мольба о понимании и, возможно, прощении.

– Он был жив, – повторил Авикус. – Из шеи хлестала кровь, из головы тоже. Там, на улице, я приложил голову к шее. А здесь соединил руку и плечо. Что я наделал!

Маэл крепче ухватился за мою руку.

– Можешь отвечать? – спросил я Маэла. – Если нет, издай хоть какой-нибудь звук.

Снова раздался резкий шум, но на сей раз мне послышалось короткое слово «да».

– Ты хочешь жить? – сказал я.

– Нет, не надо спрашивать! – взмолился Авикус. – Может быть, сейчас у него не останется на это мужества. Просто помоги мне, если знаешь, что следует делать.

Он встал на колени рядом с Маэлом, склонился, осторожно придерживая лампу сбоку, и прижался губами ко лбу Маэла.

Маэл повторил прежний ответ:

– Да.

– Мне понадобится больше света, – сказал я Авикусу. – Но пойми вот что: я не волшебник и не имею каких-то особенных навыков в этой области. Кажется, я знаю, что произошло и как все исправить. Но и только.

Авикус тотчас собрал по всему дому несколько ламп, зажег их и поставил вокруг Маэла. Он напоминал мне колдуна, очертившего овал для исполнения ритуала, но я не позволил себе отвлекаться и раздражаться. Выбрав наиболее удобное место для осмотра, я опустился на колени, чтобы обследовать раны и все съездившееся, обескровленное, скелетообразное тело Маэла.

Наконец я выпрямился и взглянул на Авикуса, застывшего напротив.

– Расскажи подробнее, как все получилось.

– Я как можно лучше прикрепил голову к шее, но получилось плохо, видишь, я все сделал неправильно. Откуда мне знать, как правильно? – вскинулся он. – Ты знаешь, как правильно?

– И рука тоже не на месте, – отметил я.

– Что же делать?

– Ты давил на руку и голову? – спросил я.

Он призадумался и потом ответил:

– Да, кажется, давил. Я понял, о чем ты говоришь. Я сильно надавил – хотел, чтобы они приклеились. Слишком сильно.

– Ну вот, наверное, есть шанс все исправить, но пойми, что я не обладаю какими-то тайными знаниями, а руководствуюсь тем фактом, что он до сих пор жив. Думаю, нам следует оторвать голову и руку и посмотреть, не захотят ли они, оказавшись вблизи от тела, присоединиться под нужным углом.

До Авикуса постепенно дошел смысл сказанного, и лицо его прояснилось.

– Да, – сказал он, – наверное, они присоединятся как надо! Если уж они приклеились в таком положении, то под правильным углом они точно встанут на место.

– Верно, – ответил я, – но тебе придется действовать самому. Он только тебе доверяет.

Авикус посмотрел на друга, и я понял, что задача предстоит не из легких. Древний бог медленно перевел взгляд на меня.

– Нужно дать ему кровь, чтобы укрепить силы, – предложил он.

– Нет, потом, – ответил я. – Когда ему нужно будет исцелиться, тогда и дадим.

Обещание вырвалось у меня против воли, но я вдруг понял, что не хочу смерти Маэла и даже готов взять операцию на себя.

Но вмешиваться нельзя. Дальнейший ход событий зависит от Авикуса.

Тот неожиданно резко и твердо уперся левой ладонью в плечо Маэла и изо всех сил дернул за поврежденную руку. Рука отделилась от плеча, порванные окровавленные связки болтались, словно древесные корни.

– Теперь подноси руку к телу... – подсказывал я. – Да, вот так. И следи, не захочет ли она встать на место.

Он послушно сделал то, что я велел, но я уже помогал ему, не давая руке слишком приближаться к телу, ожидая, что она сама выберет нужное положение. Ощувив резкий спазм в руке Маэла, я разжал пальцы, и она быстро соединилась с плечом. Связки зашевелились, извиваясь, как змейки, проникли в тело, и разрыв окончательно сросся.

Значит, мои подозрения оказались верны. Тело живет по собственным сверхъестественным законам.

Я разорвал запястье зубами и полил рану кровью. Шрам начал исчезать прямо у меня на глазах.

Авикуса изумил мой нехитрый трюк, хотя он, несомненно, и сам им пользовался, поскольку целительное свойство бессмертной крови широко известно среди таких, как мы.

Тем временем от раны практически не осталось и следа.

Отстранившись, я обратил внимание, что Маэл не сводит с меня глаз. Голова его по-прежнему оставалась вывернутой – зрелище жалкое и нелепое. На лице отсутствовало какое бы то ни было выражение.

Я коснулся его ладони и ощутил ответное пожатие.

– Готов? – спросил я Авикуса.

– Крепче держи его за плечи, – ответил тот. – Ради всего святого, держи изо всех сил.

Я вцепился в Маэла что было мочи. Лучше бы упереться коленями ему в грудь, но он был слишком слаб, чтобы выдержать такую нагрузку, поэтому я оставался сбоку от тела.

Наконец Авикус со слабым стоном обеими руками потянул голову Маэла на себя.

Хлынул устрашающий поток крови, и, могу поклясться, я услышал, как рвется сверхъестественная плоть. Авикус упал на спину и перекатился на бок, сжимая в руках голову друга.

– Давай, подноси ее к телу! – крикнул я.

Я прижимал к полу плечи Маэла, но тело его вдруг резко дернулось, а руки метнулись вверх и потянулись к голове.

Авикус уложил голову в поток крови и подтолкнул ее к зияющей в шее дыре. Внезапно голова задвигалась как бы сама по себе, обрывки плоти задергались навстречу торсу, тело вновь содрогнулось – и голова прочно прилепилась к телу.

Я увидел, как дрогнули веки Маэла, как рот открылся и исторг из себя громкий вопль: – Авикус!

Авикус склонился над ним, как чуть раньше и я, зубами разорвал запястье и направил струйку крови в рот Маэла.

Маэл потянулся к руке Авикуса, привлёк ее к губам и яростно принялся высасывать кровь – спина его изогнулась, а исхудавшие ноги задрожали и выпрямились.

Я отошел в сторону и долго сидел в тени, не сводя с них глаз, а когда увидел, что Авикус обессилен от потери крови, что сердце его устало, вернулся и предложил Маэлу свою кровь.

Все мое существо яростно протестовало против такого поступка. Я не понимал тогда и до сих пор не знаю, почему это сделал.

Маэлу хватило сил, чтобы сесть. Тело его выглядело уже неплохо, но на лицо было страшно смотреть. Сверкающая лужица крови на полу высохла. Нужно будет отскоблить ее и сжечь.

Маэл вытянулся вперед, жутковатым интимным жестом обнял меня и поцеловал в шею. Он не осмеливался вонзить в меня клыки.

– Хорошо. Сделай это, – сказал я.

Несмотря на данное согласие, меня не покидали страшные сомнения. Тогда я вызвал в памяти образы Рима, его прекрасных новых зданий и храмов, потрясающей триумфальной арки в Константинополе, великолепных соборов и церквей, которые возводили теперь повсюду. Я думал о христианах и их необычных церемониях. Пусть пьет и смотрит. Пусть видит все, что угодно, кроме тайн моей жизни.

Я чувствовал его отчаянный голод и испытывал невыразимое отвращение. Я отказывался заглядывать ему в душу, а встретившись взглядом с Авикусом, поразился необъяснимо торжественному выражению его лица.

Все было кончено. Я дал ему всю кровь, какую мог. Почти светало, и нужно было, собрав остаток сил, поскорее отправиться в убежище.

Я поднялся на ноги.

Но меня остановил голос Авикуса.

– Может быть, станем друзьями? – спросил он. – Мы с тобой так долго враждовали.

Маэл, еще не оправившийся после тяжелых увечий и не способный обсуждать какие-либо проблемы, посмотрел на меня взглядом обвинителя и с трудом произнес:

– Ты таки нашел в Египте Великую Мать. Я увидел ее в твоём сердце, когда пил кровь. От ярости и потрясения я буквально остолбенел.

Что делать? Убить его теперь же? Уничтожить это бесполезное существо, пригодное лишь на роль учебного пособия, наглядно демонстрирующего, как вернуть к жизни расчлененного вампира? Завершить дело, начатое пьяными солдатами?

Но я промолчал и, конечно, ничего не сделал.

Сердце мое превратилось в ледяную глыбу.

Авикус неодобрительно покачал головой, показывая, что крайне разочарован и расстроен.

– Благодарю тебя, Мариус, – печально и устало сказал он, провожая меня к воротам. – Что было бы, откажись ты мне помочь? Я в неоплатном долгу перед тобой.

– Никакой Великой Матери нет, – ответил я. – А теперь прощай.

Мчась по римским крышам к собственному дому, я твердо решил рассказать им правду.

Глава 7

На следующую ночь я, к своему великому удивлению, обнаружил, что стены библиотеки чисто побелены. Я и забыл, что велел слугам освободить их от росписей, но, увидев горшки, полные свежих красок всевозможных оттенков, вспомнил свои указания.

На самом деле я только и думал что о Маэле и Авикусе и, должен признаться, был заинтригован удивительным сочетанием цивилизованных манер и скромного достоинства, в полной мере проявившимся в Авикусе, но совершенно не свойственным Маэлу.

Маэл навсегда останется для меня варваром, безграмотным, неотесанным, но прежде всего – фанатиком, ибо не что иное, как его фанатичная вера в Бога Роши, привела меня к гибели.

Справедливо рассудив, что единственный способ выбросить из головы обоих соплеменников – это расписать обновленные стены, я немедленно принялся за работу.

Я не обращал внимания ни на гостей, которые, естественно, уже пировали, ни на тех, кто входил и выходил через открытые ворота или прогуливался по саду.

Видишь ли, к тому моменту я уже не испытывал острой необходимости в крови, и, хотя в этом отношении по-прежнему оставался хищником, частенько отправлялся на поиски жертвы лишь поздней ночью или ранним утром, а то не охотился вовсе.

Итак, я принялся за фреску. Не тратя времени на обдумывание сюжета и разметку, я начал неистово покрывать стену огромными сочными мазками, воссоздавая все тот же сад, который не давал мне покоя, и тех нимф и богинь, что были столь хорошо знакомы моему внутреннему взору.

При всем желании я не смог бы назвать по именам обитателей этого необыкновенного сада. Они могли быть созданы воображением Овидия, сойти со страниц Лукреция или слепого поэта Гомера. Мне было все равно. Я забывал обо всем, изображая воздетые руки и изящные шеи, овальные лица и развевающиеся на легком ветерке одеяния.

Одну стену я выделил под колонны и украсил их вьющимися лозами. Другую расписал стилизованными растительными орнаментами. А третью разделил на несколько небольших участков, намереваясь каждый из них посвятить определенному божеству.

Тем временем дом до отказа заполнился шумным народом, и некоторые из моих любимых пьянчуг постепенно добрались до библиотеки и застали меня за работой.

Мне хватило ума умерить свой пыл, дабы не перепугать их противоестественной быстротой движений. Но в остальном я не отвлекался, и лишь в тот момент, когда один из музыкантов зашел поиграть мне на лире, я понял, насколько безумное впечатление производит мой дом.

Вилла полна гостей, наслаждающихся вином и трапезой, а хозяин, надев длинную тунику, расписывает стену! Занятие, подобающее ремесленнику или художнику, но никак не римскому патрицию.

Абсурдность ситуации заставила меня рассмеяться.

Один из молодых гостей, восхищенный моим талантом, воскликнул:

– Мариус, ты нам не говорил об этом ни слова! Мы и не подозревали!

– Я и сам не знал, – уныло ответил я, продолжая работу. Белое пространство под моей кистью стремительно уменьшалось.

Так я продолжал работать несколько месяцев и даже добрался до обеденного зала, где гости, глядя на мой труд, подбадривали меня шумными выкриками. Ни одно из моих творений меня не устраивало, да и их, похоже, в восторг не приводило.

Богач, собственноручно расписывающий фресками стены собственной виллы, представлялся им не более чем забавным и эксцентричным чудаком. В бесчисленных советах,

данных спьяну, толку не было. Образованные люди знали легенды, в которых я черпал вдохновение, и любовались их воплощением в красках, а молодежь пыталась вовлечь меня в споры, но я решительно отказывался.

И все же больше всего я любил рисовать просторный сад, не отделенный никакими границами от нашего мира, от танцующих гостей и склонивших ветви лавров. Знакомый сад. Я воображал, что смогу укрыться в нем хотя бы в мыслях.

В тот непростой период я не рисковал посещать святилище и предпочитал покрывать росписью стены собственного дома.

Время шло, и древние боги, оживавшие на моих стенах, быстро исчезали из римских храмов.

В какой-то момент Константин объявил христианство официальной религией империи и запретил язычникам поклоняться древним богам.

Думаю, Константин не хотел силой навязывать кому бы то ни было религиозные предпочтения. Но так уж вышло.

А я рисовал беднягу Бахуса, бога вина, и его беззаботных последователей, рисовал блистательного Аполлона, преследующего отчаявшуюся прелестницу Дафну, которая предпочла превратиться в лавровое дерево, но не покорила божеству.

Я все работал и работал, довольствуясь обществом смертных и в мыслях своих заклиная Маэла и Авикуса не искать в моей голове разгадку великой тайны.

Однако я постоянно слышал и ощущал их близкое присутствие. Шумные пиршества приводили их в замешательство и отвращали от моего дома. Каждую ночь они бродили вокруг, а потом шли прочь.

Но в конце концов неизбежное произошло.

Они появились у ворот.

Маэл попытался войти, не спрашивая разрешения, но Авикус удержал его и с помощью Мысленного дара обратился ко мне с просьбой о встрече.

В ту ночь я остался в библиотеке, стены которой расписывал уже в третий раз, а пиршество, слава богам, пока что сюда не перетекло.

Я отложил кисть и вгляделся в незаконченную работу. В фигурке Дафны вновь угадывался облик Пандоры; Дафна, отвергшая притязания влюбленного бога, задела трагическую струну в моем сердце. Какую же глупость я сделал, бежав от своей любви!

Долго и самозабвенно разглядывал я свое творение: неземное существо с волнистыми темными волосами.

«Ты умела проникнуть в самые глубины моей души, – безмолвно обращался я к своей покинутой подруге, – а они хотят выпотрошить мое сердце. Что же мне делать? Да, мы ссорились, но ссорились с любовью и уважением! Я не могу без тебя жить! Пожалуйста, вернись, где бы ты ни была!»

Но уединению моему, похоже, пришел конец, и внезапно я осознал, что, несмотря на все страдания последних лет, на самом деле ценил его очень высоко.

Заперев библиотеку, дабы обезопасить себя от непрошенных визитов развеселившихся смертных гостей, я безмолвно пригласил вампиров в свой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.